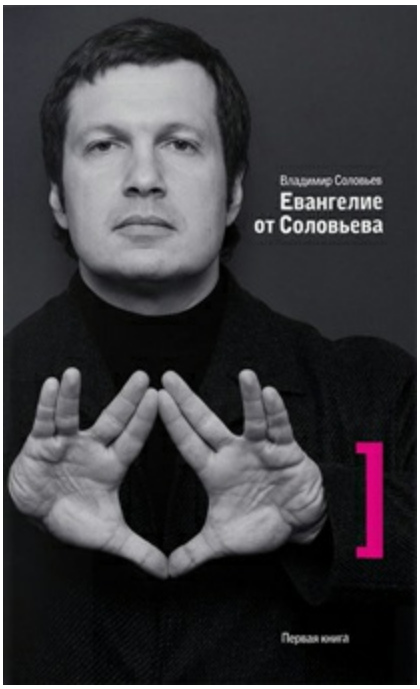
VISIT…

Владимир Рудольфович Соловьев

Евангелие от Соловьева



«Евангелие от Соловьева»: КоЛибри; Москва; 2006

ISBN 5-98720-021-0

Аннотация

Владимир Соловьев — одна из самых заметных и популярных персон современного российского телевидения, автор и ведущий захватывающих ток-шоу, мастер острого, напряженного и глубокого интервью, «лицо» телеканала НТВ и «голос» радиостанции

«Серебряный дождь», — предстает перед публикой еще в одном, совершенно неожиданном качестве.

Книга «Евангелие от Соловьева» — увлекательный роман-приключение, в котором парадоксально, но органично слились черты самых разных литературных жанров и стилей: это и психологический триллер, и философская притча с элементами мистики, и полный сарказма очерк нравов и обычаев мировой телевизионной индустрии.

Удивительное стечение обстоятельств сталкивает героя книги, знаменитого российского тележурналиста, с человеком, в котором он готов признать вновь явившегося в наш мир Мессию. Приняв на себя роль Его апостола, герой берется организовать крупнейшее в истории телешоу, чтобы разом оповестить все человечество о пришествии новоявленного Спасителя. В круговорот фантастических событий этой истории оказываются вовлечены самые неожиданные герои — от президента России Владимира Путина и папы Римского, до миллиардера Билла Гейтса и всемирной телевизионной суперзвезды Ларри Кинга.

Владимир Соловьев. Евангелие от Соловьева

Первая книга

Глава первая

— Почему вы улыбаетесь? Вас радует, что я священник?

Вопрос обращен ко мне. Улыбка ушла. Как объяснить человеку в рясе, стоящему у здания Государственной думы в самом центре Москвы, что я всегда пытаюсь улыбаться идущим навстречу, да и ввязываться в

дискуссию не было времени. Я опаздывал на встречу и не хотел заставлять себя ждать.

— Нет. Но мне приятно видеть человека, служащего Богу.

— А вы сами верите?

— Верую. Это длинная история. Обычно мои воззрения навевают на священников уныние.

— Так вы не христианин?

Начинается... Сейчас очередной ряженый начнет проповедовать. И на его угреватом лице расцветут алые пятна религиозного экстаза. Как я устал от их убежденности и от дурного образования...

— Христианин, но принять могу не все. Видите ли, я еврей и тяготею к лукавому мудрствованию... Еле выговорил.. И вообще христианство — это наш внутренний еврейский вопрос. Шутка. Не падайте в обморок!

— Не упаду. Я тоже еврей. Да и Он, как вы понимаете. Хотя что я вам рассказываю... Сами скоро увидите, очень скоро.

На лице священника появилась блаженная улыбка, и, отвернувшись от меня, он заспешил в сторону Большого театра.

Убежденность данного экспоната заинтриговала. Но... Меня ждет государственный муж. А общение с подобными людьми всегда радует предвкушением финансовых потоков из их карманов — в мои. И мало ли странного на улицах Москвы... Бог даст, потом все пойму

Парадный подъезд, тяжелая дверь, охрана, лестница, второй этаж.

— Добрый день, как дела?

— Спасибо, а у вас?

— Порядок.

И улыбаться. Узнают! Приятно. Спасибо радио плюс ТВ.

Приемная, секретарь, строгая улыбка.

— Владимир, Борис Ефимович уже несколько раз о вас спрашивал.

— Виноват, грешен, каюсь. Стучу, дверь на себя.

— Володь, у тебя совесть есть? Хоть раз можешь прийти вовремя?

— Извини, Борис Ефимович. Чудной поп стал обращать меня в истинную веру прямо у дверей Думы. Еле отбился.

— У меня и так весь график летит, а тут гении-генетики голову забили своими байками... Говоришь, поп чудной... Ты бы на этих красавцев полюбовался...

Представляешь, оказывается, овечка Долли, да и вообще всё, что они там, на Западе, с клонированием вытворяют, — просто детский сад.

Наши умельцы раскручивали эту тему еще с конца шестидесятых. С животными прошло гладко, и они решили клонировать людей. Конечно, задача номер один — дедушка Ленин и все гении по порядку. Так что с финансированием никаких проблем. Но решили начать ни много ни мало с Христа. Логика, конечно, в этом есть: в случае провала — плюс к антирелигиозной пропаганде. Штирлицы в Италии расстарались и добыли генетический материал с Туринской плащаницы. Что и кого они там делали, не знаю, деды особенно и не распространялись — старая школа, — но оплодотворить им кого-то удалось.

Ясно, что начинали с политически грамотных и классово близких... Но не срасталось. Пришлось методом проб и ошибок остановиться на молоденькой еврейской девушке. Она-то единственная и родила. А дальше как водится: Расея. Девчонка с ребенком, не будь дурой, с первой волной еврейской эмиграции отправляется на историческую Родину, и след ее теряется. Такая вот история!

— Забавно. А чего деды сейчас хотят?

— Денег и помощи. К ним обратились какие-то религиозные фанатики из Штатов с идеей клонировать Христа. Наши опасаются проворонить шанс заработать да и прославиться. Но все же они с допусками и грифом СС через всю биографию, вот и хотят заручиться поддержкой государства во избежание проблем.

— Н-да, прямо сценарий... Не забивай себе голову, сейчас и так проблем много. На этой теме не выиграть, будешь выглядеть по крайней мере странно. Страна — сам знаешь чем живет, а ты в фантастику вдарился... А от меня-то чего хотел?

— Так ведь выборы в регионах. У нас планов громадье, а от вас, телевизионщиков, содействия ноль. Надо бы поддержать здравые начинания. Помог бы парой передач и съездил бы со мной в регионы... Там же ребята дикие, а ты хоть пособишь грамотно снять. Об условиях договоримся.

— Идея хорошая. Я не против. Но не сейчас. Вот из Штатов вернусь через пару недель — и конкретно обсудим.

— А чего в Штаты?

— Да автомобильная выставка, спонсоры платят, а я до машин и гамбургеров большой охотник.

Глава вторая

Давно хотелось в США. Мечта идиота: номер в гостинице, пицца и полдюжины пива, пол усеян пакетами покупок. Лежишь себе на гигантской койке и скользишь по бесчисленным каналам ТВ.

Народ всюду вежливый, цены детские, на каждом углу ресторан, каждое третье здание — церковь, в них по воскресеньям собирается весь город, если это, конечно, не Нью-Йорк.

Когда-то я преподавал в Штатах. И, наверное, лишь там был счастлив. Тогда у меня была любимая и любящая жена, новорожденная дочь, друзья, надежды, глубокая вера в собственные силы. За прошедшие годы многое изменилось. И сам я стал килограммов на сорок взрослее.

Утро началось с обычной суеты. Побросать вещички в чемодан, упаковать ноутбук, проверить паспорт, билеты, деньги, кредитные карты, присесть на дорожку. Закрыть глаза, глубокий вдох, выдох. На несколько дней одна суета сменит другую — прекрасный отдых.

Тяжело прошла ночь, а чудной поп не уходит из памяти. Как он сказал: «Сами скоро увидите»? Странно, что он имел в виду? Неужели пора готовиться к встрече с Создателем? Нет, не то чтобы я против, точнее, вряд ли это зависит от меня, но не хотелось бы огорчать как членов семьи, так и многих предсказывавших судьбу. Мне ведь до напророченного рубежа «восемьдесят» лет сорок...

Подойду к окну, закрою глаза, три раза через правое плечо, во имя Иисуса Христа перекреститься.

Неведомая сила, лететь мне или нет? Сильно качнуло к окну. Лететь.

Конечно, все это суеверия, но в моем случае всегда работает. Этому ритуалу меня научила экстрасенс из Крылатского в 1995-м. И с тех пор не принимаю ответственных решений, не посоветовавшись с высшими силами. А уж силы то добра или зла, неведомо.

Мне не часто гадают по руке, по картам и составляют гороскопы. И каждый раз этот занятный люд как-то странно смотрит и словно чего-то недоговаривает или не может понять. Сходятся на мистическом предназначении и прочем модном в смутные времена бреде. Впрочем, я и правда всегда предчувствую неприятности. Как говорит мудрая мама: «Господь, пугай, но не наказывай». Действительно, надо научиться слышать звоночки судьбы и понимать, что они предшествуют несчастьям.

Что так на душе тревожно... Устал? Ладно, полет долгий, времени хватит — разберусь с чувствами и мыслями.

Пора выезжать. Куплю на полет какую-нибудь книжечку и очнусь уже в Штатах — красота.

Почему все оказывается не так, как планируешь? В ларьках, кроме макулатуры, ничего нет. Глаз остановить не на чем. Обидно. Ладно, давайте газету.

Ну вот, сразу на развороте — Русская православная церковь осуждает идею клонирования Христа, с которой выступили религиозные учреждения США. Понимаю, почему бы и не осудить... Чай, не торговля акцизными товарами и не банковская деятельность ряда церковных деятелей — можно и осудить.

Не люблю я их. Нет у меня им веры — лоснящиеся сытые попы разъезжают на дорогих иномарках и курят дорогие сигареты. Как такому можно верить! Ни любви, ни скромности. Да и единобожия никакого, икон море, каждому святому своя молитва, по своему поводу: денег надо — направо, чтобы девчонки любили — наверное, налево...

Бред... Ведь сказано в Евангелии, как молиться и кому... А, что о них... Горбатого могила исправит — люди занимаются бизнесом, каково общество, таковы и они.

Совсем не могу назвать себя набожным. Но государственный атеизм моей молодости был уж настолько невежественным и косноязычным, а тревога Мастера и Маргариты столь волнующей, что хотелось верить в Бога — и возалкал он пищи духовной!

Набор интеллигентного еврейского юноши — Евангелие, избранные места из Ветхого Завета, первые страниц двадцать, Екклесиаст, Песнь Песней, Притчи, — и можно производить впечатление на девочек и хмуро витийствовать.

Увлекся. Так можно прозевать рейс, а еще есть маленькое дельце к начальнику смены.

Весь мир не любит полных людей. Это заговор тощих. Здоровый образ жизни, диеты, тайские таблетки для похудания и прочую чепуху придумали мудрецы из авиационных компаний. Допускаю мысль, что не только они. Однако их выгода очевидна — в салон вмещается больше кресел. А уж факт, что красавцу за центнер в эту скорлупку никак не забраться, их не смущает. Дескать, сам виноват, зачем расцвел! Но у меня есть секретный план — подпорчу им экономику...

— Здравствуйте, ваши высокие благородия! Помогите бедному журналисту...

— О, как складно излагаешь!

На лице рыхлого гражданина лет тридцати пяти появилась улыбка. Его напарник, уткнувшись носом в рацию, произносил несвязанные слова, кем-то далеким принимавшиеся за команды.

— Сто двадцать пятый борт двоих в эконом на подсадку... — Подняв на меня глаза и глядя в коронку третьего коренного зуба через мои сомкнутые губы, он обреченно произнес: — Излагай.

— Лечу в страну победившего капитализма, что радует их, но эконом-классом, что огорчает меня. предлагаю пересмотреть итоги приватизации прямо здесь и сейчас путем обмена портрета мертвого президента на повышение класса.

— Президентов было много, — философски заметил непропеченный аэрофлотовец, — не все нас радуют.

Франклин порадовал. Спасибо вам, товарищ чужой президент, за все и за особую похожесть на Михайлу Ломоносова, чем и объясняется столь глубокая любовь к вашим изображениям на нашей Родине, и от меня лично — за возможность чуть-чуть побаловать себя за счет хозяев «Аэрофлота».

Таможня — зеленый коридор.

— Валюта есть?

— Есть. Но меньше, чем хотелось.

— Проходи.

Регистрация, паспортный контроль, пустое томление зоны отчуждения, гейт-контроль, посадка, место.

Здрасьте-здрасьте — как, и вы? — да вот так, ненадолго, по делам практически — ах-ха-ха, ох-хо-хо...

Закинуть сумку, пристегнуть ремень, закрыть глаза.

Что же меня гложет изнутри? Спокойствия нет, живу, не давая себе паузы на размышление, боюсь остановиться — незачем и не с кем. Промежуточный финиш показал душераздирающий итог. Жена в результате недолгой совместной жизни осознала и укрепилась в чувстве к другому, и я перешел в категорию экс и к проживанию на даче за пределами МКАД. Дети растут, видя отца в основном по телевизору. Дело, которому отдал десять лет, превратилось в хобби, высасываю все деньги и еще оставляю долги. Если бы не мама и обязательства перед отпрысками, вышел бы из окна посчитать этажи примерно с пятнадцатого вниз.

Господи, тоска-то какая! А я еще не выпиваю — не берет. Спорадическое бонвиванство, замешенное на донжуанстве, тешит фрагменты плоти и не засоряет памяти.

Скотина какая-то! Зачем все это? Неужели такова цена успеха в СМИ — народная любовь выжигает личную жизнь? Тошно. И выражение лица у меня становится профессиональным при беседе с согражданами, и мозг не включается. Говорю, а сам из тельца выхожу и любуюсь сверху на происходящее, вроде я — и не я. Видно, у меня осталась-таки душа — она и рвется наружу, невмоготу ей со мной.

Главное — не сорваться. Омерзительное зрелище, когда широченный мужик начинает боевой танец с криками и угрозами. Роста мне не

додано, но нокаутирующий удар и резкость восполнили этот пробел, а лет двадцать увлечения мордобоем превратили критические ситуации в обыденные. Порой их не хватает, кулаки начинают чесаться и...

О чем это я? В голову лезет разнообразная чушь, сорок лет, а ума не нажил. Своя боль — не чужая, болит. Пора бы и повзрослеть, гнать надо такие мысли.

Лучше посмотрю, что у меня в портфеле.

В портфеле полно всякой всячины. Неудивительно, все свое ношу с собой: ноутбук, телефоны, зарядные устройства, портмоне, документы, билеты, бумажечки с накарябанными телефонами, зачастую без имен, выбрасывать жалко, да и неловко перед их обладателями, вдруг вспомню. Если порыться, можно и черта отыскать — какие-то сувениры, фотографии, ручки, долларовые купюры, старые проездные документы (обожаю канцелярскую формулировку), брошюрки... Ну вот, «Сатанизм и евреи». Даже открывать не буду, наверняка белиберда. Еще один несостоявшийся гений, во всех своих бедах уличающий евреев.

Что им всем евреи покоя не дают? Всё заговоры мерещатся... Полудурки, пережевывают еврейские идеи и поклоняются еврейским богам, а потом на евреев же и лают. Не понимаю, ну, поклонялись бы Одину или Амону-Ра, а может, и огненному Яриле, и не было бы к ним вопросов. Тогда бы их ненависть к евреям была неприязнью к чуждому мировоззрению. Но нет же, надо упертым антисемитам, прикрываясь христианством, мусульманством или коммунизмом, выставлять себя на посмешище, переписывая историю и придумывая новые родословные, забывая, что и Ветхий Завет, и Новый написаны не на русском, арабском или английском, а на родном для очень нелюбимых и изредка носатых гордых победителей всех своих врагов.

Против истины заклинания не действуют. Судите сами.

Марксизм. Вы меня, конечно, очень извините, но у товарища Маркса неувязочка с родословной. Он, понимаете ли, чуть-чуть еврей. Как и многие другие

идеологи-воплотители-расхитители-растлители-погубители-спасители.

Мусульманство. Братья мои, что же вы такие наивные... Ведь сказал вам пророк Магомет: «Пусть славится в веках имя Его, я вам принес законы Моисеевы...» А тот, извините, был насквозь пархат, до последнего атома. И если Моисея назвать Муссой и Иисуса Иссой, они от этого ваххабитами не станут, а как были, так и останутся евреями.

Христианство. Ой, можно сейчас же ставить многоточие и задавать лукавые вопросы. А, простите, мама у Спасителя кто будет? А апостолы, мы, конечно, прощения просим, чьих будут? И не надо так сразу обижаться, Бог-то к какому народу пришел? И где в Библии хоть слово о великих славянах, немцах, ненцах, американцах, фиганцах, и прочая, прочая, прочая? Нет там этого! Так что — не почто вы, жиды, нашего Христа распяли, а почто не вашего, а нашего распяли — не мы, а римляне, итить их мать? А мы бы и распинать не стали, не в традиции, мы бы камешками закидали. Ой, мама, сидите на кухне, жарьте себе рыбу. И вообще — геть от нашего внутреннего еврейского вопроса...

Так думал молодой повеса, летя... Вот великий эфиоп, все предвидел, все предугадал.

Глава третья

Детройт мне не понравился — грубый памятник тщеславию автомобильных магнатов. Заброшенные фабрики. Пустые глазницы обшарпанных небоскребов центра города. Угрюмые лица горожан. Хорошенькое место для выставки, нечего сказать, всего парочка приличных ресторанов, да и то от гостиницы полдня добираться.

Одним словом— город контрастов. А может, все и не так плохо, просто с погодой не повезло. Пасмурно, сыро, вот негры и насупились — мерзнут, гены-то у них не эскимосские.

Гостиница не предвещала ничего хорошего. Этажей немерено, но понять, какой лифт куда везет, невозможно. Понаставили кучу цилиндров и хихикают над твоими потугами сориентироваться на чуждой местности.

Зато номер воплощает Америку: кровать размером с Великие озера, телевизор, старинный телефон и Библия в тумбочке у изголовья постели.

Посмотрим в ящиках. Путеводители, «Желтые страницы»... Листовка. Неужто всех призывают на маевку? Ффу-у-у-у, отлегло от сердца — всего лишь новая Церковь очередного Великого Черного Брата зовет в свое лоно с пяти до семи каждый день. В программе — разгон облаков, излечение страждущих,

сбор пожертвований, песнопения и т. п. Забавно.

Стук в дверь.

— Кого Бог послал?

— Это я, Олег, — отозвался знакомец-журналист.—

Пойдем пожуем? С голодухи в животе любимый классик Сергей Михалков на дорогую с детства мелодию Александрова озвучивает лично все варианты гимна.

— Ты что, вражина, позвонить не мог?

— Не-а... Там же все по-английски написано.

— А как ты пишешь об автомобилях, если на языке потенциального врага даже «хенде хох» сказать не можешь?

— Вот это ты зря... Настолько-то я языки знаю. Это по-немецки. А всякое чтение мне необязательно. Фотки и циферки я и так понимаю.

— Ну-ну, звезда советской журналистики, жди меня у сеновала в полночь.

— Где?

— Да у лифтов через десять минут!

Душ. Постоять, помокнуть, выбивая горячей водой из пор усталость промелькнувших под крылом километров. Счастье-то какое — стоять и мокнуть. И не уходил бы никуда! Пусть Олег остолбенеет, мумифицируется от голода. Ясно ведь, что я нужен ему как толмач и источник американских рублей. Он наверняка абсолютно случайно забудет кошелек в номере. Ладно, поможем коллеге.

На улице противно, промозгло, можно, разумеется, и не выходить за пределы гостиничного комплекса. Но лучше быть готовым ко всему. Возьму курточку, облачусь в любимый левайс, свитерок, надену декстер шуз. Теперь я неотличим от американца. Ну, разве глаза умные... Ай, молодец, хорошо пошутил! Классическое проявление великорусского шовинизма — мы умнее, образованнее, талантливее, искреннее. Только вот с меткостью у нас проблема — все мимо унитаза, оттого туалеты жуткие. Но ведь культурный индивид о такой плотской низости и думать-то не будет, не то что воду за собой спускать. Великие наследники Достоевского! Одну шестую часть суши засрали, а теперь как тараканы расползаются по наивно выдавшей визы иностранщине и гадят в их чистеньких ватерклозетах и реструмах. Мол, хватит о заднице, о душе пора думать. Пусть пятая точка в свинце от газеты «Правда», но ведь глаза, глаза умные... И от чистого сердца мы посылаем фальшиво улыбающихся иностранных придурков по месту их рождения — к такой-то матери.

Хорошо! Восстановил желчно-саркастичный баланс организма. Можно разделить нужды брата-славянина.

Выходи строиться, голодная журналистская свора! Кому тут еще комиссарского тела!

У лифтов столпился цвет российской автомобильной журналистики. Цвет был поблекшим, голодным и нетерпеливым. Как малые дети, наконец освободившиеся от надоедливой родительской опеки, хмурые щетинистые отцы семейств, вырвавшиеся из-под контроля жен,

жаждали возлияний и действия.

Олег был не один — на хвосте он привел пятерых счастливых англонемых, радостно кивающих головой на меню в ресторане и рассуждающих о недостатках машин, которые они никогда не смогут купить. От этого критика становится более едкой, а обладатели раскритикованных авто видятся воплощением тупости.

— Володь, пойдем куда-нибудь. Ребята тебя просят, помоги с пивком разобраться. Сам знаешь, официанты тут народ тупой, по-русски ни бум-бум, а ты шпрехаешь.

— Нет проблем. А зеленых рублей мы сколько хотим потратить и какой еды просит душа?

— Закусить она просит, и побыстрее. Ну пойдем, не томи!

— Да куда? Жабры залить можно и на халяву, языка знать не надо, шведский стол, а водка да виски на всех языках звучат одинаково...

Ладно, доведу ребят — в каждом из нас живет Сусанин.

— За мной, шляхтичи.

Напрасно я ввязался. Как кони, почуявшие водопой, собратья выбрали направление движения и неотвратимо приближались к месту попойки. Их шаг становился все уверенней. Они и не заметили, как я начал отставать. А когда в зоне видимости появилось питейное заведение, ведомые и вовсе перешли на галоп.

Ресторан казался странноватым. В нем угадывался английский дух. Как он очутился в темном квартале умерших небоскребов, понять было сложно. Возле ресторана стояло несколько машин, шла какая-то жизнь. А соседние заведения уже сдались надвигающемуся запустению — витрины забиты картоном, однако великое бездомное братство еще не успело завладеть территорией и раскрасить фасады граффити.

За ребят я был спокоен — это идеальное место для нажирания вусмерть

и недалеко до гостиницы, доползут.

Сели, рассупонились, погалдели. Как водится, вдруг вспомнив когда-либо слышанные языки, веселясь непониманию официантов, сами все и заказали. Конечно, «все» — преувеличение. Большинство из страны в страну, из ресторана в ресторан заказывают одно и то же блюдо, когда-то, во время первого пребывания за рубежом, не вызвавшее изжоги и порекомендованное старшим товарищем. Такая традиция питаться только сейчас постепенно уступает место вкусовой распущенности всезнаек-гурманов. И все труднее найти истинных хранителей корней, воспроизводящих самый первый исторический заказ, сделанный на Капри дедушкой Лениным и поддержанный цветом русской литературы Алексеем Максимовичем горьким, произнесшим ар-р-р-р-р-р-р-р-р-хиважную для его дальнейшей биографии фразу: «Я буду то же, что и Ленин». Побаловался — грешен.

Глава четвертая

Сижу, смотрю в окно. Недалеко, но рассмотреть хорошо не получается. Скорее угадывается какая-то активность: по той же стороне, что и ресторан, мелькает луч и происходит ритмичное движение теней. Мною овладевает не любопытство, а ощущение предопределенности.

Встаю, выхожу. Шагах в пятидесяти из здания, напоминающего сельский клуб, выбивается свет. У входа несколько человек с листовками пританцовывают под звуки соулов. Прохожу мимо них и попадаю через фойе в почти чистый зал.

Ряды деревянных сидений, самодельный алтарь там, где когда-то была сцена, разобранная и теперь возвышающаяся остовом Ноева ковчега. Небольшая фигурка проповедника. Да это же тот самый Черный Брат — из гостиничной брошюрки! Заметно, он сегодня в ударе-угаре. Время-то уже хорошо к десяти, а разгон облаков должен был состояться в семь. Не жалеют себя люди!

Ну, пришел, так посижу чуток. Вот и местечко на скамеечке недалеко от прохода.

Публика вокруг пристойная, пена изо рта ни у кого не брызжет. Костюмчики, платья. Нельзя сказать, что вокруг одни негры. Много светлокожих всех мастей и оттенков. Все увлеченно смотрят на сцену, где разворачивается драма исцеления.

Вошедший в раж Черный Брат, произнося евангельские тексты — на мой взгляд, не к месту и неубедительно, — обхватив руками голову стоящего напротив мальчика, приказывает бесам немедленно освободить глаза отрока и вернуть зрение. Он кричит, а мальчик стоически переносит происходящее.

Мне неловко, как будто присутствуешь при мерзком фарсе. Ведь мальчик надеется, и его родители тоже.

Да-да, та же неловкость, что при соучастии в осуждении отщепенцев, уезжающих в Израиль, на комсомольском собрании 10-го класса «А» в школе имени товарища матроса Железняка.

— What an idiot, — это не я сказал, а мой сосед. Вряд ли он слышал про товарища матроса, так что его реплика явно относилась к Черному Брату.

— Yeap, feel sorry for the boy.

— Можете говорить по-русски.

— Это что же, у меня такой акцент?

— Нет, не в этом дело — просто вижу, что вы русский. Мальчика действительно жалко: он слеп от рождения и бесы тут ни при чем. У родителей нет денег на лечение, да и вряд ли поможет...

Собеседник говорил по-русски чисто и нараспев. Наверное, мой ровесник или чуть моложе. Семитский тип, лицо чистое, продолговатое, тонко очерченный нос — заурядная внешность. Чуть прищуренные

глаза, руки рабочего, одет, как и все американцы, на сто пятьдесят долларов. От него исходит спокойствие.

— Из эмигрантов?

— Да, конечно. Родился в России, мама уехала в Израиль, когда я был совсем маленьким, но она говорила со мной дома по-русски. В Америке лет двадцать. Мама вышла замуж, и мы все переехали сюда. Они живут в штате Мэн, ее муж рыбачит... А я вот решил пожить самостоятельно.

— Чем занимаетесь?

— Столяр. — Парень сделал паузу и ухмыльнулся своим мыслям. Бросил на меня лукавый взгляд, однозначно указывающий на его семитские корни. — Мне нравится работать с деревом, оно живое. Но в последнее время я все больше вечерами здесь.

— Зачем?

— Люди, пришедшие сюда, верят этому обманщику... Но ведь страдания их истинны. Вот я и стремлюсь облегчить их мучения.

Н-да... Почему-то профессиональный скепсис отказывает. В любом другом случае я бы расплылся саркастической ухмылочкой и уж как минимум отошел от блаженного подальше. Может быть, сказывается усталость от перелета, а может, необычность совпадений.

Тем временем на авансцене бесплодность предпринимаемых попыток стала понятна даже самому Черному Брату. И, продолжая произносить нечленораздельные звуки, он отпустил мальчика, оттолкнув его от себя к проходу между скамейками. ЧБ булькал и кричал, что бесы сильны и мальчик сам бес, посланный подорвать веру в него, великого ЧБ, но что он его раскусил.

Мальчик вел себя странно. На его лице появилась улыбка. Он хоть и неуверенно, но все-таки зашагал к дверям. Родители, сидевшие у дальнего края сцены, хотели было последовать за сыном, но он не звал их. Шаги мальчика постепенно обретали твердость, он шел к нашему

ряду, смотря незрячими глазами в лицо моего соседа. У того на устах застыла улыбка, и мальчик улыбался в ответ.

Не доходя нескольких шагов, мальчик протянул руки, и мой сосед поднял руку— ребенок остановился, как будто уперся в стену, и начал оседать, закрыв лицо ладошками. От спокойствия, выраженного на его лице, и беззвучности всего происходящего стало страшно.

Я почувствовал, что время остановилось.

Мальчик не падал — он медленно садился на пол, умиротворенный и счастливый.

Я знал, что будет потом, и мне казалось, что я сплю.

Мой сосед продолжал сидеть, не многое изменилось в его лице. Людям в зале вряд ли было понятно, что совершается. Завывания ЧБ, не прекращавшиеся ни на минуту, вдруг перестали доходить до ушей. Должно быть, звуки остались только там, в его мире. Казалось, присутствующие скованы и безвольно взирают на происходящее.

Мальчик сидел на полу, не отнимая ладоней от глаз. От него веяло спокойствием и счастьем.

Вдруг он убрал руки и, улыбаясь, сказал громко и внятно:

— Мама, я вижу!

И все ожило. Люди вновь обрели голоса и радостно выражали восторг. Родители бросились к мальчику, завертелась карусель сопричастности к чуду.

Я не отрываясь смотрел в лицо соседа.

— Как ты это сделал?

— Что — это?

— Я все видел. Ведь это ты вернул ему зрение.

— Они думают по-другому и во всем усматривают заслугу Черного Брата.

Прихожане, превратившиеся в толпу, уже были готовы разобрать ЧБ на сувениры. Они не замечали нас.

Счастливые родители увели мальчика, и мы остались наедине со спинами беснующихся очевидцев, так и не увидевших случившегося.

— Пойдем. Оставим мертвым хоронить своих мертвых.

Глава пятая

Мы вышли на улицу.

— Как тебя зовут?

— Мама назвала Даниилом.

— Красиво. Так как ты это сделал?

— Я ничего не делал. Мне очень захотелось помочь мальчику, и все. А как тебя зовут?

— Владимир.

— Властелин мира. Красиво. Это значит, что ты можешь принести людям мир — коли им владеешь, то можешь и принести. Смотри, получится зеркальное отражение Писания: «...не меч принес я вам, а мир».

— Может, ты экстрасенс?

— Не знаю, слово странное. Кто такой экстрасенс? Разве не каждый из нас может им оказаться — матери, принимающие боль детей как

собственную и предчувствующие несчастия за тысячи миль, возлюбленные, теряющие покой от пришедшего знания грозящей беды?.. Неправильное это слово, холодное. Творящих чудеса мало, именем Его — и вовсе не найдешь. А остро сопереживающих много.

— Удивительный ты какой-то столяр, и отчим у тебя рыбак. Может, ты плод безгрешного зачатия?

Даниил улыбнулся:

— Я об этом не думал. Про отца мама никогда не рассказывала, только говорила, что из России уехала по своей воле, но опасалась за меня, мол, меня хотели отобрать у нее и поместить для наблюдений в какой-то институт. Она решила не отдавать меня. Но сам я отношусь к этому спокойно. Не то чтобы сомневаюсь, но не особо задумываюсь. В Израиль мама уезжала спасать меня. Там оказалось несладко: мама была совсем молодой, без профессии, да еще я на руках. Хорошо, что повстречался Иосиф, он гораздо старше мамы, но очень добрый и праведный человек.

— Можешь не продолжать. У меня есть мысль... Настолько крамольная, что высказывать ее пока не стану в связи с очевидностью совпадений. Ты где здесь живешь?

— За меня не волнуйся, у меня все хорошо — я живу там, где захочу, я богат.

— Деньги?

— Ты не о том думаешь, Владимир. Оставь все и иди за мной. Чувствую, ты этого хочешь. Идем со мной — и я дам тебе все, о чем мечтаешь. Дома тебя ждет волнение и суета, я же придам твоей жизни смысл, целостность и покой.

Господи, чушь какая-то! Что происходит? Ну да, вот сейчас я возьму и останусь, брошу все, что у меня есть: дом, машину — кстати, новую и любимую, — детей, маму, подружек, футбол с мужиками, друзей, пиво...

— Пиво не кажется убедительным доводом, оно есть всюду.

— Я что же, вслух рассуждаю?

— Нет, я читаю твои мысли. Ты тоже так сможешь.

Ну вот, теперь и не подумать... Нигде мне нет покоя... А слава, признание? Там я хоть кому-то нужен, пока не выгнали с «ящика»... Ой, этого он может не понять. Я имею в виду — с телевидения... Да и как и на что буду жить, в конце концов?

Стою на темной улице Детройта, и свет, выбивающийся из открытых дверей церкви, придает происходящему голливудский оттенок, усиливаемый завываниями ЧБ. Но наступит утро, с чем я останусь — немного наличных и карточки? Бог мой, что я так суечусь, что мне так страшно?

— Не надо бояться.

Во взгляде Даниила никакой усмешки, он смотрел на меня внимательно и очень проникновенно. Казалось, его... нет, вернее так — Его глаза излучают сострадание. Он походил на усталого земского доктора. Мне захотелось заплакать, положив голову Ему на плечо.

От этой идеи стало еще хуже... Экстрасенсы, мать их, до чего довели!

— Ошибаешься, Владимир. Экстрасенсы ни при чем, ты обращался к Отцу Моему и был прав, у Него надо искать утешения и силы, лишь Он преобразит твою жизнь. Ты говоришь о признании и славе. Но все, что у тебя есть, ничто по сравнению с тем, что Он тебе даст. Сомнения понятны, не бойся — иди за Мной, ты не будешь знать ни гонений, ни нищеты, Отец Мой защитит тебя, ибо час воцарения царствия Его близок и ты станешь одним из предвестников Его, ты исполнишь предначертание имени своего и овладеешь миром и даруешь его страждущим.

Даниил поднял руку и дотронулся до моего лба — легкая прохлада, потом кожу стало покалывать, как будто все поры разом открылись. И я

задышал каждой клеточкой тела. Я почувствовал, как наливаюсь неведомой светлой силой. Стало легко и радостно.

Подумал о маме и вдруг увидел ее: она хлопотала у себя дома на кухне, поставила турку на газовую плиту и, открыв холодильник, достала сыр к кофе. Странно, она же несколько месяцев уже не пьет кофе. На кухню вошла моя дочь...

Стоп, наваждение какое-то. Я взял мобильный и набрал номер — разница во времени, в Москве утро.

— Алло!

— Мама, привет!

— Здравствуй, сыночек, как у тебя дела? Я что-то тревожусь...

— У меня все хорошо, а вот у тебя сейчас кофе убежит.

— Ой, и вправду... Совсем забыла... Давно не пила, а тут захотелось. У тебя все нормально?

— Мам, не волнуйся, порядок, еще позвоню.

Н-да, ну и дела.

— Это только часть того, что ты можешь. Многое еще придет, — спокойно произнес Даниил.

— И что же мне теперь делать?

— Ничего. Жить с осознанием цели. Иди в гостиницу, ложись спать, с утра все станет на свои места. Если понадоблюсь, подумай обо Мне. Да, вот еще...

Он вытянул левую руку вверх, совершил движение кистью, как будто доставал что-то из воздуха, и протянул перстень. Ажурное плетение металла, наверное золота, но очень старого, оттеняло камень размером с ноготь большого пальца. Его поверхность покрывали арамейские

письмена. Но почему-то это не мешало сиянию, исходившему от камня. Я внимательно посмотрел на письмена и удивился, что могу прочитать: «Приидет царствие Мое».

Я смотрел на камень, сияние завораживало. Время покинуло пределы моего тела. Стало спокойно и хорошо. Очень. Мучившие меня телесные несовершенства ушли, перестала ныть потянутая спина, отпустила старая травма колена, даже веко, привычно сигналящее о переутомлении, больше не дергалось. Я был рожден заново и высоко держал голову, крепко стоя на ногах. Я видел все, что когда-либо случалось со мной, и радость и гордость за каждый поступок наполняли меня. Я не одинок. Свет становился материальным и придавал силы. Даже все мои подлости — маленькие и не очень — были известны Ему, и Он не упрекал меня — от Него исходили любовь и прощение, Он не стыдил, а понимал и прощал.

Глава шестая

Резкий звук клаксона вернул меня к реальности.

Ночь, Детройт, не самая хорошая улица не самого опрятного города США.

Передо мной останавливается такси. Из него выглядывает старый еврей и громко обращается ко мне:

— Ну что, так и будем стоять до второго пришествия, антихристово воинство? Давай залезай в машину, а то огребешь от какого-нибудь великого черного брата по белой тупой башке! Кому говорю, залезай в машину! Довезу до твоей вшивой берлоги!

— Спасибо, мне тут идти пару минут.

— Не умничай, сомнамбула, садись. Давай пять долларов, на

ком-нибудь другом сэкономишь.

Странный какой-то. Но колоритный, не отнимешь.

В машине висели звезда Давида и тексты из Торы. Я с удовольствием от ощущения внезапно обретенной учености прочитал их вслух.

— Не умничай, не в воскресной школе. Лучше пораскинь мозгами, с кем судьба свела. Приехали, вылезай!

Таксист определенно странный... На лицензии значится имя Енох. По виду возраст не определить, но старикан крепкий — видно, играл в американский футбол. Ни грамма жира, мощная фигура — прямо ветхозаветный патриарх. Как-то не вяжется с его развязной речью и с пятью долларами.

— Эй, психолог, не вяжется с пятью — гони двадцатку! Тоже мне доктор Фрейд...

Неужели я думал вслух или каждый второй в Детройте читает мысли?

— Каждый второй, каждый первый... Ты бы лучше для начала мыслями-то обзавелся, а то не много есть чего читать. Да и вообще мысли читать не сложно, а огорчительно. Вылезай, до номера сам дойдешь, не всю же ночь мне на тебя любоваться!

Я оставил старику двадцатку и вышел из машины.

Только сделал пару шагов, как Енох окликнул меня. Он вышел из такси и стоял, опершись о приоткрытую водительскую дверь.

— Внимательно читай Писание, внимательно! «Познаете их по деяниям их, не только от Отца сила идет, всегда помни об обаянии зла, отец тьмы коварен, антихрист приидет, называясь агнцем...» Иди и помни!

Ну все, хватит на сегодня. Перебор. В номер, в душ и в койку, опустошить содержимое бара — в плане пивка — и заказать пиццу в номер. Еврейские разборки никуда не денутся, а мечты надо исполнять.

Не прошло и получаса, как мальчишка-мексиканец доставил горячую пепперони. Под бульканье холодного бадвайзера начала осуществляться московская программа действий.

Я переключал с канала на канал, получая дополнительное удовольствие от понимания испанского, а не только английского, как раньше. Хотелось найти что-нибудь на японском, чтобы убедиться в полученном даре, или представить себя в постели с Ким Бессинджер. Впрочем, от этих идей я отказался в связи с их откровенной совковостью и неизбывной пошлостью.

Увы мне, увы... Что поделаешь, дай обезьяне микроскоп, так она станет заколачивать им гвозди. Но разве я в этом виноват? Граждане судьи, ой, простите меня, родненькие, мужика недалекого, социалистической системой исковерканного, не виноватый я, все по каплям из себя выдавливаю раба, а его там за всю историю-истерию России-матушки ну уж столько накопилось, столько... считай, цистерна, а может, и две, учитывая коммунистическое рвение и тягу к перевыполнению плана.

Попуржив еще пару мгновений, я, абсолютно счастливый, отошел ко сну, успев отложить в сторону пару кусочков пиццы и последним усилием воли выключив телевизор. Сновидения не приходили. Я отдыхал от перелета и неожиданных встреч.

Проснусь утром — все пройдет — ни Еноха, ни Даниила, я по-прежнему буду знать родную речь и английский, изредка выпивать с мужиками, мотаться по выставке и по магазинам в поисках шмоток для детей и себя, любимого... Все хорошо... Мне привиделось... Все хорошо...

Глава седьмая

Звонок. Утро.

— Хелло!

— Сам ты х..ло! Ты куда вчера делся?

— Во как... Ну с добрым утром и ту ю ту, дорогой товарищ Олег. Я делся... Не помню, куда делся.

— Вовка, я всегда знал, что ты скрытый наш человек, журналист — это диагноз, без гигантской печени в нашей профессии делать нечего. Ну ничего, вставай, пойдем на завтрак. Мы тебя полечим — не сирота.

Завтрак за границей — звучит как песня: ряды ветчин и йогуртов, сок и фрукты, белые крахмальные скатерти, чай в пакетиках, прикрытых металлическими боками кувшинчиков, и кофе ведрами. Симфония. Осознание невозможности наесться впрок провоцирует на бессмысленные подвиги чревоугодия.

Смуглолицая официантка, пробегая мимо нашего столика, роняет что-то с подноса и тихонько бормочет на испанском: «Ну я и растяпа...» Стоп! Почему я это понял? Я ведь не знаю испанского, никогда не учил, и весь словарный запас исчерпывался классикой — «бессаме муччо».

Значит, вчерашнее не приснилось, не пьяный бред и не визуально-слуховые галлюцинации.

В ужасе обхватил голову руками и почувствовал прикосновение холодного металла ко лбу. Так и есть, вещдок — перстень, как же я о нем забыл? Письмена на камне завораживали. И вновь, как вчера, время остановилось. «...Приидет царствие Мое...»

Зачем я теряю время в Детройте? Надо что-то делать, нельзя просто так сидеть в компании стареющих алкоголиков и набивать чрево.

Странная мысль. Что же, теперь и не поешь всласть?.. А как со всякими прочими усладами плоти, да и просто с тем, чтобы поразвлечься... А что делать со свининой, обрезанием и шаббатом? Все заветы — в жизнь и из

разгильдяя с мечущимся сознанием переквалифицироваться в пророка?.. Праотцам нашим было проще: что Авраам, что Моисей были призваны на служение в очень преклонном возрасте и нарезвились вдоволь. А я еще и не начинал.

Стыдно. Какой я все-таки недостойный, мелкий, суетливый человече. Выражаясь языком современного пиара, пара глав в Библии мне теперь обеспечена, а это ведь слава на века. На какие века?! Второе пришествие — это, знаете ли, все: Страшный суд, геенна огненная, и прочая, и прочая. Так что не на века, а на вечность — избранность, приближение к трону Господню. А на троне — Даниил...

Стоило только подумать о Данииле, и я почувствовал Его присутствие. Господи, что же мне теперь делать? Ответа не было, но появилась убежденность, что, если я поднимусь в номер и чуть-чуть подумаю, все встанет на свои места.

Наверное, я выглядел странно: после заминки официантки прошло мгновение — здоровый мужик, сидящий за столом, вдруг обхватил голову руками, отдернул их, как от раскаленного песка, бросил взгляд на перстень, вскочил и, не поднимая глаз, устремился к выходу. Олег только и успел сказать:

— Ну ты даешь! Видно, живот после запоя крутит.

Номер, телевизор, кровать.

Не задумываясь, включаю Си-эн-эн, и на весь экран появляется лицо Билла Гейтса. Конечно, вот и решение, вот что надо делать. Только союз Тернера и Гейтса принесет Благую Весть, и она словно молния озарит земной шар, и знание о Мессии наполнит мир благодатью, и сбудется пророчество. Дело за малым — убедить их в собственной правоте, заинтриговать. Но для начала получить возможность встретиться с одним из них и хотя бы успеть открыть рот и' обратить внимание на себя до того, как кто-нибудь из поклонников не запулит тортом в лицо своего кумира. То есть нужна рекомендация и аудиенция.

Сиречь ищи протекцию — вот как можно засорить родную речь! — но сути это не меняет.

Кто из знакомых способен посодействовать и что я могу предложить этим могулам?

Начнем по порядку. Знакомства в «Майкрософте» у меня есть, причем довольно высокопоставленные, как-никак Глава русского представительства — милейшая и умнейшая дама. Ну-ка посмотрим, где она сейчас.

Прелесть вновь обретенных возможностей — закрыть глаза и сосредоточиться. Совсем не так далеко, как я думал: Атланта, Джорджия, конференция майкрософтовских функционеров со всего света, Ольга беседует по телефону с мужем в Москве.

Нехорошо подслушивать чужие разговоры, но очень нужно, извините, пожалуйста... «Вернусь скоро, дня через три... Гостиница в самом центре, „Хилтон“ он и есть „Хилтон“... Да, скучаю...» Опустим, это личное... А вот и то, что меня интересует: послезавтра выступает Сам, по окончании — прием для своих, будет человек десять-пятнадцать.

Вот мой шанс! Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!

Быстро упаковаться — и в аэропорт, билет до Атланты, а там Ольге в ножки.

Деньги проверить — было две тысячи, две сотни я потратил, в остатке тысяча восемьсот. Что-то бумажник неестественно раздут. Странно, может, они размножаются или рукодельцы используют шкурку Курочки Рябы... Но с фактами не поспоришь, пересчет показал наличие девяти тысяч восьмисот долларов. Умно. Скажем, было бы десять штук, пришлось бы объясняться с официальными лицами. Спасибо, Даниил, за заботу и соблюдение рамок законности.

Ну что же, цели ясны, задачи поставлены — за работу, товарищи!

Всегда помогает выполненное домашнее задание — не ленись! В каком отеле остановились воротилы Софта? Логика подсказывает, что в хорошем. Смешно! А теперь вспомним Ольгин разговор с мужем. «Хилтон». Открываем «Желтые страницы»... Бронирование номеров в гостиницах этой сети по всем штатам... Набираем...

— Hi, this is Marry-Ann. How can I help you? — Morning, I am looking for a room in Atlanta. — There a few locations we have down there. — I will go for the central one. — OK, and for how many nights? — Three please starting from tonight. — And your name? — Soloviev. — How do you spell it? — Well it is like solo view, but with the v for victory at the end. — Thank you, Mr. Soloviev, your reference number is 145298. — Thank you, Marry—Ann, you have a great day. — And you too.

Проявим предусмотрительность. Лучший экспромт — хорошо подготовленный. Позвоним Ольге, мобильные уже дошли до роуминга в Штатах.

— Оля, привет. Это Соловьев.

— Вовка, рада тебя слышать. Ты где?

— Прозябаю в Детройте, Мичиган, но собираюсь свалить в Атланту, все же штаб-квартира Си-эн-эн. Может, будет о чем с ними потрещать.

— Здорово! А я как раз в Атланте, если доедешь до нас, то звякни, пересечемся.

— Ловлю на слове, но за обед плачу я.

— Ладно, ладно, попрошу без мачизма. Разберемся.

И места в гостинице есть. И с Ольгой все так мило оборачивается. Теперь билеты Детройт — Атланта. Можно выпендриться и забронировать перелет по Интернету. В этом есть смысл, Биллу Ивановичу будет приятно, как-никак часть его мечты.

Подать сюда Интернет! В номере нет — шагом марш в комнату прессы!

Глава восьмая

Никогда прелесть занятия журналистикой не была столь осязаема, как во время изнурительных творческих командировок на автомобильные выставки. Пресс-комната напоминает штаб действующей многонациональной потешной армии: столы, взятые в плотные людские каре, очередь у телефонов и компьютеров, в углу интенданты возятся с закусками и горючим, то есть алкоголем, для страждущих.

Но наиболее активная жизнь у размещенных вдоль стены автоматов. Вот где разворачиваются настоящие баталии, бесплатные раллийные и прочие аттракционы служат ареной нешуточных схваток между представителями творческой интеллигенции. Часами они оттачивают мастерство в электронном вождении, подкрепляясь внушительными дозами вискаря. В редкие минуты, как правило перед дедлайном сдачи материала в эфир, в них просыпается воспоминание о цели визита. И тут уж они с невероятной скоростью устремляются к выставочным павильонам и выпытывают у сотрудников автомобильных компаний, где те запрятали пресс-киты, чтобы в тиши компьютерных выгородок художественно переосмыслить их и выдать редакции в удобоваримой форме. Конечно, есть виртуозы, которые обходятся и без этого, пересказывая своими словами содержание ежедневной газеты, выпускаемой пресс-центром, и интернет-сайта устроителей выставки. В такой атмосфере ни до кого никому нет дела.

Захожу. На мое счастье, один из компьютеров свободен. Ну-ка, чем тут до меня занимались коллеги: проверили почту на йаху — понимаю, а все остальное порнуха. Н-да... Представляю, какая паника бы началась тут, узнай они о втором пришествии. Вот ведь стыдоба — живешь себе и живешь понемногу, уверовав в незыблемость уютного материализма и изредка свысока рассуждая о делах библейских, относя . их в область мифологии. И вдруг — стоп! Подать сюда всех грешников: а ну-ка извольте отвечать по делам своим и без всякой метафизики и экивоков, а вполне конкретно и конкретному человеку, да не вздумай врать, Он

все видит, все знает.

Страшная мысль о буквальном исполнении Писания и предсказаний меня даже порадовала — все же я на стороне света и, значит, наступит царствие Его, царствие добра. А пока время есть, резвитесь, грешники! И был я один из вас, а ныне призван и полечу исполнять долг свой.

Итак, бронирование билетов: введите «куда» — Атланта, Джорджия; «откуда» — Детройт, Мичиган; «когда» — сегодня. Ищем, ищем, нашли — «Дельта», вылет через пару часов, цена — грабительская. Введите номер вашей кредитной карты... Здесь я должен признаться — я даже не брал с собой бумажник, где лежали кредитки с очень скромным балансом средств на счетах. История с долларами, появляющимися ниоткуда, убедила, что надо жить, аки птаха небесная, и пропитание само объявится. Со свойственной мне в прошлом циничностью я рассмотрел каждую из восьмидесяти материализовавшихся купюр и был приятно удивлен несовпадением номеров. Банкноты выглядели абсолютно достоверными, да что там говорить, доллары, и все тут, разных годов выпуска и изношенности. Словом, чудо оно и есть чудо.

Уверенным движением я достал из заднего кармана докерсов карту «Американ экспресс» и порадовался ее платиновому цвету. На карте значилась моя фамилия, и я с удивлением узнал, что являюсь гордым пользователем карты уже семь лет, — спасибо, Даниил.

Процедура завершена: подтверждение — билет на стойке — бла-бла-бла — будьте за сорок минут до вылета — с радостью — паковаться и в аэропорт.

Чуть не забыл! Надо соблюдать приличия, а то ребята будут волноваться, где, что. Олега найти недолго — вот и он, красавчик.

— Олежка, я полетел в Атланту. Ты ребят успокой, если что.

— А чего так?

— Да там Гейтс выступает, вроде договорились на интервью.

— Везет! А здесь скука... В прошлом году компании хорошие подарки раздавали, а сейчас майки да кепки, только «Хонда» — стулья. Вот Гейтс, он ведь наверняка щедрый...

— Угу... Ну держись.

Весь полет меня мучила очень непритязательная мысль — что я скажу Биллу, ну что такого я могу ему сказать, чтобы он мне поверил. Предположим: «Дорогой Билл, я знаком с Мессией». Начало хорошее, после этого остается броситься ему на шею и просить усыновления либо требовать немедленного покаяния и завещания всех нажитых богатств Церкви имени Вовкиного свидетельствования — вход со двора, звонить два раза.

Чушь! Нет, здесь надо пробить сразу — чтобы слушал и боялся отвлечься, чтобы это было надо ему, а не мне, чтобы у него от желания помочь скулы сводило, а я этак нехотя, практически свысока: «Ну что же, Билли-бой, давай геть видсиль!»

Никаких светлых мыслей в голове не было.

Незаметно для себя я заснул и очнулся уже в Атланте. Милая стюардесса настоятельно просила меня освободить самолет, ибо у нее еще есть в этой жизни дела. Как скажете, да и кресла у вас совсем не двухместные, так что мне, малому детиночке за центнер, совсем не сладко в них спится. Дискриминируете вы меня как представителя еврейско-славянского меньшинства. Был бы позлее, подал бы в суд на «Дельту» — не дают выспаться представителю национальных меньшинств и третируют на расовой почве. Ну нет у меня в роду негров, так что я теперь, и поспать не могу? Может, я во сне не успел досмотреть свою периодическую систему! Вот оно в чем дело, эврика! Менделееву просто-напросто повезло, он в самолетах не летал, а то человечество без его таблицы так бы и тыкалось по затхлым коридорчикам химических знаний. Н-да, Дмитрию свет картонажных дел мастеру посчастливилось, а нам...

Неловко мне за себя. Считай, особый порученец, без двух минут апостол, особа, приближенная к Самому, и на тебе, ерничаю да бедную

девчонку-проводницу до дома, до ее афро-американской хаты не пущаю. Нехорошо, серьезней надо быть, ответственней — деньги не свои прожигаю, так что давай собирайся и выметывайся делом заниматься. И не забудь позвонить маме, волнуется ведь. А то навострился, чуть что подумал — и на тебе, уже видишь, а близкие переживают, им слово нужно.

Стоп! Вот и решение — надо попасть на конференцию, наверняка будет сессия вопросов и ответов: посылаю записку Биллу с четким указанием информации, которую, кроме него, никто знать не может, и на базе заинтересованности договариваюсь о личной встрече. А дальше классика советского цирка: пыль в глаза — клиент наш — звонок Тернеру — неделя предварительной сумасшедшей раскрутки во всех средствах массового оболванивания — и шоу в прямом ТВ— и интернет-эфире. А шоу какое? Ясно, визуальное, и, очевидно, в конце является Даниил. А дальше посмотрим на поведение прогрессивного человечества.

Багаж, такси. У меня не было и тени сомнения, что за рулем окажется мой давешний знакомец.

Глава девятая

— Привет, Енох, как дела, рациональные объяснения вашему появлению здесь будут?

— Мальчик мой, а какие бы тебе хотелось услышать? Что я тут подменяю заболевшего брата-близнеца— так у меня его нет. Конечно, я здесь не случайно. Вы ведь не послушался меня, а жаль, и вот из-за твоих гениальных идей мне приходится ночью вылетать в Атланту, чтобы уже с утра тебя тут поджидать.

— Вопрос о том, как вы узнали, неуместен. Силы, которым вы служите, тоже не пальцем деланы, простите за фамильярность, то есть кое-что

могут. Как сказано в Писании: «Бойтесь врага человечества».

— Ну-ну, ты с Писанием-то не очень! И цитируешь криво, да и кто тебе сказал, что ты на стороне света? Ты сам пораскинь умишком, голова у тебя свежая, ведь перед Христом должен явиться антихрист, прикрывающийся именем Сына Божьего.

— Понимаю, теологический спор важен, но можем ли мы при этом двигаться в сторону моей гостиницы? Боюсь выглядеть неучтивым, но позволю себе, несмотря на ваше умение читать мысли, напомнить, что

номер мой забронирован в гостинице «Хилтон-сентрал». Так что если вас не оскорбит, давайте продолжим беседу в греческом стиле — то есть в движении.

— Глумишься над стариком! — Енох нехотя крутанул баранку, посмотрел в зеркала бокового вида и продолжил, даже не глядя на меня: — Поразмысли! Хочется тебе чуда— и вот оно... Давай одаривать как из рога изобилия. И ты уже сам не свой летишь в горячке, наивно полагая, что реализуешь собственные мысли. Куда, зачем — авантюра-то куда ни шло, а дальше?

— Дорогой Енох, не хотите же вы сказать, что последнее столетие не убедило вас по крайней мере в наличии нескольких, если мне позволительно будет размышлять о данном предмете, кандидатов на роль антихриста?

— Ну а кому же еще, как не тебе? Ты ведь у него теперь на побегушках.

Грубо и неубедительно. Хотя должен отметить, что задевает, и в глубине души, несмотря на симпатии к вам, вызванные наличием общей тайны и неординарных способностей, даже оскорбляет. Но вернемся к нашим дьявольским баранам. Если ваши личностные пристрастия не дают возможности выбрать из тройки молодцев-душегубов — Ленин — Сталин — Гитлер (думаю, что китайские товарищи начнут протестовать против замалчивания товарища Мао, хотя вряд ли их нехристианские голоса примут в расчет, а их соседи станут бороться за месье Пол Пота, а арабские други найдут своих саддамов на роль врага человечества), то

вот Русская православная церковь этот выбор сделала давно. Ну вспомните: коммунистическая партия — пародия на церковь, у красных съезды вместо соборов, политбюро вместо синода, Старая площадь против Сергиева Посада.

Апостолов подменили старыми большевиками, ВОТ уж и тем и другим пришлось в жизни хлебнуть! Ну и, конечно, фигура Самого — нетленного, замавзолеенного, смертью смерть поправшего, — дело его живет и побеждает, именем Ленина, волей народною нас к торжеству коммунизма ведет... Чем не к Страшному суду и воцарению света. Правда, Страшный суд оказался не скор, но ведь сроки никто не оговаривал. Да и в личной жизни не обошлось без параллелей, Инесса Арманд — чем не Мария Магдалина, правда, не покаялась. Дальше по мелочи... Один плохонький адвокат, другой не ахти какой плотник, но суть не в этом. Согласитесь, Енох, чем Ленин не антихрист?

— Жаль мне тебя, Владимир, ерничаешь, умничаешь лукаво... А истина — вот она, перед очами стоит, да тщеславие с гордыней тебе разглядеть ее не дают. Одумайся, пока есть время, и помни слова Писания. Ни за кого другого он себя и выдавать не будет, и на свет появится противоестественным образом, и назовется именем агнца, и явится из лона Церкви, и треть звезд на небе падут. Для тебя, болвана, поясню: значит, треть верующих безоговорочно сразу за ним пойдут. Помни, «познаете их по деяниям их». Приехали!

Такси замерло у входа в отель.

— Не забудь мой полтинник и выметывайся в свой «Хилтон»!

— А что так дорого?

— Инфляция. Шутка, гонорар за лекцию.

— А у меня нет полтинника. Вот сотня — сдачи не надо.

Я протянул купюру из Даниилова дара.

— Эту не надо — давай из своих.

— Почему? Эта чем плоха?

— Сейчас увидишь!

Старик взял бумажку в руку и посмотрел мне в глаза. Я выдержал взгляд, но боковым зрением увидел, как сотенная вспыхнула и вмиг превратилась в пепел.

Не сказав ни слова, я повернулся и двинулся прочь. Старик не окликнул меня.

Глава десятая

Ольга была первой, кто попался в фойе гостиницы, когда я, спустившись вниз из номера, свежий после душа и счастливый от улучшения климата пребывания, готовился к рекогносцировке. Радость Ольги выглядела неподдельной.

— Молодец, Вовка, что собрался, да так быстро!

— Не поверишь, соскучился, сидел в Детройте на выставке — смотрю Си-эн-эн, а там Билл Иванович в Атланте. Нутром чувствую, что и ты здесь, а объяснить не могу. Дай, думаю, позвоню, ну и подлечу, все равно времени навалом и редакция оплачивает расходы.

— Хорошо, что приехал, у нас тут вечерком междусобойчик, но завтра выступление Самого и сессия вопросов и ответов, куда допускаются журналисты. Постараюсь получить для тебя аккредитацию.

— А что вас в Атланту занесло, неужто собираетесь покупать Си-эн-эн с «Дельтой» и устраивать виртуальные воздушные бои?

Хм, ты не далек от истины. Новая тема — широкое коммерческое

внедрение интернет-телевидения, а здесь без Си-эн-эн не обойтись. Мы беседуем с Биллом, а он вроде обо всем договорился с Тедом, но это пока не для прессы, дождись завтрашнего дня.

— Конечно, идея прекрасная, а для меня просто золотая. Чем больше каналов, тем больше шансов найти запасной аэродром, вдруг что случится. Но если я правильно понимаю, то и для телевидения это революция. Оно приобретет сразу несколько дополнительных измерений — интерактивность наконец станет не телефонной, а практически... Все, замолкаю, а то идей много, вдруг кто-нибудь подслушает и побежит открывать собственную ТВ-станцию или покупать акции Си-эн-эн и «Майкрософта», что гораздо реальнее.

— Умный ты, Вовка, за что и люблю.

— Наше чувство глубоко и взаимно. Пообедаем?

— С радостью, но не сейчас, через полчаса очередная встреча руководителей подразделений. Ты поброди пару часиков, а я постараюсь заодно договориться о твоей аккредитации.

— Угу, я в двести семнадцатом номере, если понадоблюсь.

— Все, бегу!

Атланта, держись! Пророк, нет, как-то меня величают по-другому, скорее всего апостол, всевидящим оком наблюдает за твоими обитателями. Ощущаете ли вы трепет, маленькие американские друзья? Или вы абсолютно уверены в том, что ежевоскресные походы в церковь и слезное исполнение государственного гимна перед началом бейсбольных игрищ приоткроют вам врата небесные, и ангел с мечом, поставленный Всевышним ограждать Эдем, смилостивится, и будете продолжать вы вести американский образ жизни, наполнив райский сад запахом жареной картошки и бигмаков.

Что я радуюсь, может, я и не апостол никакой, а демо-версия Иоанна Предтечи. Конечно, времена нынче иные. Пожалуй, голову мне рубить не будут, не Ироды правят, но пара лет тюрьмы за мошенничество

очень даже может излечить от стремительно зарождающейся мании величия. А повод уже имеется, доллары у некоторых таксистов воспламеняются прямо в руках, что, кстати, опасно для их здоровья. А если уж быть по партийной привычке откровенным до конца, до кольца и до посредине гвоздика, то я не избранник, а душевнобольной. Иван Бездомный, но не в подштанниках и с иконкой, приколотой к исподней рубахе, а во вполне приличном прикиде и с карманом лаве. Но по сути все равно безграмотный оборванец.

Не могу больше! Страшно мне, аж холод продирает до самых ногтей, сердце с трудом ворочает льдины крови по жилам. Нет больше сил моих жить чужой целью, хочу покоя или пусть даже прежнего душевного раздрая. Добро и зло — прекрасные темы для застольного умничанья, но жизнь строится и из других материалов. Я ведь сам не свой, утехи плоти — и те перестали быть доступны. Крест ответственности за спиной заставляет настолько прямо держать спину, что нет возможности бросить взгляд на тело. Уже несколько дней даже не обращал внимания на красивых дам, не то что не предпринимал усилий для знакомства... Скоро и вовсе зачахну.

Ноги, давно не прислушивавшиеся к мешанине сознания, несли меня по центральным улицам столицы одной из Олимпиад и привели в скверик к скамейке, на которой, не спросись остального тела, уютно пристроились. Я не сразу осознал мудрость выбора ног, но, оглядевшись, порадовался их развитому эстетическому чутью.

Явственная мягкость зеленого ковра и медовый запах свежескошенной травы оттенялись чуть заметной рябью на поверхности воды. Солнце в вуали туч наслаждалось переливами оттенков света. Легкий ветер аплодировал пейзажному изыску.

— А ведь ты впервые не думал обо Мне.

— Здравствуй, Даниил. Мне плохо, я боюсь.

— Конечно. И Я боялся, тогда, в Гефсиманском саду. Страх подкатывает неотвратимо. Его не может не быть, ведь в борьбе с ним уходят сомнения. Не стыдись. Владимир, скажи, что тебя гложет?

— Сомнения и самомнение. Извини, журналистская натура вылезает. Почему я? Как дальше жить? Как с девчонками общаться, в конце концов? Можно ли мне теперь свинину есть... А главное — кто Ты? По мнению некоторых, Ты антихрист.

— Опять этот несчастный старик... Не сердись на него. Разве Енох повинен в душевной слепоте, время прозрения его не пришло. Все ждут прихода антихриста, а ведь он давно уже правит миром. Трудно смириться с этой мыслью. Готовились к приходу безумца и, как всегда, недооценили изощренности зла. Антихрист совращает, убивая в человеке Бога. Но что осталось совращать в душах после Достоевского, Ницше и Фрейда?

Посуди сам, ведь все мы, жившие и живущие, и есть Адам падший, осознавший грех свой против Отца Небесного и стремящийся к возвращению в Эдем. Однако последние двести лет разве вели к царствию света? Отнюдь. Гордыня Достоевского и всепрощение Фрейда запечатало воском глаза и уши людские. Стало можно все, ибо нет более личной вины, виновны все. Безбожник Фрейд клеймит детские воспоминания, перекладывая ответственность с тебя сегодняшнего на младенчество и недосмотры да запреты родителей. И верные социал-демократические ученики его не только родителей, а все общество, весь мир винят в грехах живущих, раздавая индульгенции и алча крови и равенства в ненависти.

И вот уже армии безбожников под красными и коричневыми флагами утверждают зловещее желание Ницше — Бог мертв. И нет у них угрызений совести, и попираются законы Моисеевы. И имя этой смерчи легион. Антихрист правит миром, меняя обличье и пожирая людские души, подсовывая им мыльные пузыри радужных идей, а те, взрываясь, больно щиплют глаза. Коммунизм и фашизм суть едины в непризнании Бога.

Как трагично, что прозрение наступает слишком поздно! Смотри сам, как страшны судьбы лжепророков и воплощений антихристовых. Где же Бог, вопрошают они на смертном одре и получают ответ и аудиенцию с тем, кого предали.

Но жуткий стон их раскаяния не слышен Адаму совращенному. И продолжает он, подобно продажной девке, очаровываться медяками зла.

Утеряна вера и забыты скрижали. Прикрывающиеся именем Отца Моего творят страшные грехи, поклоняясь кумирам и вожделея занять их места. Что Магометово, что Христово воинство давно не под хоругвями, а под сатанинскими шкурами ведет неправедные походы. Как глупец, стреляющий себе в ногу, не способный осознать, что все тело его и есть единый организм. Все мы и есть один Адам. Так прекратить надо войны и ложь и покаяться, покаяться, покаяться, просить у Отца небесного прощения и мудрости.

Голос Даниила звучал под конец речи иерихонской трубой, но трубный глас не тревожил спокойствия города. Я сам превратился в рог гласа небесного. И звуки протекали по мне, заставляя резонировать каждую клеточку тела.

Ужасные видения терзали меня. Как на горной дороге, летя со страшной скоростью, боишься сорваться с обрыва в безумие свободного полета, так и душа моя держалась изо всех сил за бренное тело и замирала ежесекундно. Я рыдал, как в глубоком детстве, но беззвучно, ибо собственных звуков не было у меня. Я весь был Его. Как мог я усомниться, как мог обидеть Даниила и пославшего Его, ведь Они так страдают, видя нас, мелких и грешных. Кровоточат душевные раны родителей от предательства детей. Как же должен страдать Творец, наблюдая тысячелетиями ежесекундное паскудство Адамово...

Глава одиннадцатая

— Ку-ку! Ты что, заснул? Вот уж не думал, что встречу тебя в Атланте, спящим на лавочке. Умора!

— Женька, а ты что здесь делаешь? Хотя вопрос дурацкий... Ты же второй человек в московском представительстве Биллова воинства,

поэтому и в Атланте. А привычки у тебя, видно, прежние — забил болт на семинары и шастаешь по музыкальным лавкам?

— Пять баллов. Вот к чему приводят годы обучения в аспирантуре ИМЭМО. Что ты здесь делаешь, не спрашиваю. Ольга говорила, ты звонил, да и Билл хотел с тобой встретиться. Ты ведь у нас историческая личность.

— И чем же я прославился? Неужели он смотрит мои телепрограммы или ему кто-то шепнул о гениальности моих радиорепортажей?

— Ты недалек от истины. Помнишь, как мы устроили аукцион в прямом эфире на твоей радиопрограмме? Вот и результат. Твоя идея продать барный стул, на котором в течение часа покоилась задница Билла, покорила всех. А когда до хозяина гузки дошли сведения о том, за сколько ты продал это довольно примитивное изделие безымянных мастеров, то гордости его не было границ: единственный человек в Америке, который за час задницей зарабатывает больше, чем президент США за неделю головой.

— Умоляю, только без аналогий! О, бедные американы, кто ими правит!.. На следующих выборах у них нет шансов, и президентом будет избран даже не весь Билл, а одна его точка, да и то пятая.

— Ладно, ладно, играй, заслужил. В любом случае Билл будет рад тебя видеть. Знаешь, он приятный парень, без закидонов, с хорошим чувством юмора, — он тебе понравится. Туса сегодня вечером В маленьком мексиканском ресторанчике в двух шагах от «Хилтона». Когда-то хозяин заведения поблагодарил Билла то ли за чаевые, то ли за DOS. Короче, история деталей не помнит... Благодарность не имела границ — в пределах разумного, и теперь на все время конфы кабак скупается и никого, кроме нас, там не бывает. Форма одежды парадная, то есть никаких шлепанцев на голые ноги и шортов, а самые что ни на есть джинсы, тенниски с логотипом любимой компании, ну и носочки с тапочками, а то может быть конфуз вплоть до переодевания прямо там во что бог пошлет. По секрету, господь обычно посылает мексиканский народный костюм — в нем жарко и все чешется, к тому же жутко воняет прогорклым маслом. Так что не испытывай судьбу, не надевай

смокинг, будь как есть.

— Убедил. Вопросик напоследок. Когда Биллу Ивановичу пришла идея со мной побеседовать?

— Так вот вчера и пришла, как раз после твоего звонка Ольге. Он сразу вспомнил про стулец. Заулыбался и давай тебя нахваливать. Мы даже удивились его памяти. Да что с него взять — гений.

Все идет как по маслу, и от меня требуется не много — верить и не мешать предначертанному сбыться. Вот только верить бездумно, наивно, по-щенячьи доверчиво — тяжело. Подспудные сомнения терзают душу, мозолями и мышцами привыкшую отстаивать свою самость, противящуюся нисходящей благодати.

Казалось бы, каждая клеточка тянется к Нему, внемлет и дрожит в предвкушении обещанного блаженства, однако опыт предыдущей рациональности якорными канатами держит в лоне повседневной пошлости. Терпи, Владимир, канаты истончатся, душа выскользнет из плоти, и воспаришь ты, обновленный, к источнику света.

А пока, будь любезен, собери себя в некое подобие человеческой субстанции и отправляйся в гостиницу. Мытье тебе не помешает, ибо чистая душа — не гарантия приятных запахов. Ты ведь не дервиш и не собираешься трясти нечесаными космами, ты посланник... Ну и далее по смыслу... Изволь соответствовать, а то напугаешь товарища Гейтса. Вызовет он очаровательных помощников в белых палатах, и оставшуюся жизнь будешь ты полемизировать на отвлеченные темы с академиками психиатрии, поражая соседей по палате знанием иностранных языков.

В номере меня ждали — нет, не санитары — подарки от «Майкрософта»: веселушный гигантский пакет с очередными летящими из ниоткуда в никуда шамкающими окошками, до краев набитый гостинцами. Ну прямо счастливого Рождества... Ой, надеюсь, это не прозвучало кощунственно!

Да, я люблю подарки. Что плохого? Я радуюсь внезапным безделушкам.

Не храню годами, но факт их появления мне приятен. Вот, помню, на тест-драйве в Норвегии нам подарили компасы и бинокли — мило, они выглядели по-взрослому, их было приятно держать в руках, я чувствовал себя Индианой Джонсом. На рассматривание природы, правда, сил не хватило — коллеги нарушали режим, а я поддерживал. Но как бы там ни было, зеленый змий в окуляры не наблюдался.

А вот в Японии вышел казус. Весь полет туда я выслушивал речи заслуженного алконавта от журналистики, героического писуна в сотни изданий разом постыдных глупостей о величии пригласившей нас компании как самой щедрой и радушной. Реальность заставила протрезветь его в первый раз за долгие годы паразитирования на ниве журналистики. В последний день в гостиничном холле выяснилось, что напитки из мини-бара, просмотр платных каналов телевидения и звонки на родину надо оплачивать самостоятельно. А в качестве подарков раздали игрушечные модельки автомобилей. Счет, выставленный верившему в гостеприимство японцев всей душой, был столь значителен, что нам хором пришлось скинуться ему на бедность. Обратную дорогу несчастный предрекал близкий крах японского автопрома.

В пакете оказались: новая операционная система, море компьютерных игрушек, мышки, еще какие-то прибамбасы, незаслуженно называемые аксессуарами, рекламные материалы, годовой отчет, программа пребывания, конечно, пропуск на вечернее действо в мексиканский ресторан — тенниска с логотипом «Майкрософта» с одной стороны и моим именем — с другой. Когда только успели, чертяки!
У-у-п-п-п-п-п-с, надо следить за речью... И письмо.

Я разволновался. Письмо на английском. Но оно не выглядело растиражированной болванкой с вписанным секретаршей именем очередного гостя. У меня возникло точное знание, что текст Билл написал сам и не сегодня.

«Дорогой Владимир!

Я ждал встречи, меня посещали предчувствия необходимости и, если угодно, неотвратимости этого события.

Нам есть о чем побеседовать, у нашего сотрудничества огромные перспективы, и я счастлив возможности обсудить их в личной беседе.

С уважением,

Билл Гейтс».

Ни числа, ни места. Впрочем, тут же, в пакете, конвертик. А в нем адрес мексиканского ресторана и схема, как добраться из отеля.
Действительно два шага.

Глава двенадцатая

Я пришел вовремя, но оказался одним из последних.

Ресторан гудел, веселье выглядело неподдельным. Людей немного, но места еще меньше, чем я ожидал. Три десятка человек превращали зал в роящийся улей. На ушах толпы в углу на возвышении наяривал мексиканский оркестрик, украшением которого были два вечных персонажа латиноамериканских групп. Один— маленький визгливый человечек на переднем плане в гигантском сомбреро, другой — здоровущий толстяк на фоне стены, меланхолично извлекающий звуки из крошечной гитарки, покоящейся в районе ключицы.

Можно и не говорить, что все сотрудники Билла давно уже миллионеры. Им нравилось, что и за что они делают, и они получали нескрываемое удовольствие от нахождения в среде единомышленников. Я радовался за них. Они совсем не походили на акул империализма, пожирающих невинные заблудшие программистские души и забивающих головы наивным юзерам очередными дорогущими окнами.

Из толпы появилась Ольга и кинулась мне в объятия.

— Вовка, ты как? Рубашечка в самый раз, пошли танцевать!

Я не успел оценить кошерность танца с позиции собственного мессианства и предался веселью. При этом боковым зрением успел заметить Женьку, знойно танцевавшего с хохочущей толстушкой скандинавского типа. Через некоторое время и мне стало совсем хорошо. Показалось, что пару раз мелькнуло лицо Билла. Но я решил, что после такого письма мне не о чем беспокоиться и судьба распорядится сама.

Музыканты устало стихли. Я жантильно раскланялся с Ольгой, поблагодарив за танец.

— Хорошо танцуешь!

— Спасибо, мне повезло с партнершей.

— Златоуст, пойдем, я представлю тебя Биллу.

— Какая честь, с удовольствием.

— Не ерничай!

— Я на редкость серьезен. Даже ощущаю трепет.

— Не волнуйся, вы друг другу понравитесь. Ольга взяла меня под руку, и мы отправились на

поиски Билла.

Он стоял в нескольких шагах от нас и беседовал с неразличимыми миллионерами, откровенно наслаждающимися возможностью пообщаться с самым богатым человеком планеты.

— Извините, ребята, на секундочку вас прерву. Билл Гейтс — Владимир Соловьев, журналист из России, о его подвигах я недавно тебе рассказывала.

— Здравствуйте, Билл.

— Здравствуйте, Владимир. Здесь шумно, но есть зальчик, там нам не

помешают.

— Как вам угодно.

Я успокоился — он знал, что я здесь не случайно, и знал о Данииле или предчувствовал знание. Я был готов дать ему то, чего он ожидал.

Скромное помещение с побеленными стенами, полдюжины грубых деревянных стульев вокруг круглого стола, накрытого белой скатертью. На столе кувшин с вином и пресные лепешки.

Мы сели друг напротив друга. Билл, не спрашивая ни о чем, налил вино и, подняв бокал, посмотрел на меня. Я тоже взял бокал и приготовился слушать.

— За призвавшего нас, за приход царствия Его.

— Аминь.

Мы выпили, вино поразило тонкостью вкуса.

Звуки веселья за стенами не доходили до нас. Казалось, комната парит в невесомости. Потолок и стены растворились. Разлившийся аромат напоминал дыхание Гефсиманского сада.

Билл заговорил первым:

— Знаешь, а я ведь Его еще не встречал. Много лет назад, когда я был бездельником, еле справляющимся с программой колледжа, я увидел сон, в котором мне было Им обещано и указано. Наутро моя жизнь изменилась. Всем, что я имею сейчас, я обязан Ему. Он указал путь и приходил на помощь всякий раз, когда мне казалось, что я иссяк и в тупике. Он корень моего спокойствия.

А когда Ольга сказала о тебе, во мне зазвучал глас Его: «Это посланник Мой и возлюбленный ученик — ступай с ним дорогой, ведущей в Эдем». Расскажи мне о Нем.

— Он прекрасен и нежен, милосерден, мудр и глубок, любовь Его

всепрощающая, а награда, дарованная Им, превыше любых надежд. Он кроток, как агнец, и всемогущ, как Отец Его. Он всегда со мной, стоит только подумать о Нем. Я же хочу, чтобы сбылось предсказанное и весь мир узнал о пришествии Его, чтобы Благая Весть, как разряд молнии, пронзила сознание беспечных потомков Адамовых и слезы восторга, умиления и радости окропили заблудшие души их амброзией надежды.

Добиться этого возможно, используя ресурс, как это модно называть сейчас, сосредоточенный в руках телевидения во всех его проявлениях. Мы дадим скептикам и реалистам подтверждение, которого жаждет их приземленный разум. Они верят в науку. Ну что ж, они получат то, во что верят. В прямом эфире мы сравним генетический код ДНК или что там еще придумают специалисты из криминалистических лабораторий... Два образца — один с Туринской плащаницы, другой Даниила. И весь мир поймет, что это Он. Клонированный Христос. Но Христос с душою, дарованной Великим Отцом, и плотью, пришедшей через чудо, но вновь через безгрешное зачатие.

— Я не знаю всех подробностей Его рождения, как, впрочем, и многого другого. Но я бы отдал все за право увидеть Его, — проговорил Билл.

Воздух в комнате пришел в легкое движение. Я понял, что мы не одни. У стены был Он, агнец. Я ждал Его появления и мучился неуместным вопросом, неужели Он наденет майкрософтовскую тенниску с именем «Даниил» на груди?

Обошлось без маскировки. В полумраке комнаты было сложно разглядеть Его одежды, что-то неброское цвета хаки.

Даниил подошел к столу и сел между нами. Ничего не говоря, Он поднял руку и положил ее на голову Биллу. На лице у Даниила играла улыбка умиления. В воздухе снова возникло движение, и они оба оказались стоящими в некотором отдалении от стола.

Я знал, что сейчас творится с самым богатым человеком мира, и почувствовал ревность. Теперь я не один, хотя по-прежнему первый. Есть чем успокоиться— я точно не Иоанн Предтеча. Следовательно, завтра с головой не прощаться. И это хорошо.

Я слышал мысли, пролетавшие в голове Билла. Чувствовал ледяной ужас его отчаяния и ощущал наслаждение покоем и светом, исходящим от Учителя, от вести, что мы не одиноки и наш Отец небесный не оставил нас.

Наблюдать за обрядом посвящения было неловко. Я все время сравнивал собственный опыт с тем, что разворачивалось. «Неужели и перстень, как у меня?» — подумалось мне, когда Даниил материализовал из воздуха символ принадлежности. На душе стало легче, когда я убедился, что перстень Билла отличается от моего. Хотя надпись гласит то же, перстень иной, не спутать, не подменить.

— Приидет царствие Мое, — прочитал Билл по-арамейски, его глаза лучились. — Господи, какое счастье! А я боялся, что никогда не увижу Тебя, ибо грешен и алчен, и в вере слаб.

— Все хорошо, теперь все будет хорошо. Владимир, подойди к брату твоему и обними его — ты старший и многие раны душевные твои оберегут братьев твоих. Ибо вера твоя закаляется в сражениях с сомнениями.

Я подошел к Биллу и обнял его. Я чувствовал, как Билла распирает от желания проверить полученные знания.

Даниил смотрел на нас с улыбкой.

— Я вас оставлю, вам есть что обсудить. Знайте, вы не одиноки, присоединятся еще избранные, и будут судить племена человечьи в день Страшного суда, сидя у престола Отца Моего. Не бойтесь преград, все они падут под напором вашей веры.

Из комнаты разом исчезло сияние, которое исходило от Учителя. Но благодать осталась. Нас окутывал дивный аромат, отделяя от мира бездуховности.

— Как же возвестить о пришествии Его? — спросил Билл.

Любое телевизионное действо вызовет недоверие, уж больно развиты

технологии, да и проповедники замылили глаза... Пожалуй, сравнение ДНК — единственный свежий ход. Тем более если провести предварительный подогрев. Пару лет циркулируют слухи об опытах с клонированием. И кое-кто из христианских деятелей уже призвал провести исследования генетических материалов с Туринской плащаницы. Так что почва есть. Прости, что говорю банальности, привычка думать вслух. Понимаю, что мы можем просто читать мысли... Но так привычнее, по крайней мере — пока.

— Возможностей Интернета для всего этого маловато, нужна еще репутация Си-эн-эн. Теперь понятно, зачем я ввязался в переговоры с ними. Нет лучшей рекламы для начала общего проекта объединенного всемирного телевидения — Эфир-Кабель-Интернет, — чем такое событие.

— Вот уж можно не сомневаться, что Тед зубами вцепится в эту идею: эфир по рейтингу перекроет все, даже свадьбу Чарльза и Дианы!

— Вопрос остается открытым лишь с получением официального разрешения от Римско-католической церкви на проведение опытов с плащаницей.

— Надо договариваться с Папой? Что-то мне подсказывает, что старик будет не против. Войти в историю — очень заманчивое предложение, а в бессмертие — так и вовсе беспроигрышное.

— Посмотрим на месте, ночью вылетаем в Рим.

Глава тринадцатая

Странно — куда мне ни приходится отправляться, всюду нравится. Может, я особый тип путешествующего конформиста? Хотя в отношении к Риму я не оригинален. Русские классики тяготели к этому удивительному месту. Гоголь обосновал его превосходство перед

Парижем, и вслед за ним многие предпочли Вечный город суетливому легкомысленному кузену.

Имея за плечами традиционное советское школьное образование, сложно отнестись к античному прошлому серьезно. А уж плоды разрешенного туризма способны нанести по Гомеру нокаутирующий удар. Помню, как умилил меня на Крите факт существования могилы Зевса. Да и антропометрические параметры Геракла не впечатлили. Он был моего роста, в высшей степени средненького, всего сто семьдесят пять сантиметров. Умершие бессмертные боги и карманные великаны заставляют относиться ко всему периоду, как к собственным детсадовским воспоминаниям, — с нежностью, но не более. Должно пройти немало времени, чтобы понять всю пагубность взгляда на древние времена как на детство человечества. Все-таки за несколько веков до Рождества Спасителя на Крите были сливные бачки, хорошие дороги и световые колодцы, да и документы, которые находят археологи, свидетельствуют об извечности существования таможенных пошлин и налогов, разводов и долговых обязательств.

А архитектура? Зодчие Египта и Израиля, Мексики и Перу делают Гауди и Корбюзье похожими на школьников.

Да и система взглядов особой простотой не отличалась. Попробуй разберись в череде египетских богов, их взаимном родстве и сложнейшей череде перевоплощений, а для древних ростом в сто пятьдесят сантиметров это было простейшим ежедневным делом, на фоне которого они огнем и мечом правили Ойкуменой, подсчитывая поступающие подати и верстая годовые бюджеты с профицитом.

Науки были, государство было, экономика переживала подъемы и спады, и только не было пары приличных телекамер, чтобы донести до нас красоту духовности того мира.

Для меня открытие истории началось с посещения Израиля. Вдруг стало ясно, что Библия абсолютно буквальна, там нет иносказаний, столь близких русской душе, привыкшей к эзопову стилю.

Вот он передо мной, величайший из всех городов, город живого Бога. В

первую ночь я не мог уснуть. Я не был способен осознать, как можно в шаге от Стены плача есть, пить, заниматься любовью, торговать, да просто дышать, когда Он на этих улицах, в этих камнях, в этом небе, Господь, видящий все и ждущий заблудших творений Своих.

В Иерусалиме душа мира, и там будет престол Даниила. Только там.

Вернемся в Рим. Да, он другой, помпезный, яркий. Но как бы там ни было...

Ясно, что на самом деле за двадцать с лишним веков изменилось немногое, просто мы не ведаем тайн древних. Вдумайтесь, как же было развито городское хозяйство в начале эры, чтобы разместить на небольшом клочке земли три миллиона человек, да еще прокормить их, занять работой, обеспечить канализацией, тысяч восемьдесят из них отправить в Колизей на представления, всех обилетить, — голова кругом. Конечно, Риму не до души. Разве в толпе хватает времени на себя?

...Но Папа Римский ждет. Нить передачи ключей неразрывна. Близится момент замыкания круга, когда сольются душа и тело, Церковь обретет агнца, и слезы умиления выступят на глазах у Папы, и припадет он на грудь Спасителя, и вверит души паствы своей. Сбудутся пророчества собора Петра, патриархи западные и восточные объединятся благой вестью, и единой станет семья Христова.

Глава четырнадцатая

Не буду спорить, в деньгах скрыты многие возможности, в частности — полета через Атлантику первым классом. И раз по апостольской работе надо отправляться в Рим, то давайте подходить к этому вопросу разумно.

Раздражает повышенное внимание к персоне Билла со стороны

человечества, как и его чертова — ой, прости меня, грешного — скромность. У самого несколько самолетов, а он решил, коль уж выбран Спасителем, оказаться поближе к тем, кого предстоит судить. Видите ли, потерял связь с народными массами. Поначалу хотел лететь экономическим классом. Пришлось объяснять, что в наши планы не входит паника на бирже. А никакой иной реакции на столь явные признаки разорения и помешательства отца-основателя одной из крупнейших деловых империй ожидать не пришлось бы. Забавно, что при этом он все же отправил в Рим собственный «Боинг» — вдруг нам захочется полетать вне расписаний! Мило, предусмотрительно.

Сообщение о поездке пришло утром следующего дня. Позвонила барышня, представилась помощницей Билла Ивановича и проворковала мой распорядок дня. Если мне удобно, то через полчаса принесут билеты в Рим. Ха-ха, вот здесь-то и пригодилась журналистская наглость. Я спросил о классе, получил ответ. Отыскал Билла, услышал его мысли. Мы недолго, но продуктивно подумали вместе (смотри выше), и у помощницы зазвонил мобильный телефон. Через пару секунд она уточнила класс перелета.

Приятно иметь дело с большими корпорациями. Меня поставили в известность, что вскорости доставят корпоративные кредитные карты, некоторую сумму в евро и гардероб, соответствующий высокой чести встречи с Его Святейшеством Папой Римским.

Как и было обещано, через полчаса раздался стук в дверь номера. На пороге появилась очаровательная строгая барышня в сопровождении гостиничного персонала, осуществляющего доставку немалого груза, и человека, в котором безошибочно угадывался портной.

Гардеробчик был нескромен по ценам, высок по качеству и после несложных операций сидел как влитой. Логотип «Майкрософта» я нигде не обнаружил, даже на дорожных чемоданчиках Лу Веттона стоимостью в мою годовую зарплату, а я получаю немало, хотя зарабатываю в разы больше. Вдаваться в объяснение этого постсоветского феномена не буду, ибо может выйти пятый том «Дас Капитала» о превращенных формах заработной платы и их несоответствии налоговым ожиданиям фискальных служб вечно лгущих

олигархических государств.

В билетах значилось время отправления, и барышня пояснила, что лимузин будет ждать за два с половиной часа до вылета, а с господином Гейтсом мы встретимся в самолете, так как он отправится в аэропорт сразу после утренних переговоров с господином Тернером, которые, кстати, уже идут.

В ее словах слышались восхищение боссом и укор мне, еще не вполне проснувшемуся. Хотелось поддеть ее самолюбие и сказать, что кому-то он босс, а мне меньшой брательник. Но я решил, что это нескромно и по-детски. Словом — недостойно апостольского звания.

Самая важная информация была оставлена на потом. Его Святейшество согласился на аудиенцию в личных покоях, так как здоровье его пошатнулось. И аудиенция эта состоится через пять часов после приземления.

Сердце сжалось. Я подумал о Енохе и его предостережениях. Если мы служим антихристу, то, возможно, в Ватикане и падем, пораженные громом небесным... Как стукнет нас Папа посохом по лбам... Как обратимся мы в соляные столпы или того хуже — сгорим в нездешнем огне, словно свечи... Вот будет неприятность... Ватиканские службы замучаются давать разумные объяснения внезапной кремации Билла с товарищем или появлению их точных соляных копий. Мадам Тюссо с ее воском расплавится от зависти. А в мире появится новая мода на музеи соляных скульптур.

Я решил разогнать тяжелые мысли железками. Зал в гостинице был, время до вылета тоже. Вперед — за физическим совершенством!

Через час потения дурные мысли отступили. Побриться, умыться, принять душ, облачиться в новенькое, упаковаться — и вниз.

Опасался узнать в водителе лимузина Еноха. Ошибся. Парень был незнакомым и молчаливым.

Как только выехали за пределы гостиницы, я заметил Еноха. Он стоял,

опершись на приоткрытую водительскую дверь такси, и неотрывно смотрел на меня. Енох не мог видеть меня сквозь тонированное стекло лимузина, но он слышал мои мысли, а я его. Он источал скорбь и, казалось, был переполнен предчувствием беды. Захотелось остаться. Эта мысль начала пульсировать во всем теле. Останься. Останься. Останься...

Последние дни прошли как в угаре. Я не вспоминал о маме и детях, должно быть, впервые в течение столь значительного времени. Я не звонил домой, не думал о редакции, программах, забросил эфир. Неудобно перед дирекцией... Что им сказать? Правду? Не поверят. А лгать не считаю нужным.

Остановить лимузин посреди дороги, вернуться в Москву побитой собакой и до конца дней мучиться вопросом о том, что потерял...

Никогда!

Выбор сделан. Только вперед. Господь не без милости. Б конечном итоге Бог един, так что Христос ли, антихрист ли, все служат высшей цели, не мне определять путь провидения. Таков мой крест, и я его не брошу. Не брошу! Не брошу...

Аэропорт. Чек-ин, паспортный контроль, гейт. Самолет.

Билл уже пристроился у окошка. Радостно приветствует меня, видно, что абсолютно искренне. Он обаяшка, и улыбка у него хорошая.

— Владимир, ты молодец, что отговорил от экономического класса. Там, оказывается, не подают шампанского. Я умер бы от жажды.

— Не пижонь... Как переговоры с Тедом?

— Замечательно. Он в восторге от идеи. Правда, поставил смешное условие...

— Интервью Даниила Ларри Кингу?

— Ты знал! Ты знал!

— Рано или поздно подобное интервью предстоит всем нам. Я не имею в виду — Ларри, как ты понимаешь... Зрителей обещать не можем, но беседу — наверняка. Не уверен, что при земной жизни Ларри...

Для Теда все это слишком сложно. Он мыслит иными категориями: предстоит событие, рейтинг от показа которого войдет в историю... Все подчиняется телевизионным законам. Сначала он планирует раскрутку проекта, в течение пары месяцев в разных программах, от новостных до научно-популярных, нагнетается ожидание. Протравят историю о плащанице, поподробнее расскажут о клонировании, подпустят парочку религиозных деятелей, ждущих прихода Мессии...

— С телевизионных позиций необходимо показать всем Даниила до времени «Ч» — сравнения кодов, — чтобы народ делал ставки, гадал... Тогда появляется интрига. В ином случае возникает вопрос, почему мы сравниваем его ДНК, а, скажем, не твой. Ведь, судя по анекдотам, ты считаешь себя равным Богу.

— Слышали не раз... Не обидно. Вернее, теперь не обидно.

Билл с нежностью посмотрел на перстень, его лицо стало печальным. Тяжело вздохнув, он продолжил:

— Знаешь, многие не замечают перстня. Отреагировал только один тип.

— Высокий старик, загорелый, крепкий, похожий на игрока в ваш футбол, красивое семитское лицо, копна седых волос?

— Да, похож.

— Где он тебя подкараулил?

Я выходил из машины на встречу с Тедом, а он стоял у двери. Я сразу обратил на него внимание, потому что почувствовал тревогу, как будто во мне кто-то произносит вслух абсолютно неприемлемый для меня текст. Я осознавал, что кто-то читает во мне ветхозаветные тексты на арамейском и все они о приходе антихриста. При этом было ощущение,

что он же неотрывно смотрит на меня и прожигает взглядом. Еще когда машина только остановилась и я увидел старика, сразу понял — это он. Я даже не хотел выходить. Но мысль о Данииле придала сил, и я пошел прямо на старика. Он не шелохнулся. Когда я поравнялся с ним, старик произнес: «Еще один окольцованный. Враг человеческий силен, брось перстень зла, еще можешь спасти свою душу». Я не ответил, но было неприятно. Кто это?

— Зовут Енох. Судя по повадкам, ветхозаветный патриарх, владеет всеми нашими обретенными качествами — полиглот, читает мысли, и прочая, и прочая, чего мы сами еще не освоили. В свободное от назиданий время подрабатывает таксистом, берет неоправданно много. Не агрессивен. Тортами не кидается, с кулаками не бросается, предпочитает воздействовать словом. Постоянно намекает на то, что Даниил — антихрист.

— Про торты ты вовремя вспомнил. Надеюсь, на сей раз обойдется... Не могу поверить, что Даниил — антихрист.

Понимаю. Сам думал об этом. Я от Него ничего плохого не видел и не слышал, а вот мальчика на моих глазах Он исцелил. Основная проблема в том, что народ воспринимает библейские тексты примитивно. Сказано у Иоанна, что перед вторым пришествием должен появиться антихрист, значит, первый пришедший и есть враг человеческий.

Доходит до смешного, хотя особо веселиться нечего. Один из русских святых предлагает такой критерий: если пришел первым, значит, антихрист, деяния роли не играют. При этом люди не видят, что его, антихристово, царствие наступило. Сила зла в человеческой забывчивости. Холокост забыт, Гитлер-Сталин-Ленин — троица зла — забыты, о Востоке можно и не говорить. Шок от 11 сентября прошел, по историческим меркам, мгновенно. Опять милуются, женятся, рожают детей и летают на самолетах. Зло рождает зло. Нет злодеяния, способного отвлечь человечество от обеда на дольше, чем на экстренный выпуск новостей. Так что думаю, Енох не прав. Большой вопрос, кому служит он сам. Может, он послан, чтобы проверить нашу веру и закалить ее борьбой с сомнениями.

— Надеюсь, ты прав, Владимир. Понимаю слова Даниила, старшинство твое не случайно. Возвращаясь к Теду и телевидению, — не думаю, что Даниил согласится продемонстрировать пару чудес перед камерой, да и кого сейчас этим удивишь!

— Не согласится — и будет прав. Он должен появиться в последний момент, как кролик из цилиндра фокусника... Н-нда, сравнение неуместное...

— Надо придумать парочку лжепророков и на фоне всеобщего разоблачения преподнести истинного Спасителя. Так?

— Не уверен... В идее, конечно, есть немало привлекательного, но уж больно напоминает Золушку. Со всего королевства потянутся претендентки мерить туфельку... Никакого эфирного времени не хватит, да и высокий стиль пропадет. Начинает попахивать дешевым шапито. Не та обстановка для появления Спасителя...

— Ну и не будем спешить. С Божьей милостью что-нибудь придумаем.

Глава пятнадцатая

Мы и не заметили, как самолет оторвался от взлетной полосы и, уверенно набрав высоту, устремился в Европу.

Пару лет назад поездка напрямую из США в Италию для меня была бы невозможна. Дороги куда бы то ни было вели через Москву, где следовало получать визы для посещения иностранных государств, а отсчитав еще не так много лет в том же направлении — и разрешение на выезд из серпасто-молот-кастого отечества. Вот времена... Но об этом быстро забыли и принялись кататься по свету, распугивая аборигенов звучными голосами и дурными манерами, ожидая от каждого встречного торгаша знания русского языка.

Удивительно, что из офиса Билла никто не поинтересовался, есть ли у меня виза в Италию. Может, им такая идея и в голову не приходит?

Начались обычные самолетные забавы — пить да есть. Ну что же, отведаем. Рассматривая полеты первым классом с гастрономических позиций, нельзя не отметить, что самолет оказывается одним из самых дорогих возможных ресторанов, при в высшей степени средней кухне и безобразном сервисе.

Что-то я выпендриваюсь без меры!

Билл достал карманный компьютер и принялся изучать какие-то таблицы. Я еле сдержал усмешку. Зачем, когда в нашей жизни появился Даниил?

— Как зачем? — прочитал мысли Билл. — До Его воцарения многое предстоит сделать. Без финансов не обойтись...

— Понимаю. Но у тебя денег столько, что хватит до конца света.

— Надеюсь, ты прав. Однако лучше подстраховаться и не провоцировать наступление конца света собственным банкротством. Хотя должен заметить, что повода для пессимизма не вижу. Не понимаю, почему ты иронизируешь... Скажи еще про богатого и игольное ушко. Я ведь доходы использую на благие дела.

— Владимир Соловьев!

Я оторвал глаза от Билла. Передо мной стоял один из пассажиров. Его сиденье было наискосок и чуть впереди от нашего. Я обратил внимание на коротко стриженый седой затылок, еще когда садился в самолет. Тяжелая загорелая физиономия, ухоженная... Словом, почти приличного вида классический российский стареющий бычара. Костюмчик от Бриони, шея в два обхвата перевязана золотой цепочкой, годной для причаливания небольших сухогрузов.

— Да, это я.

— Очень приятно. Выпьешь? Я, знаешь, все твои ночные передачи смотрю. Правильные пацаны к тебе петь приходят. Прямо за душу берет. Особенно когда Шуфутинский пришел с двумя посидельцами... Я чуть в голос не зарыдал...

— Спасибо, но пить мне нельзя. А вы какими судьбами в Рим?

— Болеешь, что ли? Понимаю, меня врачи тоже мучают. А в Италии у меня дела. Крутимся по чуть-чуть...

Билл следил за нашим диалогом с ухмылкой. Благодаря Даниилову дару он понимал русский язык, и сцена, похоже, его забавляла. А меня — угнетала. Надо же, чтобы из всех моих программ, большая часть которых политические, этому троглодиту понравились только ночные посиделки с исполнителями блатных песен. Говорил же руководителю канала, не стоит! А он — давай, смешно ведь, политический журналист, и такое шоу. Ну-ну, обхохочешься...

В голове моментально созрел план легкой мести товарищу Гейтсу.

— Да, кстати, разрешите вас познакомить. Мой сосед — Билл Гейтс.

— Кто?

— Компания «Майкрософт».

— Да? Ну скажи ему, что его окна виснут. Бычара радостно засмеялся, Билл насупился и отвернулся к окну.

— Ладно, меня зовут Виталием, вот моя карточка. Проблемы будут, звони, помогу. Правильный ты мужик и без гонора!

Соотечественник вернулся на место и, судя по задвигавшимся складкам на затылке, принялся активно поглощать местную еду. Я последовал его примеру.

Забавно, что опознали меня, а не Билла, хотя вероятность такого поворота событий казалась минимальной. Вряд ли можно найти человека на земле, по крайней мере в ее цивилизованной части, который

не слышал бы о «Майкрософте» и не видел фотографии Билла. И тем не менее факт налицо. Я польщен. Билл получил щелчок по носу.

Что это я! Обидел хорошего человека. А ведь он брат мне, да еще меньшой. Неловко!

— Извини, Билл, детство взыграло, был не прав.

— Да ладно. Хочешь по всему миру проспонсирую твои концерты?

— Уел! Ты меня с Майклом Джексоном не путаешь?

— Нет, ты симпатичней!

— Но-но! Только без глупостей, братская любовь и не более! Да я с мужиками и не танцую.

— Шучу, шучу, успокойся! Какие вы, звезды, нежные!

— Возвращаясь к нашим делам — какой план пребывания в Риме?

В аэропорту нас встретят ребята из моего офиса, доставят в гостиницу рядом с Ватиканом. Номера забронированы на твое имя, чтобы не вызывать ажиотажа в местной прессе. Впрочем, после бурной реакции Виталия я сомневаюсь в правильности такого шага.

— Давай, давай, пинай... Билл, а как ты добился аудиенции у Папы, да еще так быстро?

— Много лет назад я пожертвовал крупную сумму на благотворительный проект, который не был напрямую связан с Церковью. Но во главе его стоял перспективный священнослужитель, очень эффективно использовавший фонды. Мы подружились. Когда у него возникали идеи, он обращался ко мне. Симпатичный человек с хорошим образованием и чувством юмора и, что важно в условиях постоянных педофильских скандалов в католической церкви, абсолютно чистый. Не без моей помощи он довольно быстро рос по служебной лестнице и сейчас даже считается одним из возможных кандидатов на место Папы.

— То есть он кардинал?

— Кардинал. До этого миссионерствовал. Сейчас в Ватикане. По большому счету, все сделал Симон, так его зовут. Он будет присутствовать на аудиенции.

— Любопытное совпадение — храм Петра и Павла, идем с Симоном к Павлу, на Симоне как на камне обещал Христос построить Церковь Свою и нарек его Петром. Что-то мне подсказывает, что шансы Симона растут.

— Это в тебе говорит православное неприятие католичества. Посмотрим, как воспримет Благую Весть ваша Церковь.

— Не вопрос. Посчитает дебит с кредитом, учтет реакцию президента и в случае очевидных выгод поспешит под хоругви Данииловы. С мусульманами и иудеями сложнее. Даже загадывать не буду, ибо разум мой слаб для такой задачи. Одно точно, Даниилу восседать на троне в городе Храма, сиречь в Иерусалиме, а как сие случится, ведомо лишь Ему.

— Меня не покидает чувство, что Он рядом. Я даже договорился об аудиенции для нас троих. Только где мы с Ним встретимся?

— Не волнуйся, у Него удивительное свойство появляться вовремя и в правильном месте. Не удивлюсь, если Даниил летит тем же рейсом, что и мы, но в экономическом классе.

— Это ужасно! Пошли поищем Его!

— И что, ты договоришься о переводе Даниила в салон первого класса? Зачем? Если бы Он захотел этого, то так и было бы. И я бы летел экономическим классом, чтобы после того, как весь мир узнает о Нем, не читать статейки о путешествии апостолов в пошлой роскоши и не слышать сравнений с евангельскими временами. Даниил мудр и понимает, что поспешность ни к чему. Так что, друг Билл, наслаждайся комфортом.

— Что же, мы и будем так сидеть?

— Как хочешь, а я посплю. Аудиенция сегодня вечером, и времени отдохнуть не будет.

Глава шестнадцатая

С чувством выполненного долга я откинул кресло, надел светонепроницаемую полоску-повязку, прикрывая глаза. Перед тем как заснуть, решил посмотреть, что творится дома, в Москве.

Мама лежала на диване и держалась за сердце. Дочь вызывала по телефону неотложку. Испуганная, она чувствовала свою вину: пришла поздно, забыла предупредить, дерзила. Мама переволновалась. И вот приступ. Я понял, что дело плохо, врачи могут не успеть.

Почувствовал, как медленно холодею от ужаса. Смотрел перед собой, и тысячи километров, отделяющие меня от дома, растворялись. Я был там и видел все.

Надо помочь. Взгляд прошел сквозь кожу и устремился к источнику опасности. Сердце совсем вялое. Я не врач и не знаю, каким оно должно быть в рабочем режиме. Я просто понимал, что то, что вижу, неправильно. Сердце походило на багровую устрицу, чуть трепещущую в раковине. Я стал думать о нем, приказывая работать. Давай, запускайся, соберись!

От напряжения у меня выступил на лбу пот, пальцы, впившиеся в подлокотник, побелели.

И мамино сердце послушалось и зашевелилось. Активнее. Еще активнее. Его цвет менялся...

Облако тревоги стало рассеиваться.

Дочь наконец дозвонилась до «скорой» и принялась объяснять, как доехать.

В эту секунду мама подошла к ней, положила руку на плечо и сказала:

— Все в порядке, отпустило, слава Богу.

Я услышал, как мама думает обо мне. Мама, не волнуйся, все хорошо, я сейчас позвоню.

Сорвал повязку с глаз, выпрямился в кресле, вытащил одну из многих теперь кредиток и высвободил из гнезда платный телефон, провел в слоте карточкой и набрал номер.

— Алло, мама, не волнуйся, у тебя все хорошо. Я посмотрел, сердце теперь в норме и с остальными органами проблем не будет.

— Сынок, откуда ты узнал? Я уж боялась, что никогда не увижу тебя!

— Все будет хорошо, я всегда с тобой, не мог позвонить, суматоха... Сейчас лечу над Атлантикой в Рим, рядом Билл Гейтс, передает тебе привет, а спешим мы на аудиенцию к Папе Римскому.

— Звучит как сказка... Но я же знаю, ты мне всегда говоришь правду. Биллу Гейтсу тоже передавай привет.

— Мам, Билл хочет тебе сказать пару слов, он хорошо говорит по-русски.

Я протянул трубку Биллу, который все это время с тревогой наблюдал за мной и только в последнюю минуту расслабился, увидев, что болезнь удалось побороть.

Он взял трубку и, прикрыв микрофон, спросил меня, как зовут маму.

— Инна.

— Здравствуйте, Инна! Это Билл, хотел вас поблагодарить за прекрасного сына. Мы хоть и недавно познакомились с ним лично, но я

о нем был наслышан. А то, что увидел, превзошло мои ожидания. Мы очень подружились и работаем сейчас над важным проектом.

— Спасибо вам, Билл, за теплые слова. Очень приятно. Мне нравится то, что вы делаете. Я, конечно, в этом не очень разбираюсь, но Владимир всегда очень высоко о вас отзывается.

Билл протянул трубку мне:

— У твоей мамы молодой голос. Приятная дама!

— Спасибо, мам, я еще позвоню. Пока не могу сказать, когда вернусь. Надеюсь, скоро. Целую, я теперь твой ангел-хранитель!

— Ты всегда им был! Люблю тебя!

Я был настолько уставшим, что еле вставил телефонную трубку в ее пещерку и в полном изнеможении откинулся в кресле. Не было сил даже поблагодарить Билла, но я думал о нем с братской любовью. В наше время редко встретишь искреннее сострадание.

Чтобы успокоиться, решил сосредоточиться на дыхании и думать лишь о паузе между вдохом и выдохом. Вскорости я успокоился.

Последнее, что я почувствовал перед тем, как заснуть, была любовь к Даниилу. Я был безмерно благодарен за дар исцеления.

Милая стюардесса дотронулась до моего плеча, и я очнулся.

— Прилетели, пора выходить.

Самолет уверенно стоял на земле, в руках у дамы был мой плащ.

— Спасибо.

Мы вышли в здание аэропорта по рукаву. И тут же наткнулись на улыбающегося молодого человека с табличкой, на которой была написана моя фамилия.

— Уважают! Да, хорошо быть знаменитым, ну бывай, если что, звони...

И Виталий, ухмыльнувшись, проследовал в сторону паспортного контроля. Мне было неловко. Я подошел к незнакомцу. Тот смотрел мне за спину. Конечно, подумал я, конспирация конспирацией, а музыку заказывает Билл, ему и все внимание.

— Бон джорно, Билл!

— Бон джорно, Паскуале. Коме стай?

— Ва бене. Не знал, что вы говорите по-итальянски.

— Говорю... Разрешите представить. Мой русский коллега синьор Соловьев, чья фамилия и значится у вас на табличке. Он тоже говорит по-итальянски.

— Господин Соловьев, какая честь! Простите, что не узнал вас сразу!

— Паскуале, какие указания?

— Будьте любезны ваши паспорта и багажные бирки и следуйте за мной!

Итальянец грациозно лавировал среди пассажиров, растекающихся по стойкам паспортного контроля. Потом он скрылся в одной из боковых дверок. Через мгновение появился, оживленно болтая и помогая себе руками, в сопровождении высокого полнеющего человека в форме пограничника. Видимо, пограничник только что закончил перекус — теперь он боролся с крошками багета, умостившимися в пышных усах.

— Паскуале, что за спешка? Порка мадонна, даже Роналдо, и тот ждал, пока я закончу обед.

— Леонардо, я тебя знаю всю свою жизнь... Ты не меняешься... Роналдо и не знал, что ты обедаешь, а ты и не представлял, что он стоит в очереди. Ты мастер придумывать эффектные объяснения... Да и ну его, этого Роналдо... Он же не играет за твою любимую «Рому»... Вдобавок бразилец... Поделом ему, скуадре адзурре, от него все равно никакого

толку... Сейчас я тебя прошу помочь, потому что они мои друзья и они болеют за «Рому». Но смотри, если проваландаешься еще хоть пять минут, то клянусь Божьей Матерью, о которой ты так жутко отзывался, они станут самыми преданными болельщиками «Лацио» и будут рассказывать всем, что разлюбили «Рому» из-за такого лентяя, как ты!

— Прекрати! Мне уже стыдно! Давай их паспорта. Пусть подходят к дипломатической кабинке.

Паскуале призывно замахал руками с такой скоростью, что пылинки затанцевали вокруг него

Паспорт Билла, мой... Через несколько секунд мы покинули зону ответственности Леонардо. А Паскуале уже погрузил наш багаж на тележку и радостно катил ее в сторону зеленого коридора.

В зоне ожидания толпилась бригада майкрософтских бойцов. Я уж подумал, что они сейчас, выстроившись в ряд, исполнят музыкальный фрагмент, известный каждому пользователю окон: «Н-динь!» Но они ограничились широчайшими улыбками.

Билл же ограничился сдержанным приветствием. Он явно думал о другом.

Паскуале указывал нам дорогу. Билл шел очень быстро. Я еле поспевал за ним.

Как только мы вышли из дверей, перед нами остановился «мерседес». Дверцы распахнулись, и мы погрузились в мир немецкой роскоши.

Я не сомневался, что если бы нам пришлось воспользоваться услугами такси, то имя водителя было бы Енох.

— Какой позор... Надеюсь, Даниил всего этого не видел. Устроили демонстрацию! Просил провести все как можно скромнее... — сокрушался Билл.

Я не был в настроении вступать в дискуссию, тем более что понимал и

реакцию Билла, и тех ребят, благосостояние семей которых зависело от босса. Они старались как могли.

Я отвернулся к окну и сосредоточился на открывающейся панораме. Маленькие коробочки итальянских фабрик на островках асфальта среди полей и рощиц сменились городским пейзажем.

Рим прекрасен. Его красота открывается сразу, поражая воображение увиденным и осознанием гения, стоящего за каждым изваянием. Многослойный исторический пирог лишен эклектичности. Эти декорации позволяют сегодняшним актерам выйти в тогах или в средневековых камзолах, франкийских мундирах или в современных изысках мужской моды. Конечно, в основном итальянцы носят одежду в соответствии с модой, то увеличивая, то уменьшая ширину лацканов и число пуговиц. Здесь нет буйства, свойственного Милану, авангарду мировой моды, за которым тянутся Париж, Лондон и Нью-Йорк. Рим, если угодно, визирует тенденции, превращая их в востребованность, расцвечивая город добровольными живыми манекенами и оценивая пригодность изыска к повседневной реальности.

Удивительно, Рим полон магазинов мужской моды, а бедные дамы пребывают как бы на обочине. На их нарядах — отпечаток индивидуальности хозяек более выразителен, чем печать модного течения.

Витрины, витрины, статуи, фонтаны, ресторанчики. За каждым изгибом шоссе открывается прекрасная панорама, просчитанная одним из вечных гениев.

Город — сплошная иллюстрация из учебников архитектуры. Воплощенная машина времени. Копни где хочешь, и откроются бесконечные слои исторического пирога, наполненные мельчайшими подробностями быта ушедших поколений.

Однако произвести раскопки непросто. Дело не только в том, что для римлян Город — среда каждодневного обитания. Но и в том, что каждый метр притротуарного пространства всегда занят. Кажется, что прошел град малолитражных машинок: верткие градинки так удобны

для маневрирования в уличной тесноте.

Вот и сейчас наш «мерседес» окружен мошкарой мотороллеров, на которых восседают граждане Вечного города, демонстрируя всем своим видом презрение к чужому — временному — богатству. Временному, как все, кроме Рима.

— Владимир, может, поедим перед приемом? Не думаю, что Папа нас накормит.

— В гостинице не хочешь?

— Не вижу смысла. Надоела гостиничная еда. Хочется местного колорита.

— Тут недалеко, у Аппиевых ворот, есть милейший ресторанчик. Хочешь, поедем туда?

Билл опустил стекло, оделяющее от нас водителя, и сказал:

— Заедем в ресторан у Аппиевых ворот, адрес... — и он посмотрел на меня.

Я подсказал:

— Аврора, 10.

Водитель с уважением посмотрел на нас:

— Браво, прекрасный выбор. Я позвоню, зарезервирую столик. Мы будем через пятнадцать минут.

Водитель поднял вверх большой палец. А я и не сомневался, что все будет хорошо.

Глава семнадцатая

Местечко небольшое, но популярное у местной приличной публики и обитателей прилегающих отелей. Хозяин, чей вид не оставляет сомнения в успешности бытия, как это водится на полуострове, прохаживается по залу, кокетничая с дамами и расшаркиваясь с господами. Жуир невысокого роста, с округлившимся животиком и задранным подбородком. Он гордо носит заслуженную славу великого хозяина масенького заведения.

Нас ресторатор встретил в дверях и провел в один из двух симпатичных зальчиков, украшенных живыми цветами и обязательной пышной живописью в дорогих рамах. Навязчивые картины не портили впечатления, а деревянные столы, стулья, чистые скатерти и легкомысленные абажуры придавали всему деревенский шарм — легкий полевой ветерок, перелетевший городскую стену.

Конечно, до принятия заказа дело не дошло. Хватило многозначительного вопроса хозяина:

— Мясо или рыба?

Ответ лишил нас права слова, но удостоил счастья лицезреть безупречно сидящий пиджак хозяина со спины.

Через несколько минут появился молодой человек в фартуке и на наших глазах совершил обряд жертвоприношения вина. Проделав необходимые манипуляции с салфеткой, штопором, снопа с салфеткой и дождавшись осмысленного поцокивания восхищения после нюхания пробки и смакования капель красного вина, он оставил нас в покое, удалившись не без развязности, но все же предварительно любезно разлив вино по стаканам.

Билла происходящее откровенно забавляло. Он отвык от возможности сидеть в ресторане, в котором всем глубоко безразлично, что он Билл Гейтс. Это там, у себя, в индустриально-финансовом мире, он большой

человек. Здесь правят иные законы. В этом городе можно стать кумиром, магнатом, триумфатором. Но ненадолго. Толпа будет приветствовать тебя. К твоим ногам полетят венки — о Цезарь! — и поэты сложат гимны, воспевая твой триумф. Но где-то близко, на лезвии Брутова клинка, притаится забвение. Герой канет в небытие, и камни не вспомнят мелодию его гордой походки.

На улице Авроры, в маленьком квартале, возвышающемся над Испанскими ступенями, волны страстей разбиваются о Витторио Венето. На этом мелководье не водится крупной рыбы. Разве что хозяин ресторана. В этом закутке безвременья есть ответ на самый важный вопрос. И это не проблема акций. «Доу-Джонс» и «Насдак» воспринимаются как иностранные фамилии не очень учтивых посетителей. Главные вопросы — о свежести даров моря и правильности выбора поставщика мяса. Ответ на один из этих вопросов — перед вами. В восхитительном аквариуме плавают скорые жертвы чревоугодия.

Обед был прекрасен. Атмосфера ресторана располагала к наслаждению пищей. Никто не пытался пронзить глазами двух иностранных джентльменов, судя по одежде, американцев. Никого не мучили вопросы, что здесь делает самый успешный человек мира и почему вокруг не толпятся телевизионщики с камерами. Почему улица Авроры не забита могучими фургонами передвижных телевизионных студий и почему хозяин ресторана не спешит сфотографироваться со знаменитостью и просить у него оставить на скатерти автограф, чтобы потом вышить его золотом? Ведь так делают венские коллеги в «Захер-Кафе», на задворках Оперы...

Я подумал, что, может быть, это одна из последних возможностей спокойно посидеть в ресторане, отдав бразды правления чудному итальянцу. И, наслаждаясь деревенской пищей, не думать о духовном подвиге, на который мы были призваны.

Рим видел кровь многих христианских мучеников — не хотелось бы множить их число. Впрочем, в ресторане ничто не предвещало расправ с помощью креста, львов, тигров, огня и воды. Мы могли пострадать разве что от чревоугодия. Но в таком случае у нас нет шанса быть

канонизированными.

Билл чувствовал мое настроение. Даниил призвал сто чуть позже, чем меня, и он не успел осознать весь груз ответственности. Хотя, может, я не прав. У него недь жизнь была не сахар. С одной стороны, все есть... Л с другой — ощущать постоянное внимание, и не очень-то доброжелательное, тяжело. К этому невозможно привыкнуть. И как не разочароваться в человеческой природе, когда каждый программист по сто раз на дню клянет Билла Ивановича и его родных и близких на чем свет стоит за мыслимые и немыслимые недоработки «Майкрософта». А больше всего — за невозможность работать на самого Билла, что гарантированно обеспечивает безбедное существование на поколения вперед.

— Я часто задавал себе вопрос, за что они меня так ненавидят, — подхватил Билл. Теперь уже нет особой разницы, говорим мы вслух или думаем. Мы стали взаимно прозрачны. — Иногда начинал верить, что я действительно исчадие зла и что мною движет отнюдь не свет. Теперь все успокоилось. Я знал, что избран, и ныне знаю — кем. И я счастлив, хотя от страха подвести Его замирает сердце. Но ведь если Он выбрал нас, это значит, что мы достойны этого и что мы лучшие из возможного.

Напоминает фразу из Библии о Ное, который считался праведником во время его. Сиречь в другие времена Ноя бы поганой метлой гнали, а среди опустившихся людишек — он герой... Времена не ждут и призывают лучшее из имеющегося. Так что, брат Билл, утешимся этой мыслью. Вспомни о судьбе наших предшественников. Тоже ведь не все было гладко и у Петра... А про Иуду и вовсе молчу. Судьба наша зависит от нас только очень условно... Отдадимся потоку, и будь что будет. Хотя признаюсь — не возгордиться трудно. Из миллиардов перстни дадены пока нам двоим.

Трапеза приближалась к завершению. Уже профитроли порадовали вкусовые рецепторы, прекрасный кофе вернул нас к реальности, и счет в руках официанта напомнил о необходимости продолжить путешествие.

Темнело. До аудиенции времени оставалось лишь на душ в гостинице.

Ровно в восемь вечера в соборе Святого Петра нас ждал провожатый.

Мы погрузились в машину и через несколько минут влились в оживленный транспортный поток римского вечера.

Глава восемнадцатая

Гостиницу сложно было упрекнуть в отсутствии внимания к деталям. Недавняя вилла еще не растеряла средневекового обаяния, а прекрасный парк, со вкусом украшенный скульптурами, служил буфером, отделяющим от повседневности.

Дворецкий распахнул тяжелые двери. Мы оказались в зале, сверкающем хрусталем люстр и дробящими свет зеркалами.

Улыбчивые служащие проводили нас в заказанные апартаменты.

Номера поражали великолепием, и одному в них было находиться неуютно. Ценные породы дерена перемежались мрамором, стены задрапированы шелком, альков опочивальни навевал скабрезные мысли, ибо мог принять не менее дюжины шалящих фей.

Мы договорились с Биллом встретиться в фойе через десять минут, так что времени понежиться в красоте не оставалось.

Пройдя анфиладу комнат, я обнаружил вход в мир Мойдодыра. Стиснув зубы, рывком бросил свое тело в ванную комнату.

Я чувствовал, что именно так все и будет. От увиденного на меня напал истерический смех. Я не мог остановиться и хохотал в голос. Открывшиеся передо мной дорожки личного олимпийского бассейна, вскипающая пена джакузи и сопутствующее великолепие не вязались с просьбой Билла, обращенной к его сотрудникам, найти что-нибудь поскромнее. Конспираторы...

Приведя себя в порядок и обнаружив в гардеробной мой уже развешенный и разложенный багаж, я ненадолго задумался, в каком виде появиться перед Его Святейшеством. Идей не было. Точно не в смокинге, ведь идем в частные покои.

Остановился на строгом черном костюме, темно-синей рубашке, черных классических ботинках. Помучившись с галстуком, добился более-менее приемлемого узла. Но, посмотрев в зеркало, отказался от этого варианта и решил предстать перед главой Римско-католической церкви в неформальном виде, с расстегнутым воротом рубахи.

Спустившись по широченной парадной лестнице, пригодной и для конных маневров, встретился с Биллом. Он, к счастью, прохаживался неподалеку, а то пришлось бы нам искать друг друга на футбольном поле весь вечер.

Билл был одет мне под стать, но с более ярко выраженной американской тенденцией — рубашечка поло под пиджачок. В общем, тоже не смокинг.

— Приятно отметить, что у тебя работают ребята с тонким вкусом и чувством юмора.

— По крайней мере мы можем быть уверены, что никто из гостиницы не сообщит о моем пребывании в Риме и прохожие не смогут случайно заметить нас и ходящими или выходящими отсюда. Конечно, нескромно, но безопасно.

— А почему тебя так беспокоит вопрос конспирации, вроде ты не работаешь ни на одну из мировых разведок... И что особенного в том, что Билл Гейтс решил встретиться с Папой Римским, тем более не впервые.

— Я не могу объяснить... Мне тревожно... Тягостное предчувствие... Понимаю, что должен поступить именно так, но мотивация остается за пределами рационального. И это меня беспокоит. Видишь ли, в течение

многих лет кукол водил я, а сегодня чувствую, что сам попал на ниточку.

— Это чувство мне знакомо. Хотя... Я стал к нему привыкать. Ну что же, вперед, мой друг, нас ждут великие дела!

— Да, пора. Только что мы скажем Папе?

— Доверься моей интуиции. Я наверняка что-нибудь скажу. Кого-то обязывает положение, а меня профессия — журналист.

Машина, дорога, город, барышни в соседних экипажах... Да, мужское начало подавить сложно... Однако фривольные мысли не успели материализоваться в неуместные замечания.

Мы остановилась на площади перед собором Святого Петра.

Еще не стемнело, но границу священного государства рассмотреть не удалось. Впрочем, пограничников там и не было, никто не требовал документов, удостоверяющих личность, и не спешил торгануть въездными марками.

Какое упущение для папского бюджета, да и нарушение традиций, если угодно. Ведь не так давно, буквально несколько веков назад не было такого человеческого деяния, которое не послужило бы источником дохода.

Грешить и каяться — мило. Но недостаточно. Лучше расплачиваться. В те времена не знали игр с безналом, так что платили звонкой монетой или вступали в бартерные отношения — вы нам мясца, а мы вам отпущение грехов. Грабанул — поделился, спи спокойно — отмолят.

Нет грешников, есть недостаточно состоятельные люди. Святость как мера богатства. Вот уж где Билл стал бы святым на раз! Да что там святым — апостолом.

И о туризме заботились. Учредили для тех, кто победнее, юбилейные

годы. Пройди через врата — и моментально очистишься. Гениальное изобретение. И как обставлено! Мейерхольд с Куснировичем от зависти побледнели бы. Сам Святейший, аки простой каменщик, молотком наносит удар по кладке, заложенной в дверной проем, и открывает греховным агнцам своим доступ в рай — сиречь в храм Петра. А как год заканчивается, он же — мастерок в руки, раствор погуще намешает и давай кладку возводить. Прямо вольный каменщик — не в месте масонского гонения будь сказано, а то энцикликой замордуют.

Вы спросите: Владимир, при чем здесь туризм, ведь юбилейные годы были раз в пятьдесят лет?

Да, устало отвечу я вам, о просвещенные други мои. Да, вы правы. Но подумайте сами, мог ли простой христианин обладать такой свободной суммой денег, чтобы из своего европейского Мухосранска регулярно наведываться в Рим? Чтобы в темные времена Средневековья добраться до Ватикана, пожить там и не умереть с голоду на месячную зарплату? Жалкие крохи, оставляемые трудящимся классовыми кровопийцами, не позволяли им отправляться в бон вояж ни раз в год, ни раз в декаду. Но высокая мечта об искуплении и иной, лучшей жизни передавалась из поколения в поколение. Откладывали годами, чтобы хоть одному пробиться в рай и отмолить всех.

Конечно, роль благосостояния народных масс велика, время ни на миг не остановишь. И вот, идя навстречу разжиревшим верующим, выделяется раз в год юбилейная неделя, попадающая на время туристического затишья.

Именно в Ватикане и тратились замшелые дензнаки на всякую туристическую чушь, с годами превратившуюся в сувениры. Гениально. И уже не важны страдания Христа и его мученическая смерть. Главное — количество щепочек в кресте, чтобы всем досталось.

Эй, мужчина, вы куда прете, крест не резиновый, всем не хватит! В очередь!

Странно, что Церковь не изменила Евангелие, приписав Христу еще парочку крестов. Орудия убийства многочисленных святых не столь

успешно выполняют эту функцию. Зато берут количеством. Вот и ответ на вечный вопрос монотеиста, почему христиане молятся такому количеству персонажей. Деньги очень нужны. А крест не резиновый, как верно заметила старушка справа.

С такой наследственностью, как у этой Церкви, Биллу нечего опасаться. Захочет, так в Нагорной проповеди появится строчечка об Окнах насущных. Даст денег — и объявят на весь мир Даниила Христом, тем более что финансовые последствия такого шага очевидны. Только представить себе: «Ливайс» — «Божественные джинсы», кроссовки — «В ногу с Богом», белье — «Спаситель», зубная паста — «Райская свежесть».

Б-р-р-р... Ничего себе мысли перед посещением наместника Бога на земле.

Но настроение стало бодрым. Появилась здоровая ирония, и искорки забегали по жилам. Так у меня бывает в предвкушении прямого эфира, когда одновременно чувствуешь и волнение, и радость. И мир фокусируется, правда, кажется гораздо ярче повседневного. А время разбивается на мириады прихотливо соединенных хрусталиков, каждый из которых подвластен и понятен мне.

Ну, я готов. Где там Симон? Папу мне, Папу!

Глава девятнадцатая

В соборе Святого Петра света явно не хватало. Подавляющий волю объем главного католического храма скрадывался пульсацией теней, оставляя полную уверенность в присутствии в непосредственной близости кого-то незримого и могущественного.

Мы вошли обычным туристическим путем, и я почувствовал укол разочарования. Ждал чуда. Разверзнутся врата отпущения грехов, и чрез

них агнцами войдем к наместнику Его.

Как только мы вступили в храм, послышался звук, будто где-то очень далеко пробил колокол. Звон разлился в пространстве, медленно исчезая в небытии.

Пройдя несколько шагов и ощутив значимость места встречи, услышали негромкое приветствие.

— С прибытием. Храни вас Господь!

Откуда-то из боковых карманов возникла фигура крепко сбитого невысокого человека в черной рясе. Седую голову украшал малиновый пилеолус. Физиономия совсем детская. Розовые щеки и неприлично яркие чувственные губы. Огромные глаза смотрели на нас пристально, никакой доброжелательности. Тяжелые, удивительного стального цвета, они выглядели имплантированными и превращали лицо в карнавальную маску зайчика, доставшуюся начальнику налоговой полиции.

— И тебя, Симон, — ответил Билл. — Спасибо, что быстро откликнулся на мою просьбу. «Практически задаром, всего два с половиной миллиона на благие нужды по указанному тобой адресу», — эту фразу Билл не произнес, он ее подумал, зная, что я услышу и оценю степень преданности Данииловому делу. Я не наивен и, памятуя о повадках хозяина «Майкрософта», ничего другого не ждал. Каждый пытается расширить игольное ушко доступными ему методами. Интересно, когда Билл устанет играть в святошу и прямо обозначит сумму, выделенную за главы в новом Священном Писании?..

— Его Святейшество плохо себя чувствует, но решил с вами встретиться. Он попросил проводить вас, хотя сегодня безмерно удивил меня, пожелав беседовать прямо здесь, в храме. Так что идти недалеко.

Симон развернулся и направился к центральной части, где под золотым куполом мерцали огоньки свечей.

Многотонный гигантский балдахин, отлитый из чистого золота, словно парил над местом аудиенции и легко касался опорных столбов, которые

сливались с полумраком собора. Это сооружение олицетворяло небесные силы и райские ветры, причудливо отражало поединок света и тьмы. Напряженные фигуры переплетались клубком вековых страстей. И дрожание свечей раскрашивало эмоциями их искаженные борьбой лица.

Папа в нарушение протокола сидел в простом, грубо сколоченном кресле. По кругу стояли светильники, очерчивая зону аудиенции. Напротив кресла — низенькая скамейка без спинки, на которую нам и было указано. Но мы не сели, а остановились возле, ожидая знака к дальнейшему действию.

Симон не пошел в зону света, а слился с темнотой, вместившей и папскую охрану, невидимую нам, но, безусловно, выполняющую свой долг.

Понтифик сидел молча, голова склонилась на плечо. Глаза закрыты. Хотя лицо казалось спокойным, чувствовалось, что телесная боль терзает его. Белые одежды словно выточены из мрамора, столь незаметно дыхание.

Пастырь мне понравился. Его угасающая плоть была не в силах справиться с могучим духом.

Наступило молчание, опять послышался звон. Впрочем, я решил, что слышу его один, и склонен был отнести это к слуховым галлюцинациям — следствию трансатлантического перелета.

Папа открыл глаза. Легкая улыбка чуть тронула его губы. Он смотрел в нашу сторону, но будто не замечал нашего присутствия. Взгляд спокоен и полон решимости.

— Вы слышите звон? — спросил понтифик. Он говорил по-английски с сильным польским акцентом. Не дожидаясь ответа, продолжил: — Грозное предзнаменование. Никогда не слышал, чтобы пели ангельские врата, хотя в летописях есть описание сего. Страшные времена грядут. Друзья мои, я решил принять вас сегодня здесь, ибо не выхожу отсюда с момента, как мне доложили о его появлении. Вы его слышите?

— Да, Ваше Святейшество.

— Простите, что по-стариковски думаю о своем. С господином Гейтсом мы уже встречались, и наше расположение к нему неизменно. А с вами вижусь впервые. Брат Симон упомянул, что вы из России. Сожалею, что так и не посетил вашу многострадальную родину. Хотя причина тому — и печальное упорство нашего возлюбленного брата — Патриарха всея Руси. Вы же знаете, я немного говорю по-русски, но не буду утруждать вас своим произношением. Итак, я весь внимание.

Я вдруг понял, что не знаю, как сказать Папе о явлении Даниила. Перед лицом самого могущественного духовного авторитета планеты мой рассказ выглядел по крайней мере нелепо. Но отступать было бы предательством. Наверное, надо попросить Его Святейшество не прерывать меня в течение десяти минут... Хотя глупо и невежливо обращаться с такого рода заявлениями — написал бы все на бумаге и передал в канцелярию, а там, глядишь, через пару лет вызвали бы на суд святой инквизиции. Правда, теперь он называется по-другому.

Отвлекаюсь.

Сосредоточиться.

У основания пальца, коронованного перстнем Даниила, запульсировала кровь. Я посмотрел на камень. От него исходило сияние, набирающее силу и стремящееся к камню в перстне Билла. От второго перстня тоже исходило сияние. Через мгновение светящиеся сферы встретились и проступила надпись багровым золотом, отделявшая Папу от нас.

— «Приидет царствие Мое», — прочитал я. — Он уже с нами и прислал нас с Благой Вестью.

Тело Папы дернулось, как от удара. Мы услышали, как застучали подметки веревочных сандалий охраны. Но нас не схватили тренированные руки, свет перстней не давал им приблизиться. Он поднимался все выше и достиг золотого навеса.

Тихий гул нарастал. Поддавшись воздействию света и звука, тяжелый

металл столбов под балдахином поплыл. Завитки вихрей завертелись в безумном танце. Алчные золотые языки лизали точеные фигуры, побуждая их к действию. Те ожили и под монотонный нарастающий аккомпанемент вырвались из многовекового плена и ринулись золотым небесным селем поверх наших голов к юбилейным вратам. Но не успели ударить в них, как раздался небесный глас, столь пронизывающий все сущее, что ни страх, ни радость не опишут его.

То был глас рождения сущего.

Безмерный и все пронизывающий, растворивший и себе многоголосье звучания всех инструментов, созданных руками единого Адама и гением Творца.

Бессмертные творения возносивших свои помыслы к Богу сплелись в этом гласе и заняли места в строгой гармонии, существуя в измерениях, неведомых нашему миру и оттого еще более манящих.

Как скорлупа вызревшего гласа, врата рухнули, сорванные с петель. Фрагменты кладки с тяжелым Металлом створок устремились к полу. Но створки растворились, не коснувшись пола, в ослепительном потоке света, заполнившего дверной проем и очертившего фигуру входящего в них.

По храму помчался свет, изменяя все вокруг и наполняя небесным гласом. Граница раздела приближалась к нам, пожирая творения католических гениев, оставляя за собой вместо свода ночное небо Иерусалима, а вместо помпезных разукрашенных стен и мозаичного пола — травяной ковер и необхватные деревья Гефсиманского сада.

Волна накрыла нас, и я ощутил, как тело наполнила благодать.

Через мгновение наступила тишина.

Папа так и сидел напротив нас, но уже не на стуле, а на камне. Он разительно изменился. Старческая спина разогнулась, волосы потемнели, кожа лица разгладилась. Но взгляд помолодевшего лет на сорок Папы остался прежним и пылал решимостью. Нас он, казалось, не замечал. Его губы сжались в две белые жилки. Правой рукой он крепко сжимал наперсный крест.

На мое плечо легла рука — Даниил.

— Храни вас Господь, — приветствовал Он Папу. — Не там, в суетном и тщеславном месте людской гордыни должны мы встретиться, а здесь, где муки сомнения ранили душу Мою, как нынче рвут твою. Почему ты боишься Меня?

— Не тебя я боюсь, а своей слабости, боюсь поддаться чудесам и чарам твоим и усомниться в вере своей.

— Так ты считаешь Меня антихристом? Не гордыня ли говорит в тебе, не страстное ли желание взойти перед смертью на крест и стать Папой-мучеником?

— Конечно, ты и есть антихрист! Ибо сказано в пророчествах, что перед Христом явится называющий себя именем Его и совратит две трети верующих. Не быть мне анти-Папой!

Небо Священной земли, до этого момента спокойное, с гигантскими сияющими жемчужинами звезд, взволновалось. Появившиеся порывы ветра, как овчарки-пастухи, принялись сбивать в отару чернильных небесных овец, не давая им разбежаться от места разворачивающейся драмы.

— Страшное обвинение выдвигаешь ты и не прислушиваешься к себе, уподобляешься синедриону, гнавшему Спасителя во имя своей власти во времена рабской скорби избранного народа. Прислушайся к себе! Разве не отступили все болезни, многие годы терзающие тебя, разве не думал ты еще несколько часов назад, как препятствует немощь исполнению пастырского долга и сколь многое надо еще свершить? Да и М не ли говорить тебе о печали мира и об антихристе, правящем им...

Оглянись вокруг, какое еще зло может пасть на головы людей, чтобы не сказали они: «Ах, было и пострашнее»? Где та Церковь — тело Христово, — на кою польстится антихрист? Очнись, приди ко Мне в объятия, передай ключи, доверенные Спасителем первому из вас!

Или страшишься ты полуночных мыслей? Прими Меня, а значит, уверуй в Господа Бога твоего. Не корыстно, где вера есть карьера, а по-детски — со слезой умиления, страстно и мужественно, ибо доверишься Отцу Моему, а не сонму, прикрывающемуся именем Его.

И покайся. Ведь одежды твои чисты. Но не помыслы... Хотя чище ты многих, бывших на этом престоле до тебя. Что сделали вы с доверенной паствой!? Как изолгали вы слово Мое, ранили дух Мой?! Где же Бог в Церкви твоей? Как мог ты уйти от тех, к кому Христос поставил Петра? Неужели заменят громады тщеславных соборов храм в сердцах людей? Оглянись вокруг и ужаснись со Мною!

«По плодам их познаете их». Страшны плоды, созревшие на вашем древе. В золоте и парче, жиреющие на бедах, несете вы ценности пастве, кои сами презрели. Знаю, что ты много каялся за прегрешения предшественников твоих. Но главного не увидел — нет Отца Моего в капищах твоих. Как неразумные, вышедшие из плена египетского, бросились от Бога отцов их к златому тельцу, так и вы мамоне служите и ликам его, оставив веру, завещанную вам, и изолгав ее. Какому богу вы служите, как язычники, моля вспомоществования у ликов и обращая к ним стоны ваши? Забыли Евангелие, где сказано: «...ни о чем не проси своего Отца небесного, ибо знает Он ваши нужды лучше вас, а останьтесь наедине с Ним в комнате дома вашего и скажите — Отче наш». Где начать и где окончить Мне список грехов Церкви, отступившей от Меня? Даниил замолчал.

Молнии озарили грозный небосклон, раздался низкий нарастающий громовой раскат. Папа, до этого сидевший как истукан, упал. Странно было слышать, как он по-детски зарыдал, не скрывая и не стыдясь слез.

— Но не карать пришел Я, — продолжал Даниил. — Ведь число праведников всегда ничтожно и труден путь их. Сердце болит за заблудших овец, нуждаются они в слове пастыря... Ты люб Нам. Знаю,

как трудно тебе, и не виню, а скорблю с тобой.

Понтифик приподнялся и встал на колени.

— Не перед тобой я на коленях стою, а перед Тем, в кого верую истово с дня первого младенческого умиления и поныне. Вера в Отца небесного укреплялась от года к году служения Ему. Рыдаю я по пастве своей, ибо дни мои сочтены и не защитить их мне от силы твоей. Горьки слова твои и много в них правды, но чистые детские лица, с надеждой взирающие на Божественные лики в церквах, перевешивают все мудрствоание твое. Видно, пробил час великой битвы, и, скорбя, радуюсь я — твой приход знаменует Его царство.

— Упрямый старик, очнись, разве зло несу Я? Что видел ты от Меня дурного, что уже клеймишь Меня? Какую корысть увидел в словах Моих? Или сам уверовал в безгрешность свою папскую и тщеславие правит тобой? Где любовь к Богу? Где вера в Него? Да и есть ли добро и зло, коль Бог един? Не с паствой неразумной ты сейчас, а передо Мной. Скажи, в какие зияющие раны должен ты вложить свой перст, чтобы уверовать в Отца, Меня пославшего? Воистину не от Петра ты, а от Фомы!

Над нашими головами небо вдруг засветилось ярким полуденным солнцем. Тучи поменяли цвет и парчовыми пуфами окружили нисходящее сияние. В потоке света заискрились золотые чешуйки сухого дождя.

Глаза отказывались видеть, не способные вынести ослепительного блеска. Сквозь слезы я пытался разглядеть фигуры Даниила и Папы. Тщетно.

— Ну чем не Дэвид Копперфилд, — услышал я мысли Билла. — Зачем столько сил тратить на одного старика? Неужели нельзя решить эту задачку попроще?

Я обернулся к Биллу в негодовании, но ничего сказать не успел. Раздался оглушительный взрыв. И свет померк.

Глазам постепенно возвращалась способность видеть. Не без труда я разглядел, что сад исчез. Мы стояли внутри собора Святого Петра среди горы обломков того, что еще недавно представляло собой золотой балдахин и райские врата.

Даниил был по-прежнему рядом с Папой, тот стоял на коленях и истово молился с сомкнутыми веками. Я услышал встревоженный гул швейцарцев папской охраны и голос Симона, перекрывающий его:

— Ваше Святейшество, что с вами? Охранники было бросились к Папе. Но Даниил

поднял руку, и они застыли в нелепых позах, как дети, играющие в морские картины. Однако Симону Даниил позволил подойти к понтифику.

— Сын мой, пробил мой час... Всю жизнь я готовил себя к нему, но не смог встретить достойно, и оттого печально мне. Времена Спасителя грядут... — тяжело говорил Папа.

Даниил смотрел на Папу не отрываясь. И мне казалось, что это он говорит с Симоном, звуча набатом в голове старика.

— Не мне решать... Но вряд ли конклав найдет более достойного кандидата, чем ты. И ты будешь самым счастливым из нас, ибо вернешь ключи их хозяину. Вот Он стоит передо мной, а я перед Ним на коленях, как и должно быть. А теперь ступай и помни: ты — для Него, приидет царствие Его.

Симон бросил быстрый взгляд на Даниила и попытался встать перед Ним на колени. Но Даниил остановил его жестом и поблагодарил улыбкой. Симон отошел в тень и двинулся прочь. Вместе с ним отправилась и ожившая охрана.

Даниил наклонился к Папе и помог встать.

— Спасибо. Видел, как тяжело тебе, ценю подвиг твой.

Папа глядел на Даниила во все глаза. Я чувствовал, как он мучительно пытается поверить в то, что Даниил и есть Мессия.

— Прости, если обидел Тебя. Там, в Царствии Небесном, я увидел все и понял, как прекрасно обещанное нам. Отпусти меня туда... Умоляю, отпусти...

Даниил обнял Папу. Они стояли, как отец и сын, перепутавшие возраст.

Папа ослабил объятия и, отодвинувшись, повторил:

— Отпусти меня!

— Быть по сему. Не пройдет и трех дней, как будешь ты восседать у трона Отца Моего на почетном месте по праву, заслуженному тобой.

Даниил развернулся и зашагал к выходу из храма. Неведомая сила подхватила нас и, не успев осознать, мы уже шли в шаге за ним.

Не оборачиваясь, Даниил произнес:

— За храм не беспокойся, не его Я пришел разрушить.

Эти слова не долетели еще до алтарной части, а частицы разрушенного устремились друг к другу и, как солдаты, выбегающие на плац, в момент разобрались по веками заведенному порядку построения. И вот уже ничто не выдавало ночного свидания, кроме зияющего провала райских ворот.

Выйдя на улицу, Даниил остановился и посмотрел на нас. Глаза Его были печальны.

— Простым прохождением под сводом грехов не искупить, но и врата оставлять в таком виде негоже. Да простит Меня Папа, что не в его руке мастерок, — сказал Он и направился через площадь к ждущей нас машине.

Мы следовали рядом. Не оставалось никакого сомнения, что не успеем мы дойти до машины, как врата будут стоять в первозданной красе.

Глава двадцатая

Через несколько минут мы были около отеля.

За недолгое путешествие никто не проронил ни тука. И только когда машина мягко остановилась у входа в гостиницу и красавец в ливрее манерно распахнул дверцу лимузина, Даниил широко улыбнулся:

— Я проголодался. Пойдемте, отметим сегодняшний день, ибо потрудились мы на славу.

«Отметить — идея хорошая, — подумал я. — Но не мешало бы переодеться, так как со всеми треволнениями и катавасиями, с бросаниями то в жар, то в холод разум справляется, а вот потовые железы — не очень. Короче, душ не помешает».

— Хорошо, — прочитал мои мысли Даниил, — через пятнадцать минут в местном ресторане. И не говорите долго по телефону.

Не знаю, как чувствовали себя мои предшественники в пыльных хламидах, когда пробирались тайком по Земле обетованной, укрываясь в расщелинах от римских дозоров, питаясь подножным кормом и пренебрегая элементарной личной гигиеной, с глубоким презрением относясь к необходимости санации полости рта и не догадываясь о прелестях туалетной бумаги... Ими двигала одна цель — сохранить себя как живых свидетелей явления Его и донести Благую Весть до страждущих. А что будет с несчастными, попавшими под их тяжелое дыхание, их мало беспокоило. Скажем так — вера у них сочеталась с ослабленной чувствительностью к запахам. Иначе они отдали бы Спасителю душу на третий день служения. Впрочем, может, все общество жило так, дурные запахи были обыденностью, народ принюхался и на эту тему особенно не тревожился... Кто знает?

Особенно приятно порассуждать об этих материях, наблюдая, как

пузырящиеся потоки воды наполняют джакузи.

Придя в номер, я почувствовал жуткий голод и устремился к встроенному холодильнику — прости, мама, я даже не помыл руки, — а уж потом, с сокрушительным хрустом поглощая орехи, отправился в олимпийский бассейн, притворяющийся ванной комнатой, оставляя за собой шлейф из выроненных орехов, шелухи и фрагментов одежды. Вода набиралась быстро, и я с несказанной радостью проверил Архимедовы посылы.

Хорошо... Все же, что хорошо, то хорошо... Я мог бы развивать этот тезис минут сорок. Но был прерван на взлете телефонным звонком. К счастью, аппарат располагался на расстоянии вытянутой руки.

— Пронто, — лингвистически безупречно начал я.

— Здравствуйте, Владимир Рудольфович! Вас беспокоят из администрации президента. С вами хотел бы переговорить Александр Стальевич Волошин.

С главой администрации я лично знаком не был, но знал о нем премного интересного. Судя по рассказам, он по меньшей мере реинкарнация кардинала Ришелье. Появившийся на этой должности еще при Борисе Демократизаторе, он перешел к преемнику имеете с прочими атрибутами власти — такими, как скипетр, держава, шапка Мономаха, конституция, веч-I го нуждающаяся в поправках, и ядерный чемоданчик, коим все меньше что можно было запустить.

— Я готов.

— Приветствую вас, Владимир Рудольфович. — Голос звучал тихо, но уверенно. — Мы наслышаны о ваших

путешествиях и очень хотели бы с вами встретиться.

— Кто «мы»?

После паузы последовал ответ:

— Для начала давайте скажем так — я. А в зависимости от развития ситуации, может быть, нам придется встретиться и с руководством страны. — Небольшой вздох, потом очередная пауза, и, так как я не прервал ее радостными возгласами согласия, Волошин договорил: — Я имею в виду президента.

— Звучит неожиданно... Такая честь для простого российского журналиста...

— При этом, заметьте, в формате дружеской беседы, без согласования вопросов с пресс-службой.

— Я могу подумать?

— Можете. Вас заберут в гостинице через два часа сорок минут. Об остальном не беспокойтесь. С нетерпением жду личной встречи. Всего вам самого доброго.

— Спасибо, до встречи.

Я положил трубку, выдохнул и опустился под воду. Вынырнув, принялся в срочном темпе намыливать себя без свойственной этой процедуре мечтательности. Намылил голову и, теребя волосы, поймал себя на том, что думаю о Данииле.

Он ведь знал, все знал — и про звонок, и про необходимость поездки в Москву. Ну почему не сказать по-простому? К чему эти семитские штучки — прости Господи, от семита и слышишь! Я что, меньше буду верить, если мне правду рубить прямо в глаза? А то все экивоками, мол, НЕ ГОВОРИ ДОЛГО ПО ТЕЛЕФОНУ... Дальше, Владимир Рудольфович, извольте сами домысливать.

Я был готов пыхтеть еще некоторое время, но услышал голос Даниила: «Спускайся в ресторан, орехами и ворчанием сыт не будешь».

Назло всем я не стал вытираться наспех, а еще и высушил голову феном.

Не торопясь оделся.

Ужаснулся себе в зеркале.

И лишь затем отправился в ресторацию.

Глава двадцать первая

Несмотря на небольшие размеры гостиницы, ресторан оказался почти полон. В зале царило роскошное движение, создающее глубокий низкий гул хорошо отлаженной машины, каждый агрегат которой находится в гармонии с соседями и прекрасно знает, чего от него ждут. Официанты двигались уверенно и незаметно, материализуясь практически из воздуха. Присутствие кухни читалось лишь по появлению из ниоткуда блюд. Всем великолепием заправлял мэтр, чья улыбка могла затмить северное сияние.

— Синьор Владимир, какая честь! Ваши друзья в нетерпении! Надеюсь, у вас был прекрасный день. — Он продолжал речь, сопровождая меня к угловому столику, отделенному от основного зала подиумом и аркадой, декорированной вьющимися вечнозелеными растениями, названия которых мне неизвестны. Признаюсь, ген Мичурина — не из моего набора. Элегантно отодвинув кресло и усадив меня, мэтр бросил дежурную фразу: — Могу ли я вам предложить аперитив?

Я посмотрел на стол и увидел, что Даниил и Билл уже заказали красное вино.

— Если только воды с газом — без газа у меня течет из крана дома, — неудачно пошутил я. Потом сказал Даниилу и Биллу: — Простите, что заставил себя ждать.

— Ты уже собрал вещи? — Даниил посмотрел на меня, и мне показалось, что я прочитал легкую усмешку.

Меня буквально подбросило. Я и так завожусь с пол-оборота, как мопед «Верховина», а тут сказалось недосыпание и нервное напряжение... Я чуть не сорвался на крик, не стесняясь ни Билла, ни Божественного присутствия.

— Даниил, что за игры?! Сколько можно ?! Ты нас держишь за слепых котят! И Твои намеки — совершенно хамское тыканье нас мордой в наше небожественное... Я...

Да, я не знаю, что случится в следующие полчаса, и да, может быть, Аннушка пролила масло, но Ты-то что не скажешь прямым текстом?! Нам уже ничего не надо доказывать, мы в Тебя верим безусловно и жизнь свою готовы за Тебя положить... Так нельзя ли попроще, в самом деле?

Эта мысль, может быть, Тебя удивит, но мы тут тоже не пальцем деланные и в своих областях преуспели — Билл, конечно, поболее, но вот в блатных песнях он ни звука. Но сейчас не об этом речь...

Зачем? Почему просто не щелкнуть пальцами, произнести заклинание — скажем, эники-беники, бумки-бурумки, — и все верят, все правильные, все сразу все осознали и поползли на коленях в сторону Иерусалима... Вид сверху такой картины впечатлил бы. Муравьи, возвращающиеся в муравейник, сиречь в Иерусалим. Братская любовь и покаяние гарантированы.

И чтобы не нарушать принципа свободы выбора, пожалуйста, давай предоставим выбор. Пусть ползут как хотят, хоть на карачках, хоть по-пластунски, хоть по часовой стрелке, хоть против, земля ведь круглая, с этим же никто не спорит... Твоя хваленая свобода выбора ничем не отличается от моей. Как вся свобода индивидуального человеческого выбора ограничивается смертью, так и свобода всего человечества — Твоим пришествием.

Все, тема закрыта, всем спасибо, никому не надо дергаться, свершилось — Спаситель уже здесь, не надо толпиться в очереди, конец света никто не прозевает! Сейчас удобненько поставим двенадцать стульчиков под Твоим престолом и начнем судить. Праведники налево, остальные,

извините, до соответствующих директив — в чистилище...

Ну бред это! Сколько времени отведено на судебную процедуру? Лет пять тысяч с хвостиком? Народу-то народилось... Да и нагрешили немало... Пока всех заслушаешь... А что будем делать с теми, кто не из двенадцати колен? По жребию судить или оптом в чистилище — мол, не от тех родились?..

Я почувствовал, что перегибаю палку и приготовился превратиться в горстку пепла. Когда я поднял глаза, Даниил продолжал смотреть чуть иронично, но не зло. А Билл уставился в пустоту, будто увидел левые окна, установленные в ресторанном компьютере. Он ужасно напоминал постаревшего и располневшего Гарри Поттера. Нет, никакой ты не волшебник, просто очень богатый и не очень обаятельный недоучившийся сукин сын, беззлобно констатировал я.

— Браво, вы как сговорились! Билл тут, хотя и не столь остроумно («Спасибо», — подумал я), выражал схожие претензии. Тебя огорчает поездка в Москву и робость от предстоящей встречи с твоим президентом. Да, конечно, встреча состоится. А Билла вывел из равновесия звонок от Симона и последовавший за этим разговор с внезапно заартачившимся Тедом Тернером. Примерно в то же время, что ты полетишь в Москву, Билл опять отправится в Атланту.

Причина вашего раздражения понятна. Вы впервые не на первых ролях. Вы привыкли манипулировать в том или ином виде многими. Или, цитируя тебя, Владимир, Билл, конечно, поболее... Теперь вы не принадлежите себе. Смириться с тем, что Божественная воля не просто существует, а воплощена в человеческом образе (и этот образ — не вы), тяжело, особенно принимая во внимание ваше гиперэго.

Если угодно — это ваше испытание и служение. Как алмазы, вы нуждаетесь в скрупулезной и долгой обработке, прежде чем засверкаете всеми гранями, превратясь в бриллианты. Вот и человечество должно пройти долгий путь самосовершенствования, набивая шишки и теряя многих, накапливая общий духовный

потенциал, который позволит распахнуть врата и войти в них. Заметь,

это не единое действо. Сейчас врата распахнуты и поэтому Я с вами, но пройти сквозь них не просто. Требуются усилия многих, а привести этих многих в движение досталось вам. Поднимите взоры людей к небесам, чтобы увидели они Меня, и поведу Я их дорогой спасения.

Стыдно признаться, но впервые речь Даниила меня не поглотила всего. Я заметил, как некрасиво у него кривится рот и подергивается веко...

Господи, что я себе позволяю... В поисках веры я посмотрел на перстень, и надпись, пульсирующая на камне, успокоила меня — «Приидет царствие Мое».

— Не бойся этого чувства, Владимир, бойся отсутствия веры. Вот что приводит к Иудину греху. Внезапная любовь грозит горьким разочарованием. В попытке обрести себя так легко свершить предательство. А Я силы свои приумножаю верой агнцев. Поэтому и сказано, что вы ловцы человеков и умножаете силы Мои подвигом своим.

Билл поднял глаза и подал голос:

— Хорошо, с этим я согласен. Но зачем надо сломя голову лететь в Атланту и договариваться с Тедом, если так мы сильно теряем позиции. При нормальных переговорах мы можем добиться бесплатных телевизионных трансляций. Но, оказывая чрезвычайное давление, мы ставим себя в зависимое положение и будем вынуждены идти на условия этого деляги. А он из-за высоких рисков и возможных судебных исков религиозников может потребовать изменения собственной доли акций в Си-эн-эн.

«Деляга... Кто бы говорил», — подумал я. Мне показалось, в этот момент на лице Даниила промелькнула улыбка.

— Да что вы себе позволяете! — возмутился Билл. — Хотелось бы вам напомнить, что вы здесь находитесь во многом благодаря моим связям! Да и все, что сегодня случилось, произошло не без моего скромного участия. Не буду уточнять сумму, в которую обошлось участие Симона... Пусть это называется пожертвованием, но для бухгалтерских

книг это минус. Могу представить, во сколько еще мне обойдется его братская помощь...

Да, Владимир, ты еще не знаешь, он отзвонил, сообщив, что сразу после нашего ухода Папа почувствовал себя очень плохо, но тем не менее потребовал к себе на подпись документы, среди которых и благословение на проведение сравнительного анализа ДНК Даниила и генетического материала с Туринской плащаницы. Ответственным за предоставление материала назначен Симон.

— А как сейчас самочувствие Папы? Мне он понравился. Может быть, сыграло роль родство славян, но, по-моему, он держался молодцом...

Его просьба услышана, — произнес Даниил. — Завтра к вечеру Папа предстанет перед Отцом Моим, но мы к этому времени уже будем далеко от Италии. Билл, успокойся, все будет как будет и Тед не потребует ничего. Сколько раз Я помогал тебе, когда, казалось, не было выхода... Верь, и_сила придет.

«Ну, прямо Джедаи какие-то», — подумал я, но тихохонько, чтобы никто не расслышал. Однако успел получить порцию холодных взглядов. Чтобы перенаправить поток, я сказал: — Зачем мы собираемся в ресторане, если все равно рот занят разговорами. Может быть, по дороге в Америку кормят и неплохо, но я самолетной пище предпочитаю ресторанную. И, без обид, чтобы не попадать на всякие ваши кашруты, свинины-шминины, козленка и молоко его матери, — заказывайте сами, а я беру на себя почетное обязательство все съесть.

Глава двадцать вторая

Время приближается к первой встрече с родным официозом. У меня будет встреча с президентом. Еще совсем недавно я бы много отдал за интервью с ним.

Ну это я, конечно, привираю. Не много бы отдал, а много бы получил. Статусно, что и говорить. Рейтинг был бы... Мечта... А сейчас это уже и не очень будоражит фантазию. Ведь не я его, а он меня просит о разговоре. Практически подготовка саммита на высшем уровне, где я выступаю в роли шерпа, причем гораздо более могущественной инстанции, чем принимающая сторона. Интересно, будут ли присутствовать дядьки в рясах с бородами, — вот бы позабавился...

А вдруг я не понравлюсь президенту? Странная мысль... Но все же, что потом — искать другую Родину? Что делать, если ты с ним общаешься, а он смотрит на тебя и не спеша говорит: «Какой же вы неприятный, гадкий и глупый тип»? Ждать следующего президента, а пока впасть в революционный экстаз либо в летаргический сон?

Обидно... Ведь это практически встреча с Богом — проси чего хочешь. Например, порулить газовой или нефтяной компанией, и Билл Гейтс покажется тебе замухрышкой.

Стоп. Насчет встречи с Богом я, кажется, загнул. По этому вопросу ко мне. Красиво сказал. Гений. Великий. Актерище.

Тут я встаю, поднимаю руки. Кланяюсь. Зал рукоплещет.

Не надо, не надо оваций, говорит весь мой вид. Я гоже люблю вас. Особенно сейчас, когда в свете софитов неразличимы ваши лица. И чем меньше знаю, кого именно, тем крепче люблю.

Кстати, а что делать ему, если он не понравится мне? Искать себе другую жизнь? Хо-хо-хо, вот будет помер!

Ладно — я... А вот не понравится он, скажем, Даниилу — и что дальше? Тут ведь другой Вселенной и то не отделаешься. Рвать на себе одежды, раздирать лицо в кровь, вздымать светлы очи к небесам и тихонечко спрашивать: «Простите, а там, случайно, больше никого нет?» Как монотеист монотеисту отвечу: «Нет!!!» Могу добавить по-марксистски: «Не было и не будет!» У нас с этим строго. Бог, понимаешь, един. Хотя тут пошли на уступки страждущим и выдали на гора в трех лицах, но это так, адаптация к неразвитости религиозного чувства масс.

Адаптация...

Конечно, этот бред я себе позволил не за общей трапезой, унылостью блюд и постностью лиц, напоминавшей кормление детсадовских отличников, а в номере, собирая море шмотья, доставшееся от Билловых щедрот.

Я чувствовал, как накапливается неясное раздражение. Кручусь словно белка в колесе, себе не принадлежу, телевизор в последний раз смотрел в Детройте. Мысли о барышнях были тогда же. Я что, обет безбрачия на себя наложил? Такого уговора не было. Я-то как раз еще очень даже ничего. Уже все знаю — еще многое могу. Прямо-таки в полном соку. Учитывая мой вес, а это, простите, далеко за центнер, полнота моего сока не должна вызывать сомнений.

Кстати, о весе. Неловко как-то. Все-таки апостол, а жирный, как боров. Надо бы похудеть. Да, похудеть. Похудеть... Похудеть...

Напевая на все лады «похудеть», я продолжал кидать вещи в чемоданы и вдруг почувствовал, что с меня упали брюки и, извините за подробности, белье. Носки съехали к ступням. В области живота образовалась впадина, и еще недавно натянутая, как барабан, одежда повисла складками слоновьего брюха.

Опаньки!

Я ринулся к большому зеркалу, путаясь в чехлах, еще недавно бывших одеждой, на ходу пытаясь сорвать ее, чтобы увидеть, каков я теперь.

На меня смотрел некто, напоминающий мои юношеские фотографии. Кожа нигде не болталась. Мышцы развиты хорошо, но без фанатизма. Родинки и нажитые за долгие годы шрамы остались на месте. Но тело было другим. Молодым, упругим, здоровым. Лицо как будто вынырнуло из жира, скулы заострились, щеки скрылись из зоны видимости, мир расширился, шоры упали. Глаза из поросячьих буравчиков обернулись очами, и в них читалась грусть еврейского

народа. «Красавец!»— невольно подумал я. И отметил, что выражение лица осталось прежним — неизбывно блудливым. Оно-то и выдаст... Следом взор направился к области давно ограниченной востребованности. Ну хоть не меньше, и то ладно.

Кстати, хорошо, что довольно давно, отнюдь не по религиозным соображениям, мне сделали обрезание, а то вот бы смешно было. Все те первые ребята, как и капитан команды, обрезанные, а я нет. Хохмочка получилась бы еще та. Хотя мог бы теперь пропеть про обрезание — и крайняя плоть послушалась бы.

Стоп. Чему радуюсь? Недоумок. А в чем лететь? Одежду можно теперь и не собирать. Если только открыть собственный магазин одного размера— XXXL. В Армию спасения и то не отдать. Такого размера нищие водятся только в Америке, у «Макдоналдса», а в Италии такое шмотье используют как чехлы для малолитражек.

Задачка непростая. Время позднее. Единственный шанс — звонок другу. Билл, выручай, мы теперь с тобой одного размера.

— Билл, привет, не сердись, всякая чушь в голову лезет — усталость.

— OK!

— Н-да, ты не болтлив.

— Эта функция у нас закреплена за тобой.

— Уел... Зато за тобой матчасть.

— И что теперь?

— Могу я стрельнуть у тебя одежду?

— Кому-то в подарок?

— Если бы!.. Я, видишь ли, похудел до твоего размера, а вовремя не прибарахлился.

— Я должен это увидеть!

Через несколько минут с дорожной сумкой в руках, набитой шмотьем, Билл стоял в моем номере. Могу и не уточнять, конечно, на сумке был гигантский логотип окон. Бросив сумку на ковер, Билл принялся осматривать меня. Наверное, именно так пятилетние дети играют в доктора.

— Здорово! И как ты это сделал?

— Просто захотел и как идиот стал это повторять. Я даже не помню, вслух я это делал или нет. По идее, должен был вслух, тогда это напоминает библейскую тему Адама: когда еще во время нахождения в раю он попросил о дожде — и дождь пошел. Попросил о прорастании семян — и был услышан. Единство слова и дела. Переход умственного труда в физический, как это трактовали классики марксизма.

— То есть если я захочу чего-нибудь и произнесу вслух — сбудется?

Думаю, не все так просто. Ведь сказано, не искушай Господа Бога твоего. Скорее всего это должно совпадать с наличием объективной необходимости в деянии. Поясню. Воздушного змея запускают по восходящему потоку. Мне для служения надо было похудеть, я и похудел. Если ты захочешь пополнеть, то вряд ли это получится, так как будет очевидным баловством. Но вот зрение тебе, наверное, поправить можно.

— Хочу нормально видеть. Видеть. Видеть. Видеть...

Билл зажмурился и продолжал повторять, как заклинание, свою просьбу минут пять.

— Хватит, открывай глаза.

Билл аккуратно открыл левый глаз, тут же зажмурился, сорвал очки и бросил на пол. Очки, не ожидая подобного проявления благодарности за верную службу, издав жалобный звук, треснули, оттолкнувшись от пола, подпрыгнули вверх и, раскинув дужки, изломанным паучком

застыли на паркете.

— Можешь ничего не говорить. Убедительная демонстрация радости.

— Здорово, просто здорово! Пойду позвоню жене. Пусть порадуется.

— Чему? Ты больше не будешь царапать ее очками при поцелуях?

Билл уже не слышал.

Человек женат. А у меня даже времени нет на флирт. Интересно, если я апостол, то мне что, к девчонкам теперь — ни-ни? А может, наоборот, это способ приобщения их к тайне. Да и вообще, если я апостол, то, значит, безгрешен? И все, что сделаю, хорошо?

Классика ереси. Дремучие Средние века и заморочки Томаса Мюнстера. Дьявольщина в чистом виде. Искус. А жаль! Хотя попробовать все-таки надо. Ничто человеческое не должно быть чуждо, а то оторвусь от паствы — как тогда ей помочь?

Глава двадцать третья

Звонок.

— Слушаю вас.

— Владимир Рудольфович, мы внизу, рейс через два часа. Не хотелось бы вас торопить, но сами понимаете, служба.

— Спускаюсь.

Достав из сумки Билла новенькую одежду, наскоро оделся и, прихватив еще московскую куртку, спустился вниз.

В фойе расположились люди в нескладных костюмах с очень

пристальными взорами. Заметив меня, один Из них поднес манжету ко рту и сказал:

— Объект вышел, подавайте машину.

Я прошел в заботливо раскрытые двери, даже не удостоив взглядом ораву с проводками в ушах, и оказался в коридоре из спин, который заканчивался открытой задней правой дверцей лимузина.

Забрался внутрь. На заднем сиденье уже расположился очень пожилой мужчина.

— Здравствуйте, Владимир Рудольфович, очень рад вас видеть, Засекин Виктор Львович, посол России в Италии. Я, знаете ли, ваш давний поклонник. Разрешите по-отечески вас пожурить. Что же вы не предупредили нас о своем визите? Мы бы встретили, помогли чем можем... А то ведь ТАМ волнуются... Меня, старика, расспрашивают, а я и не знаю... Вы уж там намекните, что все прошло на высшем идейном уровне. Я понимаю, что у вас времени тут почти не было... Мы с ребятами собрали гостинец, так сказать, памятный набор. Вы уж не обессудьте, чем могли... Что-то я болтаю и болтаю, соскучился по новым лицам. К нам, конечно, часто прилетают, но чтобы такие люди — это событие...

— Виктор Львович, да побойтесь бога, я же не Алла Пугачева!

— Да, но за нее сам Александр Стальевич не стал бы просить, да и столько орлов бы не прилетело. Вы что думаете, в гостинице посольские были? Да у меня столько народу крепкого и не наберется. Это раньше в загранкомандировку стремились, а на нынешнюю зарплату желающих нет. Так, в основном мы, старики, свой век доживаем...

Виктор Львович приумолк, вспоминая партийно-правительственное прошлое, при котором ни за какие коврижки его бы не вытащили вечером из дома, оторвав от ужина, чтобы ублажать какого-то журналистишку. Да и не прилетел бы по мою продажную телевизионно-радийную душу борт из Москвы с группой

сопровождения, достаточной для взятия приступом дворца Амина.

Погоревав, Виктор Львович продолжил:

— Вы о формальностях не беспокойтесь, мы васдоставим прямо к трапу самолета.

Бедный обломок старого режима! Что меня совсем не волновало, так это формальности. Пройдет не так много времени, и все формальности канут в прошлое. Дождитесь, дорогой Виктор Львович, может быть, сегодняшний вечер перетянет на весах все ваши подлости и только благодаря нашей нынешней встрече вы соскочите с острых вил, уже готовых подцепить наш перестроившийся, но все же очень коммунистический зад.

Приехали. Дверца, трап, стюардесса, улыбка.

— Добро пожаловать на борт самолета «Ильюшин» президентского отряда «Русь». Ваше место в первом салоне.

— Какое?

— Любое, в этом салоне летите вы один.

Свои вещи я из машины не забрал. Был уверен, что погрузят и без меня.

Удобно расположился, закрыл глаза и приказал себе отключиться. Судя по скорости, с какой разворачиваются события, в Москве поспать не дадут, так что не надо терять времени.

Навалился тяжелый сон.

Я видел старика Еноха, которого уже стал забывать. Он был не один. Рядом стоял похожий на Еноха старец с суровым лицом. Они оба смотрели на меня, и их голоса набатом звучали в голове. Они были недовольны мною. Кажется, костерили на чем свет стоит, причем делали это на иврите. К сожалению, я понимал.

Требовали, чтобы я остановился и задумался. Конечно, в очередной раз

предупреждали, что вначале должно прийти царствие антихриста. Из чего следовало, что Даниил совсем не тот, за кого себя выдает, а враг человеческий. Патриархи жалели Папу, меня, себя, человечество.

Устав от всеобщего страдания, я проснулся разбитым и в слезах.

— Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту «Шереметьево» города Москвы, просим вас...

«Это не иврит», — подумал я, снова закрыл глаза и очнулся на земле, когда почувствовал, как кто-то трогает меня за плечо.

Все повторяется. Сейчас я открою глаза и увижу негритянку из «Дельты». Окажется, что я лечу из Детройта в Атланту. И вообще мне все приснилось...

Открыл. Белая. Русская. Не путать с белорусской. Симпатичная. Точнее, была такой лет сто назад.

— Пора, прилетели.

— Спасибо.

Глава двадцать четвертая

У трапа самолета встречали. Нет, толпы религиозных фанатов отсутствовали. Страна скромно принимала своего героя, делегировав эту почетную миссию все тем же плохо слышащим парням, говорящим себе в манжеты, и маленькой горстке сравнительно молодых людей с печатью власти на челе, стоявших на ковровой дорожке между трапом и уже приевшимися лимузинами. Хорошо хоть обошлись без военного караула. Совсем с ума посходили.

Было, кстати, холодно и ветрено. Зима. Это вам не Атланта и не Италия, можно и уши потерять. Курточка спасает да ботиночки. Все же

похудание на размер обуви значительно не влияет, так что свое на меху работает. Извините, товарищи первоапостолы, что я тут буду не босиком.

Встречающий народ мне не понравился. Власть сказывается на характерах. Появляется плохо скрываемое пренебрежение к людям. Ну ничего, детишки, кое-чем мы с вами мериться не будем, нам, чудотворцам, ни к чему. Тем более что там, где у вас гулькин сами знаете что, у нас шлагбаум. Нескромно, скабрезно, но правдиво. Почти.

— Владимир Рудольфович, здравствуйте, меня зовут Эдуард. Александр Стальевич ждет вас в Кремле.

— А его не смущает, что я с самолета и дурно пахну? Можем ли мы заставить ждать Его Сиятельство?

На лице Эдуарда мелькнула улыбка.

— Думаю, разберемся по дороге. У нас есть где принять душ, минут пятнадцать у вас будет. По опыту знаю, что и на Страшный суд босс опоздает, такой у него характер.

Эдик, Эдик, знал бы ты, насколько в масть пошутил!

Москва. Вечные пробки, которые сегодня меня не касались. Правительственный эскорт под ненавидящими взорами остановленных автолюбителей летел по Ленинградке.

Хороший город, только заблудился в климатических поясах. Почти девять веков к москвичам приходят снежные зимы — и все внезапно, все некстати. И уж сколько лет чем-то дороги обрабатывают, даже по теории вероятности должны были бы хоть раз угадать, так нет. Поправ науку, гордо скажем: все мимо. Заколдованный город, своей задачей считающий не допустить существования чистых машин.

Феномен. Грязь жуткая, а город красивый. Богатый, хлебосольный, разухабистый, город свой в рубаху и сноб, город-мечта и вечный праздник, заканчивающийся горьким похмельем. Столица мира — чего

скромничать.

Я бывал в Кремле — причем зимой. Не понравилось. Совсем. Я не пытаюсь показаться борцом с режимом. Я лишь журналист. Судя по востребованности, неплохой. Но иногда желание пообщаться с власть имущими играет злую шутку.

Первый поход в Кремль я отметил поисками туалета. Москва не любит думать о низменном, так что туалетов раз, два и обчелся. Припарковав машину у моста, метрах в трехстах от Спасских ворот, где находился пропускной пункт, обозначенный как место сбора, я уже собирался забежать в жуткую синюю будку, при одном виде которой закладывало ноздри. Однако был остановлен коллегой по цеху, направлявшимся на ту же встречу.

Коллега оделся по сезону: дубленка, теплые ботинки на толстой подошве, всем своим видом кричавшие, что и они на меху, и в прекрасной меховой шапке-ушанке. Коллега был кремлевским старожилом, и на его лице, расчерченном контурной картой склеротических жилок, отражалось искреннее сочувствие ко мне. Он искренне не понимал ни моих зимних итальянских туфель, идеальных для московского сентября, ни тоненькой курточки, и, уж конечно, бейсболка без ушей наводила на него тоску.

— Куда ты в таком виде?

— В Кремль. Что, не пустят?

— Нет. Точнее, пропустят, но вносить твой хладный труп будут товарищи, ты заиндевеешь.

— Да ладно пугать! Идти-то всего триста метров.

— Угу, и на ветру ждать час, а потом по территории Кремля, как в аэродинамической трубе, еще неизвестно сколько упираться перебежками...

— Ну, значит, такова моя судьба, — сказал я и сделал шаг в сторону

туалета, так как промедление могло стать роковым.

— Ты что делаешь?

— Собираюсь, уединившись в общественном туалете типа пластмассовый сортир, выдавливать из себя по капле раба.

— Ты с ума сошел, провоняешь!

— Извини... А что, лучше выглядеть сумасшедшим чечеточником, отставшим от труппы?

— Да нет, просто самый теплый и чистый туалет как раз под Кремлевской стеной, у пропускного пункта.

— Спасибо, век живи — век учись...

— Да ладно, салага, стакан нальешь — и в расчете.

— Размечтался, — последнюю фразу я уже произносил, семимильными шагами отмеривая расстояние до храма Василия Блаженного.

Опыт, знаете ли, штука незаменимая — прав был коллега во всем.

Триста метров отзывались хрустальным звоном моих ушей, и чистый подземный туалет радовал теплом. Выходить на улицу не хотелось, но пришлось.

Саму встречу я запомнил плохо. Необязательная болтовня с небольшим чиновником президентской администрации. Говорил нескладно. На сувениры тырить было нечего — только карандаши с надписью ‑Кремль». Удивило, что даже бутербродов не поставили и что, несмотря на роскошь помещений, креслица были потертые.

Но вот чего не забыть никогда, так это контрольные проверки через каждые сто метров и внимательные лица прапорщиков и сержантов. Они как будто учились читать по нашим паспортам. И процедура эта доставляла им несказанную радость. Каждую страничку они изучали минут по десять, и под конец некогда полноцветные лица приобретали

под воздействием мороза монохромное изображение паспортной фото-графии. Тогда лица стражей озарялись пониманием, и испытуемый отправлялся к следующему КПП.

Ветер рвал лицо в клочья и пригибал уши к загривку. На третьем из постов мне уже было все равно. Я понимал,что в Кремле живет Снежная королева и попасть к ней на прием в сознании могут только пингвины. Жуткое ощущение холода я и вынес из кремлевского визита.

Но сегодня все было по-другому.

Эскорт машин прокатил мимо отдавших честь кремлевских стражей и остановился на внутренней территории Кремля у одного из служебных зданий. Дверца машины распахнулась, и Эдуард, очутившийся у меня перед глазами, принялся уговаривать:

— Владимир Рудольфович, прошу вас, только смотрите поаккуратней! Здесь скользко, брусчатка, да и ветрище жуткий!

— Помню, — ответил я и прошел внутрь помещения мимо охраны, любовно пожирающей меня глазами.

Был бы сахар, скормил с руки. Почитать бы для забавы их мысли... Но внутри стражних голов пустынно и гулко.

Зато в голове Эдуарда кипела жизнь, как в редакции желтой газетенки. Я приятно удивился отсутствию негатива ко мне и сложной комбинаторикой взаимных обязательств, вызванных подписанием незначительного указа.

— Прошу вас следовать за мной, — произнес Эдуард и устремился в глубь помещений. Я еле успевал держаться у него на хвосте.

В процессе движения мой провожатый поворковал с кем-то по сотовому. Потом, не скрывая саркастической улыбки, произнес:

— Александр Стальевич примет нас через полчасика, так что успеете принять душ. Ваши вещи доставят, не волнуйтесь.

Мы остановились в коридоре у одной из высоких белых дверей.

— Ленин жил здесь?

— Практически. Но его тень вам не помешает. Я зайду за вами минут через двадцать.

Глава двадцать пятая

Квартира вождя не впечатлила, разве что вафельное полотенце тронуло. А так — гостиничный номер как номер. Сантехника могла бы быть и поприличней.

Быстро приняв душ и переодевшись, я решил воспользоваться гостеприимством хозяев и поставил телефон на подзарядку. Последний раз заряжал в Америке. Да и друзьям для смеха славно будет рассказывать, как в Кремле помылся да подзарядился. Особенно если учесть, что сюда сотовые и проносить-то нельзя.

Ровно через двадцать минут раздался негромкий стук в дверь. Я был полностью готов к встрече с высшим руководством страны и, на всякий случай перекрестившись, решительно распахнул дверь.

На пороге стоял сам Александр Стальевич. Моего роста или чуть выше, но сутулящийся, в темном костюме, который вполне могли носить и во времена большевистских обитателей. Взгляд пристальным, но не злой, во многом благодаря очень пушистым детским ресницам. Сначала я подумал, что они вы горели на солнце, но, сравнив с остатками растительности, аккуратно уложенными вокруг гигантской лысины, понял, что это такой необычный пыльный цвет волос. Александр Стальевич походил на Ленина, засушенного и выцветшего, у которого от долгого хранения заострился носик, но умище и взор остались орлиными.

— Рад вас видеть, м-м-м-м-м, Владимир Рудольфович. Может, если вы не возражаете, пройдем ко мне, кабинет в двух шагах. Там и потолкуем за чаем.

— К вашим услугам, — неожиданно серьезно даже для себя ответил я.

Кабинет был действительно в двух шагах и стоической обстановкой вызывал уважение. Гигантский стол, зеленая лампа, компьютер, батарея телефонов, кресла, на стене фотография президента. Перед самим кабинетом находилась сторожевая секретарши, в которой обычно, конечно, толпился народ. Но сейчас всех куда-то передислоцировали. И только немолодая дама, должно быть помощник, с готовностью принялась активничать, услышав команду босса.

— Будьте любезны, Нелли Петровна, нам заказать пару чая.

За большим длинным столом мы сели друг напротив друга вдали от главного места, которое обычно хозяин кабинета занимал на совещаниях. Волошин помолчал, видно сосредоточиваясь.

Он и так-то говорил очень тихо, но уверенно, а тут и вовсе перешел на леденящий шепот.

— Дорогой Владимир Рудольфович, что происходит? Мы очень волнуемся и не знаем, как реагировать...

Он не закончил фразу, но я не дал договорить:

— Смиренно, Александр Стальевич, смиренно. Это, пожалуй, единственная возможность.

— Забавно. — Волошин пожевал бледные губы и очень внимательно посмотрел на меня. — Что вы имеете ввиду?

— Необходимо смириться с тем, что далеко не все зависит от вас и совсем не все можно разрулить.

— Хорошо, давайте зайдем с другого конца. Зачем вы были в Ватикане в компании с Биллом Гейтсом?

— Александр Стальевич, у нас так беседы не получится. Спасибо за чай и до свидания.

Было любопытно читать происходящее в голове у функционера. Он был взбешен и растерян. Впервые за последние годы ситуация выходила из-под контроля. Магия должности не действовала. Общаясь не с просителем, он даже не понимал, как завоевать расположение. Такая задача не ставилась никогда. Многие были готовы отдать все лишь за возможность побывать и этом кабинете... А тут какой-то писака-говорун взбесился... «Может, вызвать охрану?» На этой мысли я улыбнулся. «Или лучше позвонить, и парень окажется безработным. А потом у него начнутся проблемы с милицией. А там ему намекнут — и пороги будет обивать, умолять о прощении, гнида», — вертелось в голове у Волошина.

— Саша, может, тебе очки круглые прикупить?

— Зачем?

— А с очками да разожравшись, ты с такими мыслями — вылитый Берия. Ну так вот, никакой охране ты не позвонишь, ниоткуда меня не уволишь, ибо мой работодатель от тебя не зависит. Я не обещаю тебе, Саша, что ты вылетишь со своей работы, но вот что поручение своего работодателя ты не вы— ; полнил — точно. Так что зови своего холуя, пусть выводит из хором.

— Вы никуда не пойдете, это абсурд. — Волошин вдруг улыбнулся. — Хотя почему же абсурд?.. Так вы, оказывается, читаете мысли... Занятно...

Он успокоился, прикрыл глаза и пару минут сидел, застыв как статуя. Вернувшись к жизни, снял очки, сильно растер ладонями лицо, попытался улыбнуться. Ему это удалось.

— Извините, вспылил, хе-хе, хотя и мысленно... Как-то привык к тому, что мысли здесь угадываю я. Об этом мне ничего не докладывали. Впрочем, у них и не было возможности удостовериться. А еще что

умеете?

— Билет на Соловьева брали? А то начинаю ощущать себя конкурентом Дэвида Копперфилда. Не получается у нас разговор, хотя удар вы держите.

Большой опыт — многие били. Шучу. Проблема, уважаемый Владимир Рудольфович, отнюдь не в наших взаимоотношениях. А в том, что я, как ко мне ни относиться, представляю в данный момент интересы вашей Родины. Причем не исторической, хотелось бы отметить, а самой что ни на есть большой и малой. И это придает мне силы, простите за Пафос. Президенту доложили о некоторых событиях источники, к которым он привык прислушиваться, и мне было поручено с вами связаться.

Если информация о ваших, ну, скажем так, довольно неожиданных перемещениях и встречах окажется интересной для национальной безопасности России, то, вполне возможно, у Владимира Владимировича и будут непосредственно к вам вопросы.

И давайте договоримся сразу, не надо театрального надрыва и поз. Будь вы хоть наместником Бога на Земле... Президент России — это величина, и от него зависят судьбы наших с вами сограждан.

Волошин говорил спокойно, и я поймал себя на мысли, что он мне даже чем-то симпатичен. Наверное, таким и должен быть серый кардинал. В первую очередь функциональным. Категории «хорошо — плохо», «добро — зло», «нравится — не нравится» для него не существуют. Хозяином поставлена задача, и ее надо решить. Наиболее технологично и по возможности быстро. Если для этого надо поцеловать или укусить, то действие будет осуществлено. Он лишь идеальный исполнитель. И мысли насчет моей скромной личности были отработкой одного из возможных вариантов получения желаемого результата. Ему бы еще побороть физиологические потребности организма — и будет Голем-Франкенштейн на зависть средневековым умельцам.

— Ну что же, Александр Стальевич, тогда давайте вернемся к исходным позициям. Что вам угодно?

— Хотелось бы понять природу ваших отношений с Папой Римским, Биллом Гейтсом и Даниилом Давидом.

Я впервые услышал фамилию Даниила, хотя мог бы и догадаться — ведь он должен быть из дома Давидова.

— Прошу. С Папой — отношения строго официальные, с Биллом — братские, с Даниилом — апостольские.

Волошин задумался и повторил манипуляции, начиная с позы застывшего тушканчика, пройдя через сдергивание очков и заканчивая растиранием лица. Правильного ответа пока не было. Через несколько мгновений забрезжила догадка. На его лице промелькнуло подобие улыбки.

— Разрешите уточнить, с Папой — отношения официальные инспекторские?

— Браво, Александр Стальевич! Горжусь вами!

Глава двадцать шестая

Волошин ответить не успел. Дверь в кабинет распахнулась.

Решительно вошел президент. Невысокого роста, спортивного сложения, совсем не президентской внешности, с какой-то мальчишеской, чуть кособокой походкой. Он не произвел на меня впечатления вершителя судеб.

Охрана осталась в коридоре, и в кабинете мы были втроем.

Президент подошел ко мне и протянул руку. Я встал. Оказалось, он ростом пониже меня.

— Здравствуйте, Владимир Рудольфович.

— Добрый день, Владимир Владимирович. Рукопожатие плотное, но не сильное. Президент

посмотрел мне в глаза, будто пытался определить, смогу ли я выдержать его взгляд. Я не понял, в чем проблема. Взгляд как взгляд, только глаза прозрачного голубого цвета. А мой взгляд потяжелее будет. Все-таки это я, а не он на стрелы начала 90-х в Москве ездил со всякими типами тереть. Не всегда я был журналистом, что уж тут поделать...

Наигравшись в гляделки, президент перешел к делу.

— Владимир Рудольфович, вы уверены, что господин Давид — Бог?

— Да.

— Вы понимаете абсурдность такого утверждения?

— Я не рассматриваю это с таких позиций.

— Незадолго до вас от меня вышел Патриарх. Он был против нашей встречи, считая вас в лучшем случае блаженным, а в худшем — проходимцем.

— Ну что же, по крайней мере он не причислил меня к антихристовому воинству, что внушает оптимизм.

— Я ставил этот вопрос. По мнению Патриарха, в силу вашего семитского происхождения и атеистического мироощущения вы не подходите на роль антиапостола. Антихрист со своей свитой должны прийти из лона Церкви, если верить святым старцам.

Вот бы Патриарха познакомить с Енохом, деды бы схлестнулись не на шутку. Только боюсь, выстоять у нашего попа шансов ноль. Языками в нужном объеме не владеет, да и в Ветхом Завете про него нет ни строчки, а про таксиста — главы. Почему-то я испытал радость за своего грозного обличителя.

— Исходя из этого позвольте спросить, не слишком ли велика честь для самозванца — встреча с президентом?

— Не слишком. Я читал донесения нашего агента в Ватикане о вашей встрече и пришел к выводу, что либо он выжил из ума, либо — есть многое на свете, друг Горацио...

— Впечатляет. Я думал, вам ближе немецкая классика.

— Я помню этого агента еще по совместной работе — крепкий профессионал, а вот с Патриархом не служил. — Президент улыбнулся, и в его глазах блеснула чертовщинка. — Так что, коллега, хорошо было бы просчитать все варианты...

— Разумно, хотя и краткосрочно. Второе пришествие автоматически снимает вопрос о проведении любых выборов, в том числе и президентских.

— Видите ли, Владимир Рудольфович, наше общее советское прошлое убедило меня в том, что переходные периоды имеют тенденцию затягиваться.

— Согласен, особенно если принять концепцию перманентного пришествия антихриста, которое вместо положенных трех с половиной лет уже длится почти век. Позволю себе задать вопрос, чем могу помочь я?

— У меня пока нет ответа. Знаете, я ведь не могу выйти в прямой эфир и сказать народу, что в связи с концом света пенсии и зарплаты выплачиваться не будут и что поэтому же не надо решать проблемы отопления и прочей бытовухи. Да и не удивить этим наше население — то, как живут многие, заставит их радоваться Страшному суду как концу мучений.

— У меня нет ответа на эти вопросы.

Понимаю. Но у господина Давида должны быть. Если он посчитает нужным, он вам даст на них ответ. — У президента опять проскочило что-то наподобие улыбки, — Но есть еще тонкость... Насколько я помню, одна из задач апостолов — судить народы. Это тонкий момент,

критерии оценок разнятся, да и важен вопрос очереди. Так сказать, что лучше, пораньше или попозже, начнем с почивших или с того, кто и нынче здравствует... Да и география... В каких условиях участникам ожидать своего череда? Представьте себе толпы скелетов, марширующих в направлении сборного пункта. Страшный суд Страшным судом, а беспорядков будет столько, что и в жутком сне не привидится...

— Владимир Владимирович, так вы хотите стать апостолом?

Президент тяжело вздохнул. Я продолжил:

— Боюсь, что это не совсем в моей компетенции, все-таки мы имеем дело не с демократией, и тонкие заходы не работают. Я не очень могу представить сложноподчиненную бюрократическую структуру, осуществляющую предварительное рассмотрение дел всех сущих на Земле. Если принять вашу логику, то ближайшие пару сотен лет государственные аппараты Вселенной только и будут заниматься тем, что готовить дела. Я как-то себе не очень представляю Даниила, утверждающим бюрократические формы отчетности. Думаю, если бы задача формулировалась так, то апостольское звание доставалось бы победившему на выборах вместе с прочими атрибутами президентской власти. Однако все обстоит совсем иначе. Надо быть призванным Даниилом на служение. И если это случится, то я буду счастлив назвать вас братом. Но если вы не призваны, то апостолом уж никак не стать.

— Да, коллега, наверное, я должен буду с вами согласиться. — Президент замолчал и посмотрел на Волошина. Тот раскрыл рот, но Путин остановил его движением руки. — Владимир Рудольфович, давайте Подойдем к задаче с другого конца. — Эта фраза мне ужасно напомнила манеру выражаться Волошина, интересно, кто от кого ее перенял? — Мы, конечно, не пытаемся вас вербовать. Но на некоторую протекцию рассчитывать хотелось бы. Все же Москва — Третий Рим... Мы со своей стороны готовы оказывать всемерное содействие вашей миссии, однако хотелось бы встретиться непосредственно с Даниилом, как вы его называете. Россия почла бы за честь принять у себя такого гостя.

— Я сообщу Даниилу.

— Это еще далеко не все. Я понимаю, сколь нелегки его и ваша миссии. Думаю, не обойтись без саммита «восьмерки». И придется провести ряд консультаций с нашими друзьями в арабском мире, Индии и Китае. И учтите, памятуя судьбу Христа, с властью лучше дружить. Время, сами знаете, неспокойное, исламским фундаменталистам вряд ли придется по душе господин Давид.

— Владимир Владимирович, а почему вдруг такое участие и готовность помочь? Я ведь даже ничего из набора святых фокусов не делал?

— Ну почему же? Вот, например, Александра Стальевича в таком состоянии я не видел никогда... Скажу прямо, не знаю, Владимир Рудольфович. Должно быть, это интуитивное решение, а может, и понимание того, что Россию способно спасти только чудо. Ну что же, полагаю, у вас есть дела в Москве. Если что надумаете, позвоните по этому номеру. — Президент протянул визитку, на которой ничего не было, кроме номера телефона: +70956660666.

— Номерок, прямо скажем, не без намека...

— Зато легко запоминается. Удачи, Владимир Рудольфович!

Президент вышел, и мы остались вдвоем с Волошиным.

— Вас довезут куда укажете. Просьбы, пожелания?..

Я поймал себя на мысли, что фотография с президентом была бы очень кстати. Да и с Папой было бы не лишним сняться, как-никак его уже не воротишь... Маме было бы приятно и детям, вот, мол, какой у них отец.

— Милейший Александр Стальевич, — Волошина передернуло, — а жаль, что я с президентом не сфотографировался, да и с Папой тоже...

— Фотографию с президентом мы вам доставим попозже. А вот с Папой получилась не очень хорошего качества. Все-таки оперативная съемка, да и темновато там было поначалу... Вас куда доставить?

— Да не надо. Пойду прогуляюсь по ГУМу, подышу воздухом, соскучился.

— Воля ваша.

Я слышал, как в голове у Волошина в бешеном хороводе скакали обрывки мыслей. «Руку ему поцеловать и благословения попросить?.. Позвонить Роме?.. Что теперь с нами будет?.. А я ему грубил... Может, убрать его... Ой, не дай бог, услышит... А с Сурковым он уже встречался?.. Могут переиграть, назначат апостола из своих — и нас на Соловки!..»

— Простите, сам дороги не найду, проводят?

— Конечно, конечно. И оплатите ваш сотовый.

Глава двадцать седьмая

Ступив на брусчатку Красной площади, я поднял руки вверх и потянулся до хруста в костях.

Красота! Небо высокое, прозрачное, воздух пронзительный, бодрит. После кремлевских мечтателей хотелось встряхнуться и просто потрещать с кем-нибудь на родном языке.

С ужасом подумал, что вечность не сидел с друзьями за бутылочкой вина и не флиртовал с дамочками. Какое упущение! Ближе надо быть к народу, товарищ апостол, а то ведь так совсем потеряете связь с населением. Все цари да попы...

А как же падшие женщины? Они что, не люди? В первоисточнике их в окружении было немало, а теперь где все? Нельзя отрываться от корней.

Кстати, о корнях. Неплохо бы было поесть, а то на кремлевском чае далеко не уедешь.

Пройдя через Красную площадь, зашел в ГУМ. Конечно, в мое любимое «Боско-Кафе» можно было войти и с улицы, но хотелось прошвырнуться по магазинам и сменить наряд от Билла на что-нибудь чуть более современное, чем среднеамериканская классика.

Обедать одному — пошлость. Надо позвонить друзьям, сказать, что я в городе. Друзья у меня есть. И последнее время я не много о них думал.

Стоп. Ладно, я не позвонил, а почему они мне не звонили? Ведь телефон за все это время, начиная с Детройта, не зазвонил ни разу. Ни единого разочка. Никто даже номером не ошибся. Я срываю все планы выхода в радио— и телеэфир, не сдаю статей, не раздаю долгов, не делаю новых — и никакой реакции, совсем.

Что-то здесь нечисто. Да и последние слова Волошина... Может, это вовсе и не проходная фраза? Может, это прямое указание на существующую проблему?

Я достал из кармана сотовый телефон и увидел, что на нем светится до боли знакомая надпись: «Только экстренные звонки». Ну не идиот ли апостольский, ну не болван ли!.. Как такому поручать судить народы, если он не способен вовремя позаботиться даже о счетах. Операторам сотовой связи спасение ни к чему, им все равно гореть в геенне огненной... А сам-то хорош — не слуга и опора, а олух царя небесного...

Офисы «пчелки» давно разбросаны по всей Москве и собирают нектар с жителей России в пользу своих многонациональных хозяев — заходи и расставайся с деньгами.

Можно было бы воздеть руки к сияющим вершинам и пробормотать нечто невнятное, глядя в небеса, и счет Божественным провидением пополнился бы. Но хотелось человеческого общения.

С открытым сердцем, полным желания сорить деньгами, я вступил в синюшный улей. Но, посмотрен на тяжелые лица продавщиц, скрывающих свое ремесло за трескучими титулами менеджеров, пожалел а принятом решении.

Вспомнив о тяжелой судьбе апостольских предшественников, на вдохе набравшись терпения и любви к людям, я обратился к барышне за кассой:

— Здравствуйте!

Леденящий душу взгляд медленно пополз от брючного ремня вверх, и я чувствовал, как легкий треск костенеющей плоти отзывается во мне подвигом генерала Карбышева.

— Ой, Владимир, вы так изменились, я вас сразу и не узнала! Какая честь, что вы к нам зашли! Чем могу помочь?

Об остальном можно и не рассказывать. Типичный рекламный ролик с чашечкой кофе, раздачей автографов, легким флиртом и быстрой оплатой просроченных счетов.

Приятно быть мной — любовь народа чер-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-товски сладкая штука... Так-так... Опять... С упоминанием прямых конкурентов надо быть все-таки поосторожнее.

Начало общению с грешным миром положено.

Вооруженный до зубов связью, я решил опериться по московской моде и отдал себя в лапы продавцов мужского салона. С моим доапостольским размерчиком закупаться было просто — до-статочно попросить продавца принести все, что есть. шестьдесят четвертого размера, и наслаждаться и примеркой пары вещичек. А теперь можно и повыпендриваться.

Продавец попался с потерянной сексуальной ориентацией. А может, как русалочка, обменявшая голос на пару стройных ножек (не надо вспоминать Пушкина — «Только вряд найдете вы в России целой две пары стройных женских ног»), этот раб моды отдал мускулинность в обмен на безупречный вкус, кто знает. На примерке я с удовольствием ощутил всю радость похудания. Есть прелести и в пашем деле, хе-хе, теперь-то я помодничаю. Прочь билловские тряпочки — Москва прислушивается к воркованию итальянских мастеров.

Вот он я, весь небесно (во всем многообразии смыслов) элегантный, в кашемировом пальто, костюме тонкой шерсти в модную полоску и вызывающе яркой рубахе, готов открывать двери спален вытянутым мысом стильного ботинка. Мачо в городе.

Кстати, пора договариваться о приятном времяпрепровождении.

— Здорово, Санек.

— О, какие люди, сам Владимир Рудольфович! Сколько лет, сколько зим — куда запропастился?

— Увидимся, расскажу. Ты уже обедал?

— Нет.

— Буду в «Боско», подруливай и возьми с собой каких-нибудь подружек. А то я уже забыл, чем мальчики отличаются от девочек.

— Не обещаю, но подумаю. Может, кто из подружек жены?.. Они как раз в городе шляются... Все, сейчас своей позвоню. В «Боско» буду через час-полтора.

— Жду.

Глава двадцать восьмая

В прекрасном настроении я вышел из магазина, попросив служащих утилизировать остатки американского гостеприимства, и отправился ждать вечерних развлечений.

Спустя пару минут я сидел за столиком «Боско-Кафе» и разглядывал праздношатающуюся толпу на Красной площади.

Заказав капуччино и фирменный фреш, я не смог сконцентрироваться

ни на хорошеньких модельках, постреливающих на меня глазами из-за соседнего столика, ни на шапочных знакомых, приветливо выражающих узнавание и восхищение резким преображением.

— Волков? Монтеньяк? Промывание? Голодание?

— Отнюдь, чудо. Просто чудо. — Как всегда, правда воспринимается шуткой.

Телефон как прорвало — звонки с телевидения и радио. Уже все знают, что я в Москве и встречался с президентом. Все в курсе, что я выполняю особо важное задание и поэтому могу не беспокоиться, мои места останутся за мной и будут ждать с нетерпением... И бла-бла-бла...

Ах, мои милые наивные работодатели! О чем вы? Когда мое особо важное задание завершится, вы уже будете распределены по деяниям вашим по вечным квартирам. А я буду, попивая амброзию, тусоваться с Даниилом.

Стоп. Есть нарушение формальной логики. Если добро и свет воплощены в Данииле, то кто же зло и тьма? Рассуждения о Гитлере и иже с ним очевидны, но сейчас не годятся — они мертвы, а зло — нет. Так кто же его воплощает теперь? Террористы всех мастей? Не думаю. Они сеют страх и разрушение, но никак не обольщение. Даже на роли приспешников не тянут. Так, любители. Или, выражаясь языком партийных документов, — «и примкнувший к ним Шепилов». Примкнувшие, не более того.

Пойдем от противного. Кто противостоит Даниилу и Его апостолам (это я так о нас с Биллом), сразу и не скажешь. Сумасшедший Енох? Его никак не назовешь злом. Зануда, но не враг человечества. Волошин ? При чем здесь Волошин? Неточно формулирую — не «при чем», а «зачем». Зачем он здесь?

Фрагменты мыслей собрать в единую картину бытия не удалось. Отложим до следующего раза лего для апостолов.

Александр Стальевич шел мимо Мавзолея по направлению к кафе. За

ним следовала охрана в черных костюмах, уместных лишь на похоронах их владельцев, из ушей свисали проводки, обеспечивая связь гуманоидов с базой. На невыразительных рыхлых лицах застыла профессиональная тупость. Их походка напоминала гусиную развалку. Только вместо отвисшего брюха эти гусаки поддергивают оттягивающие брюки к коленям рацию и пистолет в доставшейся по наследству кобуре. Со стороны они кажутся донжуанами с гипертрофированными рабочими органами, нуждающимися в ежесекундном внимании владельцев, а то прищемит толстыми ляжками все достояние к чертям собачьим. Что говорить — плохие танцоры, ну и очевидно, что им мешает.

Надеюсь, управимся до приезда Сашки с дамами. Не то кремлевские мечтатели испортят вечер.

— Владимир, — голос шел со спины, из глубины кафе.

Я обернулся и не смог сдержать улыбки, уж больно все начинало походить на дешевый водевиль. Передо мной стоял один из самых таинственных и влиятельных российских политиков, замглавы администрации. Сам господин Сурков. Интересно, они сговорились устроить здесь разборку на троих и оба следили за мной? Ой, боюсь, им не доставил радости мой вид в момент примерки новой одежды — у них и с ориентацией все нормально, да и я не красавец, если признаться.

— Присаживайтесь, одна из мыслей господина Волошина была о вас, что делало нашу встречу неизбежной.

— Занятно излагаете.

Приятной наружности интеллигентный парень моих лет, прекрасно сидящий строгий костюм, без всякого сомнения, сшитый на заказ в солнечной Италии за презренные североамериканские рубли, безупречно подобранная рубашка, расцветка галстука слишком строгая, чтобы быть изящной. Положение обязывает, как-никак левая рука президента, если считать, что Волошин правая, а рук две. Говорит с легким акцентом, почти незаметным, видно, что родился и вырос не в Москве.

— Вы произвели фурор. Давно никто не видел А. С. таким встревоженным.

— А таким простым вы его часто видели?

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот так, по-свойски пересекающим Красную площадь. Вот он, яркий пример публичного одиночества: государев муж погружен в мысли о чадах, кои получают зуботычины от охраны вельможного, дабы не отвлекали его от высоких дум о благе тех самых чад неразумных...

— Достаточно. Понял. Я хожу без охраны, но Волошину нельзя. Сами видите, если бы не няньки с рациями, его бы толпа замяла расспросами и просьбами. Не скрою, его визит не входил в мои планы. Наши концепции развития государства несколько различаются, хотя мы и работаем в единой команде. — Легкая улыбка придала иронический оттенок сказанному.

Вот это высший класс — на прослушке все выглядит замечательно, а истинный смысл сказанного можно постичь, только наблюдая за мимическими оттенками. Настоящий подковерный борец!

— Его появление здесь для вас неприятный сюрприз...

— Ну что вы... Общение с непосредственным руководителем всегда праздник... — Это даже не ухмылка. Тонкие губы, словно прочерченные горским кинжалом, ломаются молниевым всполохом и возвращаются к привычной сочувственной полуулыбке. — Хотя иногда мечтаешь о буднях...

Волошин приблизился ко входу в кафе, и Сурков поднялся, обозначая свое присутствие. Лица обоих оставались лишенными эмоций, а погружаться в пульсацию отрывочных мыслей мне не хотелось.

Я произнес:

— Присаживайтесь. Не могу сказать, что несказанно рад вас видеть, ибо о братской любви речь не идет, а свидание вы мне, очевидно, подпортите... Так что, ГМ — это я вас так сокращаю, то есть государственные мужи, — давайте к делу.

— Не увлекайтесь, Владимир Рудольфович. Конечно, Слава мощный союзник, но не стоит недооценивать и старые кадры.

Я ждал ответной реакции от Славы. Но он всего лишь улыбался, тем самым выигрывая время и усиливая свои позиции.

— А то что случится? Меня постигнет участь многих ваших политических противников? Или у вас настолько плохо с чувством юмора, что вы начнете мне угрожать?

Я почувствовал, как закипает глубинная ненависть к этому человечку: «Вот этих двух уродцев для чего привели?»

В голове зазвенела натянутая тетива беспокойства. Я почувствовал, как мир раздваивается и как я отделяюсь от своего тела, одетого по последней моде, поднимаюсь метра на три над полом и вижу все происходящее иным, не мирским зрением. Я ощущаю плотную ткань бытия, в которой барахтаются статисты времени.

Подо мной моя телесная оболочка продолжает беседу с кремлевскими деятелями, отмечая, что Слава слукавил и пришел не один. К происходящему прислушиваются трое посетителей. Причем двое не знакомы с третьим, хотя и выполняют одну задачу — опекают господина Суркова. Вот двое из них за три столика от нас, руки в позиции, предельно близкой к манящему оружию, на столе только чай. Надо отдать должное вкусу их хозяина, одеты поприличнее кремлевских держиморд. Третий занял идеальное место напротив нас — молодой высокий блондин с чуть нервическим лицом и совсем не уставным оружием, изящно спрятанным в складках ниспадающей замшевой куртки. Его выдают глаза, контрастирующие с непринужденной обстановкой кафе.

Где-то еще дальше я чувствую растущий комок тревожного

напряжения, заполняющий все мое существо. Я устремляюсь своей эфирной субстанцией по силовым линиям поля тревоги. Вижу молодую женщину в черном, идущую со стороны Исторического музея к «Боско-Кафе». У нее в руках сумка. Ясно вижу, что в сумке взрывчатое вещество, примитивный запал, смешные, если не сказать трогательные, проводочки и несоразмерно маленькая пипочка, при нажатии на которую все клеточки тетечки разлетятся в сопровождении металлических шариков, щедро насыпанных в то же СВУ.

В голове женщины роятся обрывки молитвы на арабском: «Господь всемогущий, не оставь меня в минуту испытания...»

А вокруг толпа граждан, не ведающих, что через пару мгновений они превратятся в безликие жертвы террористического акта.

Даму замечают молоденькие милиционеры и направляются к ней. Их движение отзывается в гуляющей публике рокотом волнения. Волна тревоги заставляет террористку бежать в направлении кафе.

Обладатели мертвецких костюмов кремлевской охраны замечают движение женщины в сторону охраняемого объекта, и стоящий чуть дальше от нас офицер бросается ей наперерез с поднятыми руками. Один из бойцов Суркова выхватывает пистолет и летит через столики в направлении Славы, пытаясь закрыть его своим телом. Волошин инстинктивно откидывается назад и падает со стулом на пол, что воспринимается его вторым телохранителем как официальное начало военных действий. «Макаров» телохранителя тут же оказывается нацелен на летящего в прыжке коллегу. Блондин вскакивает на ноги, в его руках появляется «узи», уже извергающий первый плевок горячего металла в сторону волошинских ребят.

Я понимаю, что мне это надоело. Очень-очень надоело. И я уже не просто зол, а нет слов как зол. Это что, Голливуд, кино про долбаных ковбоев? Нет, ну подумайте, мне человечество спасать, а эти недоумки сейчас ухлопают элиту российской политики с апостолом в придачу. И отметьте, с первым апостолом — гражданином России. Это вам не хухры-мухры... Да еще новоявленная Вера Засулич хренова со своим взрывоопасным танцем живота превратит всех нас в

трудноопознаваемые останки...

Нет сил терпеть балаган! Несерьезно! Именно несерьезно! Когда терроризм приводил к намеченным политическим целям? Позвольте спросить, где в Священном Писании вы нашли подтверждение этих архиреакционных мыслишек? Незаметно для себя я перешел на ленинскую манеру говорить. Вот так-то, милочка, уготована вам прямая дорога в ад, в геенну, понимаете ли, огненную. Ну и гореть вам там синим пламенем, а вовсе не зеленым, и не под знаменами аллаха, и не в раю. Вот так-то...

Наберут несчастных дурех по объявлению, одурманят химией — и сколько потом невинных людей страдает! А все от вечного восхищения террором, — что в литературе, что в истории. А ведь зло, чистейшей воды зло!

Не подумайте, что я стоял и рассуждал про себя. Монолог мой звучал так громко, что был слышен и в Кремлевском дворце. Слушателей набралось немало. Чтобы достичь всеобщего внимания, мне оказалось достаточным воздеть длани вверх. Все вокруг застыли, как в детской игре. Мне даже не пришлось говорить: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три — морская фигура, замри». В частности, и потому, что, может быть, «море» я бы и успел сказать, а вот остальное фольклорное наследие было бы заглушено стрельбой, переходящей в мощный взрыв. 'Так что извините, в следующий раз.

Монолог я произносил, не стоя на месте, а активно двигаясь от фигуры к фигуре, собирая оружие, отделяя магазины и выбрасывая патроны из стволов и скидывая уже безопасные железяки под наш столик.

Подойдя к террористке, я вспомнил, что не имею ни малейшего представления о саперном деле, и решил не испытывать судьбу. Подумал о взрывателе и увидел, как он сам отдал опасные соединения, бессильно расцепив контакты, отчего провода повисли нестрашными усами стареющего маршала. Вот теперь можно, понял я и снял смертоносный пояс с женщины.

Я направился к висевшему в воздухе бойцу Суркова, оттянул его за ногу

от стола, в проход, и вернулся к своему месту.

Особую пикантность происходящему придавал тот факт, что участники данного события — числом примерно в тысячу — не переставали слышать, чувствовать, дышать, думать о ближних своих и дальних, желать справить естественные надобности. Им, наверное, стало очень страшно от того, что они оказались лишены возможности двигаться. В такие моменты невыносимо свербит в носу и нижнее белье требует немедленного восстановления в границах приличия, что обозначает прекращение выполнения им функции демаркационной линии между ягодицами.

Мучение продолжалось недолго. Сгрузив арсенал под стол и переместив супермена, я хлопнул ладонями по скатерти и сказал:

— ПРОДОЛЖАЕМ!

И вмиг все ожило — граждане бросились доживать суматошный день. Охранники дотянулись до несчастной террористки, внезапно ощутившей себя обманутой, а супермен с мощным звуком рухнул между столиками. Блондин поспешил сесть на место, а телохранитель Волошина помог Александру Стальевичу подняться с пола.

Бешенство не покидало меня. Поэтому, холодно посмотрев на участников разыгравшегося действия, я тихо, но твердо спросил:

— Что вам угодно, господа? Прошу быть краткими, ибо остатки моего терпения описываются безмерно малыми величинами.

— Владимир Рудольфович, что это было? — подал голос Волошин.

— Наглядный пример нелинейности происходящего и существования Даниила.

— Но ведь должны быть какие-то разумные объяснения?

— Они есть, но вне материалистического взгляда на жизнь.

— Саша, прекрати, — вступил в разговор Сурков. — Владимир, как вы,

должно быть, догадываетесь, президент — это наше всё. Точнее, почти всё. Но президент — не только личность. Это в первую очередь институт, могучая организация, средоточие разнообразных устремлений очень важных индивидуумов, которые и складываются в некий единый вектор развития страны...

— Слава, сил нет слушать... Говори ясно... — перебил Волошин. — Надо учесть интересы олигархов. Деньги мы вам предлагать не станем. Это совершенно бессмысленно, имея в виду ваше нынешнее положение. Так что просто скажите, что надо сделать, и мы сделаем.

— Спасибо на том, что не просите включить ваших спонсоров...

— Акционеров, точнее...

...точнее, грабителей и прихватизаторов — в ряды апостолов, а то я прямо вижу корочки удостоверений апостола, почетного апостола, помощника апостола, у каждого секретариат, водители, телохранители, советники... Кстати, что это за Вера Засулич с поясом смертника и зачем она здесь?

— Сейчас узнаем.

Волошин отошел от нас к группке охранников, проводящих первый допрос несостоявшейся террористки.

Допрос шел лениво. Было видно, что ждали «воронка» с подкреплением, которое забрало бы женщину в следственный изолятор.

Тем временем Слава сделал жест, и к той же группке присоединился блондин, ставший оживленно беседовать с нашей Засулич. Порой они переходили на крик. Накричавшись, блондин по пути на свой пост остановился возле Славы и на ухо нашептал все, что смог выведать.

Через пару минут к нам присоединился Александр Стальевич.

— Итак, господин Волошин...

— Чеченская вдова, семья погибла, жизни нет, все говорят, отомсти

русским, отомсти, вот и пошла мстить.

— Ну а зачем здесь и сейчас? Не верю в совпадения.

Правильно делаете, что не верите, — заметил Сурков. — Мой человек побеседовал с ней. Несколько любопытных деталей. Так, взрыв был нужен именно сегодня и именно на Красной площади. В этом нет ничего необычного. Но известно это стало лишь сегодня пару часов назад, что совпадает со временем пашей аудиенции у президента. Конечно, хорошо

Подготовиться не представлялось возможным...

Теперь давайте порассуждаем, кому и зачем это нужно. Покушение на нас с Александром Стальевичем отбрасываем сразу — слишком маловероятно предположить, что мы вдвоем окажемся здесь. И вы не планировали заранее поход в это кафе. Значит, дело не в нас с вами. Террористка бросилась в кафе инстинктивно, как к ближайшему укрытию, но задача была поставлена предельно точно географически.

Ответ на поверхности. Кому-то необходимо заглушить информационное пространство. А что важного у нас сегодня произошло? Ваша встреча с президентом, последовавшая за вашей аудиенцией у Папы Римского. Не хочу демонизировать наших оппонентов, еще столь недавно бывших акционерами... Не правда ли, Александр Стальевич?

На лице Суркова появилась улыбка, а Волошин недовольно поджал губы. Но похоже, что их источники как при папском дворе, так и за Кремлевской стеной потрудились на славу. Один звонок в Лондон опальному олигарху, этакому Троцкому в изгнании, встречный звонок его чеченским друзьям, поддержанный денежным переводом, и бедная глупышка с поясом отправилась в последний поход. Зачем же это понадобилось лондонскому воителю Березовскому? Видно, испугался, что президент станет апостолом или получит признание Даниила. А это означало бы, что позиция проиграна. Можно бороться с людьми, но с Богом... Это даже эгоизму Березовского не под силу.

Получается, взрыв адресовался Даниилу как предупреждение. Если

угодно — как падение звезды указывало на рождение Спасителя, так и взрыв должен был указать на невозможность контакта с президентом. Довольно примитивно.

— Кстати, Александр Стальевич, как вы думаете, кто мог сообщить Березовскому о встрече Владимира с президентом?

— Слава, на что ты намекаешь?

Тут вмешался я:

— Брек! Давайте по порядку. Внутренняя политика России меня как гражданина очень волнует. В качестве апостола могу дать абсолютно точный ответ со ссылкой на первоисточник, как себя вести в дальнейшем — и вашим акционерам, и институту президентства в целом. Не хочу никого расстраивать, но у Даниила нет Божественной нефтяной компании, заинтересованной в слиянии с российским гигантом. Насколько мне известно, ни один из райских фут больных клубов не продается, так что и Мише, и Роме советую обратиться к первоисточнику. Извините, что цитирую по памяти: «И вот некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий, что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» Опустим лирику и перейдем к ответу... «Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего твоего, как самого себя...»

Понимаю грусть в ваших глазах. Количество кандидатов тает на глазах. Ну и, чтобы окончательно развеять ваши иллюзии, хотя уверен, что не открываю Америку, продолжу цитирование: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мною». Доставлю вам некоторую историческую радость — и новозаветный олигарх не смог последовать совету. Так что рецепт есть, но я не верю в возможность его применения...

— Владимир, для чистоты спора согласитесь, что после распятия Иисуса жизнь богатого предпринимателя, задавшего вопрос, не изменилась.

Бинго! Пять баллов! В яблочко! Уели. Сдаюсь. Я не имею ни малейшего представления о сценарии проведения Страшного суда. Даже не знаю, как много времени он займет, будет ли теле— и радиотрансляция для ожидающих своей очереди, да и будет ли очередь, а если да, то как в ней разместятся все жившие на Земле и будут ли разбиты по родам и срокам смерти, а если да, то что будет с детьми от смешанных браков... Не знаю, можно ли уступить свое место в очереди и есть ли привилегии для героев соцтруда. Не имею представления о том, в каком виде станут дожидаться приговора сгоревшие и истлевшие в прах. Будут они выглядеть, как в свои лучшие годы, одеты в выходные платья, или вся очередь будет нага. Не знаю.

Зато знаю другое, господа: мне сообщат, точно сообщат, и я приму в действе непосредственное участие, и суд состоится, и часы уже пошли отсчитывать время до первого удара судейского молотка.

Так что пока не поздно, не откажите себе в удовольствии изменить вашу участь. А говоря о вопрошавшем Христа... Даже если он прожил сто лет в окружении самых красивых барышень своего времени, наслаждаясь самыми изысканными яствами Земли обетованной, то он заплатил за это и продолжает платить две тысячи лет. И не случайно пророчествовал святой Серафим Саровский: «Миг в раю стоит всех мучений на земле». Заметьте, никто не говорил, что мгновение в аду — не великая расплата за земные радости. Думайте сами. А теперь говоря о деле...

Вдруг в моей голове вызрел четкий план.

— Нам нужна прямая трансляция по всем каналам некоего события — время и место вам будут указаны позднее. Нужна поддержка Даниила всеми значимыми конфессиями России, за это и Патриарх, и прочие религиозные лидеры смогут с Ним встретиться для беседы; официальное признание Россией Даниила Спасителем. Очевидно, что Даниил прибудет в Россию, она же Его Родина. Да-да, господа, — не Третий Рим, а второй Израиль, что, поверьте на слово, гораздо важнее в этой ситуации. Таким образом, Путин, благословленный Даниилом, становится Божьим помазанником. И у коммунистов не будет никаких шансов на контригру. Богу останется Богово, а кесарю кесарево. Вплоть до времени «Ч», когда уже все договоренности истекут в связи с

окончанием всемирной истории в ее привычном понимании.

Позволю себе заметить, что текст Конституции, как и деяния олигархов, рекомендую причесать в соответствии с Нагорной проповедью. Текст, я надеюсь, у вас есть. На сегодня все. Я от вас устал страшно, даже не успел заказать поесть... К тому же вон мои друзья, которых я ждал, в отличие от некоторых, уверенных, что их обществу всегда рады. Не смею вас задерживать. И, Слава, убери своих охранников от моей апостольской задницы, как ты только что подумал о моей аккуратной, хотя и не маленькой пятой точке.

Обозначая окончание беседы, я встал, надменно кивнул и пошел к столику, за которым сидел мой закадычный приятель в милейшем окружении.

Глава двадцать девятая

Сашка появился в кафе минут пять назад и растерянно вертел головой. Он был не один, а в компании двух барышень. Одну из них я знал, как-никак жена лучшего друга, а вот со второй встречаться раньше не приходилось.

Со всей прямотой могу сказать, что она хороша, стройна, белокура, волосы до плеч, глаза — серо-голубые цветочки, манят. Словом, русалка.

Кажется, я погибну в пучине сладострастья. Туда мне и дорога. Что там старикашка Мюнстер навыдумывал, не согрешишь — не покаешься, сиречь не спасешься?..

— Санек!

— Володь, ты? Вот это да! Ну ты и изменился! Как ты так похудел? Загорел, костюмчик модный, выглядишь замечательно... А люди, что

там сидели, это те, о ком я думаю?

— Не тараторь, сначала представь меня богине и дай поцеловать твою половину.

— Целуйся, целуйся! А это Эльга, подруга моей Яны.

Как же еще могут звать пару к апостолу, небольшая поправка на Россию как место действия и краткий экскурс в историю. Русь крестил Василий, до крещения Владимир, по любви к христианству, привнесенному Эльгой.

Я смотрю в глаза красавицы не отрываясь и встречаю спокойный сильный взгляд.

— Приятно! Какое хорошее лицо...

— Я именно об этом сейчас и подумала, глядя на вас. По телевизору вы совсем другой.

— Ты. Называй меня на «ты».

— Там — ты жесткий.

— Правила игры. Чем ты занимаешься в жизни?

— Искала тебя, а теперь нашла. А в промежутках учусь на психолога.

— Теперь тебе не понадобится искать пациентов — главный уже у твоих ног. Сашка, возвращаясь к твоему вопросу... Да, это они.

— Здорово, растете на глазах, Владимир Рудольфович, отрываетесь от коллектива.

— Не дождешься. Так есть хочу, не могу... По-моему, последний раз ел мясо в Италии, что было недавно, но далековато. Официант!

Прискакал молоденький мальчишечка, в отличие от Сашки и его спутниц видевший незабываемую сцену со стоп-кадром в стиле

голливудских боевиков и смотрящий теперь на меня, как на Бога. Что я мог сказать ему: «Рыбин и хлеба! И я накормлю все заведение»? Вряд ли посетители удовлетворились бы столь скудным меню.

— Давай-ка, брат, тащи из закромов Родины меню два раза и компот. А точнее, скажи повару, что я пришел с друзьями, что мы соскучились по правильной еде. Пусть расстарается, чертяка (упс... с языка слетело) ! Только не забудь, Яна вегетарианка, мы с Сашком по баранинке, а Эльге креветок. И пулей! Но учти, я ни на что не намекаю.

Какая радость оказаться в компании с друзьями, они и не знают, что я в некотором роде уже и не я. То есть, конечно, я это я, но вот только качество этого «я» совсем другое.

Приятно поглощать салатик и слушать журчание речи, не засоренной фамилиями знаковых политических персонажей, анализом интриг и пожеланиями влиться в братскую апостольскую семью.

— А чем вы сейчас занимаетесь?

— Ты. Мы договорились.

— Хорошо, чем ты сейчас занимаешься?

— Не знаю, как ответить. Позволь поинтересоваться, почему ты спрашиваешь?

— Чувствую, что ты существуешь в нескольких измерениях сразу. Ты как будто и не с нами вовсе, и внимателен, но как будто тебя снимает камера и кто-то еще должен поверить происходящему.

— Эльга, ты права. И я даже знаю, кто этот «кто-то еще», но боюсь тебе сказать.

— Почему?

— Причин много. Во-первых, я влюбился прямо сейчас и ежесекундно погружаюсь в чувство, как в зыбучий песок. Во-вторых, я в смятении. Оно вызвано тем, с кем ты не знакома. Могу успокоить — он не

женщина, а я не гей, что в данном случае не упрощает ситуации. Мне хочется похитить тебя, сжать в объятиях и не отпускать никогда. Прорасти тобой и просыпаться каждое утро с твоим именем на устах и засыпать каждый вечер в твоих объятиях. Это чувство я не могу назвать ни здоровым, ни цивилизованным, так как оно возникло на первом часе знакомства, и не могу его списать ни на долгое воздержание, ни на какую-нибудь еще традиционную пошлость.

— А зачем списывать? Глубокие чувства столь редки в глянцевой реальности, что за них надо хвататься, как за единственное, ради чего стоит жить. Я думаю, глядя на тебя, что я — спящая царевна, что нот он — принц. И уже дыхание его уст волнует предвкушением просыпания в поцелуе, а он все никак не решится. А я еще сплю, и не могу взять инициативу в свои царские ручки, и улыбнуться не могу, и все во мне зовет его... А он, погруженный в свои переживания, не решается на действие, продолжая самокопание. Взять бы Фрейда — и на Соловки, вместе с Кантом!

— Эльга, приятно, что в детстве мы ходили в один детский садик, хотя в разное время. После такого монолога у меня не остается выбора, и я должен пригласить тебя на чашечку утреннего чая в свою берлогу.

— Предложение принято. Когда отправляемся?

— Помою руки и буду готов к марш-броску.

Я забыл, что мы были не одни. Нет, наверное, и перебрасывался репликами с Сашей и Яной, но они пролетали по самому верху сознания. Не вспомню даже, о чем болтали.

Я не мог оторваться от Эльги. Она завораживала меня, как Ева Адама. Но у того, глиняного, и выбора не было, а у меня был. И это лишь оттеняло глубину вспыхнувшей страсти. Возникшее чувство — не звериная страсть. Просто смысл бытия сосредоточился в ней, все, ради чего стоило жить, скрывалось под ее одеждой, ничто не могло быть желанней ее плоти.

Одумайся. Прогуляйся до места уединения маленьких мальчиков.

Прогулялся.

Горячка. Нервный срыв. Еще две минуты — и ты будешь рыдать, стоя на коленях, прося ее руки. И не надо говорить, что именно ее ты искал всю жизнь и что никто и никогда не был столь созвучен трагической мелодии, звучащей в твоем изувеченном любовью к человечеству сердце.

Если ты уже любишь ее вот так, ответь мне, то есть себе, на простой вопрос. Что ты сможешь дать ей? Постарайся обойтись без пошлостей, «роллс-ройсов», бриллиантов, себя во всех твоих гормональных ипостасях.

Что ты можешь дать ей? Детей, семейное счастье, будущее? Может, думаешь, что насладишься воспитанием отпрысков? Агу-агу, идет коза рогатая за малыми ребятами, сорока-воровка кашу варила, ой, какие щечки, а ручки, а ножки, ну-ка, ну-ка, кого сейчас папа будет целовать — и давай умиляться перетяжкам на Толстеньких ручках...

Не дождешься, дружище.

Точка, приехали.

Второе пришествие. И ты Его апостол. Понятно тебе?

Умничать относительно судеб других — русская национальная забава. Что же ты себе ничего не посоветуешь?

Я включил кран, набрал леденящей холодной воды в пригоршню и медленно погрузил туда лицо. Казалось, что я весь вхожу в студеную воду в своих ладонях.

Затаил дыхание. Почувствовал, как холод стягивает мимические мышцы. Вот бы промерзнуть до самых глубин, загнать холодные щупальца сосулек внутрь, всем телом ощущая превращение в кристального рыцаря... Вот бы заморозить серое вещество в кубик морозильного льда... Чтобы ни одна мысль, ни единый намек на чувство не могли протаять полыньей. Тогда апостольское служение было бы в

радость.

Что-то в первоисточнике об отношениях с женщинами не особенно много и сказано... Запретов сколько хочешь — вплоть до вырывания глаза... Но эмоциональная сторона вопроса осталась нетронутой. Они там что, предшественнички, были импотентами? Или эта тема тогда была неактуальна? Женщины вокруг вились, и ноги мыли, и следом ходили... А как с другой стороной вопроса — молчание. Бывшие блудницы перевоспитывались, и на груди Христа, кроме головы любимого ученика, никто не находил себе покоя. И так три года?

Я не Станиславский. Дальше сами все понимаете... А если нет, то напомню. НЕ ВЕРЮ. Или, может, на полном серьезе — на том свете во сто крат дается тому, кто на этом претерпел? Но позвольте, три года на этом свете потерпишь, а на том уже и самому ничего не захочется. Да ладно три года, это у Христа, а апостолы? Пока мученическую смерть не приняли, ведь тоже по девчонкам ни-ни. А им-то награда так награда: «Будете сидеть у престола Моего и судить колена детей Израилевых». Ну и наградка меня ждет... Выслушивать блудниц и блудников во всем многообразии и изощренности их грехопадения. Искушение не для слабонервных.

Что делать? Сидеть в туалете, наивно ожидая, что все образуется само собой? Шансы невелики. Выйти на связь с Даниилом и получить разъяснение по животрепещущим вопросам? И что я Ему скажу? Дорогой Учитель, у меня тут, знаете ли, роман намечается с девушкой моей мечты. Ничего, если мы вдвоем послужим? Или, может, я сложу с себя полномочия? И останется Россия без своего судьи...

Бред, и ответы известны — процитирует Откровение Иоанна Богослова. Там практически слово в слово про меня: «Ты не можешь сносить развратных и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы...»

Здорово! А я ему в ответ: «Старик, но она ведь такая... О таких сказано Вашим папой: „Поэтому оставит человек отца своего и мать свою и приклеится к жене своей и будут два одна плоть“.

Ой, договорюсь... Не успев попасть в рай, получу под зад такое ускорение, что от престола — прямо в чан с кипящим маслом под радостное улюлюканье ранее получавших от меня советы. Ведь вряд ли есть отдельный ад для бывших апостолов.

А может, Эльга — наваждение и послана мне во искушение? Может, происки врага человеческого? Он-то поизощреннее наших олигархов да политиков и знает, чем приманить каждого.

Что делать? Выбегать, как отец Сергий, на двор и рубить себе палец? Так я не якудза хренов и вообще бандюков ненавижу... Неправильно это — членовредительством заниматься, подумают, что пытаюсь закосить от Божественного призыва.

Господи Боже мой, ну почему Ты меня оставляешь в моменты, когда мне нужен Твой совет? К чему мне силы повелевать окружающим, когда не могу совладать с жалким клочком собственной плоти?

Как только увижу Даниила, в первую очередь проясню женский вопрос.

Ладно! Хватит рыдать в сортире! Соберись и возвращайся за столик. Будет знак, как действовать дальше.

Отражение в зеркале наводило уныние. Я улыбнулся ему и по его реакции понял, что можно было обойтись и без этого.

Ручку двери на себя — и обратно за столик.

Мимоходом поймал на себе полный страдания взгляд людей, потерявших надежду справить нужду. Простите, ребята, нужда бывает разная. Мне, к примеру, нужно было разобраться с собой.

Вот и наш столик.

— С тобой все в порядке?

— Да.

Раздался звонок, такой резкий и громкий, что я подпрыгнул.

— Владимир Рудольфович, это Волошин. Я подумал, что вы захотите узнать до официальных сообщений: только что скончался Иоанн Павел.

— Печально. Благодарю вас, Александр Стальевич.

— Да, и по нашим вопросам — ваши пожелания будут выполнены. О выбранном вами времени трансляции сообщите, пожалуйста, мне лично.

Во избежание в дальнейшем громоподобных звонков я по окончании разговора переключил телефон на вибрацию и поднял глаза на мою русалку.

Эльга посмотрела на меня внимательно:

— Мы никуда вместе не едем? Я понял — врать бесполезно.

— Не едем. Но это не имеет отношения к звонку. Просто не могу позволить себе сделать тебе больно.

— Ты уже делаешь мне больно, говоря банальности. И с чего ты решил, что я не хочу, чтобы мне было

больно? Почему ты должен решать за меня?

— Я решаю за себя. Не вдаваясь в подробности, ситуация выглядит так: карьера или любовь.

— Извини, но для меня это звучит по-другому: при каком из выборов ты остаешься собой, а при каком предаешь себя.

— Разговор переходит в серьезное русло. Я не могу объяснить всего... Вру. Начну сначала. Я могу объяснить все, но путем несложных логических умозаключений прихожу к необходимости совершить звонок другу для получения единственно правильного ответа. При этом ставка — не миллион, а вечная жизнь. А в случае неправильного ответа нам вместе, подчеркиваю — вместе, уготована страшная, точнее говоря, адская казнь.

— Вместе?

Да. Но тихой избушки, шапчонки с буквой «М», бесед с Понтием Пилатом не будет. А будут рядом с десяток миллиардов грешников, когда-либо живших на Земле. Понимаю, это звучит полным бредом... К сожалению, не могу списать свое состояние на психическое заболевание, так как душевно здоров до омерзения... Просто я гребаный апостол, призванный на служение, и должен выполнять все маленькие новозаветные штучки, типа оставь мертвым хоронить своих мертвецов, оставь отца своего...

Могу процитировать близко к первоисточнику. Мне не трудно. За последнее время тексты отпечатались в моей голове, как за пару лет до этого собрание сочинений В. И. Ленина, особенно «Материализм и эмпириокритицизм». Только не спрашивай, почему именно эта статья. Ответ тебе не понравится.

— И почему же именно эта статья?

— А потому, что очень похоже на эмпириокретинизм.

— Понятно. А что в первоисточнике на наш счет?

Пожалуйста. У нас любят цитировать избирательно, недоговорил — и смысл другой. Пример. Дедушка Ленин сказал: учиться, учиться и учиться. И давай все прописи строчить, от старания высунув язык на сторону. А цитатка-то полностью звучит по-другому: «Учиться, учиться и учиться военному делу настоящим образом». Так что сопли подобрать и вместо пера — винтовочку в руки. Вот так-то. Та же тема и с Новым Заветом. Заладили — Христос есть любовь. Угу, только к кому любовь? Он же ясно говорит: «...не думайте, что Я пришел принести мир на землю, не мир пришел Я принести, но меч».

Хорошо бы здесь поставить точку и пойти, взявшись за руки, бороться с грехом. Но там есть четкое указание на применение меча: «...ибо пришел Я разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее... и враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели

Меня, не достоин Меня, и кто не берет креста своего и не следует за Мной, тот не достоин Меня».

Вот так. Поэтому если для обычного человека еще куда ни шло — почитай отца своего и мать свою, возлюби ближнего своего, то для апостолов — взял крест на плечи и пошел. Всех оставил, всех сделал несчастными. Мать рыдает, дети в истерике, папа-папа, ты куда, жену побоку — понимаю, Эльга, что мы не женаты, это я в библейском смысле, — и давай творить чудеса направо и налево... Все его любят, а он Христа, вплоть до потери сексуальной ориентации, да и сексуальности вообще.

— Ты монах?

— Хуже! Апостол.

— Не понимаю. Может, ты немножко придумываешь... Если сегодня не тот день, я пойму.

— Я слышал о теории тяжелых мужских дней, но и моем случае все сложнее. У меня критические дни начались в зрелом возрасте и, кажется, продлятся до конца света.

— Но ведь он не скоро.

— А вот здесь ты ошибаешься. И сыр-бор в моей душе именно из-за этого.

— Поцелуй меня.

— Ты издеваешься.

Договорить я не успел. Эльга обняла меня за шею, и я потерялся... Мне бы отбиваться, звать на помощь милицию, а я весь отдался поцелую. Я пил нектар ее губ и наслаждался собственной беспомощностью.

— Куда поедем?

— А какие предложения?

— Сашка, дай ключ от квартиры, сегодня ты ночуешь на даче. И, кстати, прекрати сутулиться. Спина-то поди болит?

Сашка, наблюдавший за всем происходящим не без удивления, протянул мне ключи и сказал:

— Болит, а что делать?

— Уже все сделано, теперь не болит.

Сашка распрямился. На его лице застыло удивление.

— Ой, не болит! Здорово! Не забудьте позвать на свадьбу, малахольные!

Глава тридцатая

Окончания фразы мы не услышали. Страсть перемещала нас в пространстве с околозвуковыми скоростями.

Холодный воздух, заснеженная брусчатка Красной площади.

О том, как добраться до Сашкиной квартиры, я не думал. Был уверен, что нас ждет такси, и не сомневался ни на минуту, что водителем окажется Енох.

Мы подошли к первой из стоявших на Ильинке машин. Я открыл заднюю дверцу, помогая Эльге устроиться, а сам сел рядом с водителем.

— Как добрался, Енох? У нас в Москве ездят и на переднем сиденье, так что сегодня увидишь мой профиль.

— Наглый ты, антихристово воинство, наглый, но симпатичный... Добрался без приключений. Их еще знаешь сколько будет, у-у-у-у, скучать не придется... Что за милая девочка?

Мы говорили на арамейском. Эльга, наверное, решила, что попала в плен к ближневосточным террористам, но держалась молодцом, вопросов не задавала и, положив руки мне на плечи, изредка проводила ладошкой по волосам. Приятно.

— Ну, скажем так, привычными образами, Рахиль, Сарра.

— Ой, мальчик, кажется, вырос. А как быть с нашими христианскими безъяйцевыми закидонами?

— Для патриарха ты очень груб.

— Извини, профессия таксиста накладывает отпечаток. Но не уходи от ответа....

— Ответа нет, не приставай. Сказано же: «Плодитесь и размножайтесь». Считай, что я выполняю прямое указание вышестоящего начальства.

— Ну-ну, ты на мое начальство не намекай! Тебе со своим потом объясняться. Хотя, если вы перессоритесь, мне легче будет.

— Легкой жизни я тебе не обещаю, а себе не желаю. И спокойной ночи, потому что мы приехали. У этого дома приостанови...

Я только сейчас обратил внимание, что Сашкина квартира была именно в Чистом переулке. От такого названия на душе полегчало.

Выскочил из машины, открыл Эльге дверь и помог выйти. Знал, что Енох просто так не успокоится, и поэтому не спешил войти в подъезд.

Вежливое покашливание за спиной.

— Деньги гони.

— Двадцатки хватит?

— Шуткуешь? Давай сотню, как-никак праздник! Свадьба у тебя, пусть и кошачья.

— Будешь хамить, уедешь без денег.

— Как ты разговариваешь со старшими! Ладно, так и быть, полтинник, только из своих, а не из приблудных.

— Быстро же ты перенял московские нравы!

Подъезд, лифт, возня с ключами, дверь.

Все, что произошло потом, я помню каждой клеточкой тела. Наверное, таким и представляют себе счастье. Единство плоти и духа... Остановившееся время... Слияние умственного и физического труда... Смычка города с деревней... Взаимопроникновение стихий...

Я изучал Эльгу с прилежностью Паганеля, я восхищался ею, как коллекционер самым дорогим экземпляром коллекции. Песнь Песней Соломона звучала в любом из соприкосновений. В этой ночи не было анатомии, была антология телесной поэзии.

Предупреждаю, подробностей не ждите. Ни статей «Апостолы делают ЭТО», ни телевизионных интервью «Ради меня он отказался от райской жизни», ни книг «Камасутра по-апостольски», ни пособий по Божественному сексу, ни судебных исков по взысканию алиментов в размере тринадцати процентов от апостольских доходов. Также должен признаться, что не прибегал к физическим трансформациям. Не потому, что и так всего много, отнюдь, хотелось бы и побольше, просто не додумался в процессе, а позже — оказалось ни к чему... И после о искупление грехов я не стоял до утра на коленях на горохе с унитазом на вытянутых руках.

Не помню, когда и как, но я заснул и спал прекрасно. А проснувшись, продолжил с того же момента, на котором прервался.

И было нам хорошо. Очень. И вам того же желаю. Но с другими участниками.

Я не хотел идти готовить завтрак, наверняка в холодильнике что-нибудь да имелось, — было жалко оставлять Эльгу. И я продолжил валяться в

кровати.

Скорее по привычке из предыдущей жизни, чем по необходимости, дотянулся до телевизионного пульта.

В утренних выпусках говорили о смерти Папы, зачитывали соболезнования от президента и Патриарха, политических и религиозных деятелей.

Уже собирался выключить телевизор, как диктор объявил о необычайной активности у ГУМа. Там с раннего утра выстроилась очередь к месту явления неопознанного гражданина, назвавшегося святым Серафимом Саровским и победившего мановением руки банду чеченских террористов, а также изгнавшего бесов из проходившей мимо женщины.

Диктор говорил, с трудом сдерживая улыбку, но кадры очереди, протянувшейся через Александровский сад и выскочившей к памятнику какающего Достоевского у библиотеки имени Ленина, впечатляли.

Я поспешно переключил канал. Барышня рассказывала о чудесном явлении старца, представившегося Георгием Победоносцем и покаравшего банду милиционеров-«оборотней», а также ударом копья превратившего туалет в «Боско-Кафе» в чудотворный источник, вода из которого уже восстановила зрение трем паломникам из Чернигова.

«Почему из Чернигова?» — подумалось мне. Сразу вспомнил грустные взгляды, которыми меня проводили крепкие ребята командировочного вида, переминавшиеся с ноги на ногу в ожидании своей очереди у туалета.

Очень серьезно дикторша прочитала официальное заявление мэра: на месте работает городская комиссия, если информация подтвердится, власти начнут выпуск воды «Святая мэрская».

Вот что значит громко разговаривать за столиком в публичном месте. Чего только граждане не выдумают...

Подошел к окну и выглянул на улицу. Увиденное не обрадовало: человек пятьдесят хорошо одетых людей, причем некоторые с дамами, сохраняя видимые приличия, пытались выстроиться в подобие очереди. Их дорогие машины паслись неподалеку под присмотром равнодушных водителей, похожих на куличики, вылепленные по одной формочке.

Кажется, утро будет не добрым. Лишенный иллюзий, я взглянул на сотовый телефон, провибрировавший уютное гнездышко в брошенной мною в порыве страсти одежде. Сто восемьдесят неотвеченных звонков. Лучше и не пытаться отзвонить. Если это и есть наказание за мои грехи, намекаю на сегодняшнюю ночь, то оно не пугает.

Я поцеловал Эльгу. Она открыла глаза.

— Что-то случилось?

— Ты мне не говорила, что пользуешься такой популярностью у народа. Смотри, под окнами твои фанаты.

Завернувшись в одеяло, моя Сарра подошла к окну и рассмеялась, увидев очередь.

— Время апостольского приема? Как они узнали, где мы?

— Могу позвонить Сашке и спросить. Вряд ли у Еноха столько друзей в Москве.

Я набрал Сашкин мобильный.

— Але! — По голосу было ясно, что Сашка не очень рад слышать меня.

— Санек, что за дела?

— Ты о чем?

— О толпе страждущих под окнами твоей квартиры.

— Володь, ну понимаешь, такое дело... Я только одному важному человеку вчера сказал, что видел тебя и что ты здорово похудел, ну он и

пристал... А у меня от него много чего зависит...

— А ты не мог вначале позвонить мне?

— Я пытался, но ты не подходил к телефону. Я даже думать не хочу о том, чем вы с Эльгой занимались...

— Не волнуйся, квартиру не разнесли. Но внизу твой приятель не один, их целая банда.

— Ой, этого я не знаю... Наверное, он растрепал... Кроме него я только приятелю брякнул, что ты теперь Никола-чудотворец. Я же теперь как указку проглотил, гвардеец, впервые за двадцать лет прямой, высокий и спина не болит! А все с одной фразы...

— Понятно, что меня ждет, — апостол Соловьев начинает прием страждущих.

— Володь, ты их в квартиру не пускай, а то заорут...

— Могут! Будет тебе урок!

— Не серчай!

Эльга поставила чай и успела отыскать в Сашкином холодильнике подобие еды.

— Яичницу будешь?

— Нет, обойдусь по-ленински, кипяточком... Впрочем, в последнее время в лучших домах Москвы принято полоскать в горячей воде пакетики туалетной бумаги и считать такой напиток чаем...

— Не дождешься, я заварила свежий рассыпной.

Молодец! Итак, на повестке дня вопрос, что будем делать со страждущими, где и как вести прием. О деньгах не говорю. У нас, у святых, принято все делать бесплатно и принимать благодарность подножным кормом.

Звонок в дверь.

Я не без достоинства, думая, какие слова сказать первому посетителю, ведь они останутся в легенде, подошел к кучке одежды, выудил брюки и рубашку.

Посетитель вел себя терпеливо и больше не трезвонил.

Придав себе подобающий вид, все еще думая над историческими словами, я открыл дверь. И увидел невысокого человечка в теплой куртке и кепке с логотипом «Майкрософта». Шмыгнув носом, он протянул желтый пакет.

— Владимир Рудольфович, извините за беспокойство, вам просили срочно передать из центрального офиса. Простите за вторжение, но вы к телефону не подходили.

— А как вы узнали, где я? — В голове зазвучал довольный смешок братца Билла.

— Адрес был на имейле от Билла Гейтса.

— Спасибо. Я вам что-нибудь должен?

— Ой, что вы, нет, конечно! Если можно, автограф. Я вас каждое утро по радио слушал, а теперь вас почему-то нет. Вы в отпуске?

— Скорее в командировке. На чем писать? Парень достал ручку и блокнот — конечно, все причиндалы были в летающих окнах.

— Как тебя зовут?

— Автандил.

— Грузин?

— Грек, из Абхазии, давно в Москве, лет двадцать... Не помню, когда дома был. Да и где теперь дом? Во время войны растащили...

Мне захотелось сделать для парня что-нибудь хорошее, просто так — в его словах сквозило настоящее чувство.

— У тебя есть заветное желание?

— У меня есть боль. У дочки с рождения полиомиелит. Но здесь только чудо поможет...

Я закрыл глаза и представил, себе их маленькую съемную квартиру, статную, повыше ростом, чем Автандил, грузинку и маленькую девочку, скрюченную недугом. Я поднял руки вверх, хотя этого и не требовалось, достаточно подумать о ней и захотеть помочь.

Девочка улыбнулась и от непривычности мышечных ощущений неловко опустилась на пол. Мать не спеша повернулась к ней и увидела происшедшие изменения. Суставы не выпирали неестественными гранями, девочка сама встала на ноги и неуверенно, но вполне нормально пошла. Мать радостно вскрикнула и бросилась к ней, обняла, поцеловала и стала ощупывать, не веря глазам.

— Автандил, у вас все будет хорошо.

Я взял ручку и именно эту фразу написал в блокноте. Подписался.

Автандил поблагодарил и собрался уже уходить, когда зазвенел его мобильный. Он взял трубку и некоторое время слушал. Потом молча упал на колени и, схватив мою руку, поцеловал.

Я положил руку на голову Автандила и повторил:

— Все будет хорошо, береги их.

Когда Автандил ушел, я вернулся на кухню, где меня ждала Эльга.

— Кто это был?

— Посыльный. — Я положил пакет на стол.

— Не открывай, если можешь. Хотя нет, что будет, то и будет. Это твоя

судьба, и ты должен следовать ей. А я стану тебя ждать и думать о нас.

Чего лукавить, я мог и не открывать пакет. Не было сомнения, что я подзадержался. В последнее время больше двух ночей на одном месте проводить не удавалось.

Не умею вскрывать здоровые заклеенные хранилища бумажных листков. Не получается поддевать ногтем соответствующую полоску или особо хитрым образом вжикать чем-нибудь твердым по краю конверта, предварительно плотно прижав его к плоской поверхности...

Признаюсь — и в супермаркетах не могу разобраться с пластиковыми пакетиками. Весь магазин стекается смотреть шоу одинокого идиота, дующего, мнущего, теребящего пластиковые ловушки со всех сторон. Должно быть, не хватает гена, отвечающего за подобные действия. И среди пластиковых пакетиков я известен как Вовка Потрошитель. Если бы Эльга увидела меня за такими упражнениями до нашей ночи, боюсь, у меня не осталось бы шансов с ней познакомиться.

Да и шнурки я завязываю... Но этой тайной я поделюсь не сейчас...

Итак. Намучавшись с конвертом, я невероятным образом заставил-таки его разжать уголок губ. Моментально погрузил палец в образовавшуюся щель и не без злорадства разухабисто завершил дело.

Внутри оказалась распечатка имейла от Билла.

«Дорогой Владимир, рад, что ты прекрасно проводишь время. У нас назначена аудиенция у Теда Тернера в его лондонском офисе в три утра, постарайся не опаздывать. Если вдруг захочешь воспользоваться корпоративным самолетом, он будет ждать тебя с 13.00 по Москве в „Шереметьево“. Контактный телефон ответственного за перелет 7772352, Вагиз. И подходи к своему телефону.

С братской любовью,

Билл».

Делать нечего. Я включил звонок.

Эльга была права, ей предстоит ждать. Только ждать чего? Ответа нет. Некоторые ждали, ждали, следом ходили... И в награду получили возможность снять с креста, омыть и оплакать. Правда, им же досталась честь и обнаружить пустую пещеру. Но у апостолов вознесение в списке подвигов не обозначено. Так что моим поклонницам на пустую пещерку рассчитывать не приходится. Это, конечно, в случае неудачного сценария, скажем так, экстраполяции по прецеденту. А если верить Даниилу, то все будет в полном порядке. Только детали этого порядка мне неведомы.

— Эльга, мне надо лететь в Лондон.

— Сейчас?

— Да, встреча сегодня вечером, точнее, ночью.

— Когда вернешься?

— Не знаю. Совсем. Но к телефону подходить буду.

— Прости, с языка сорвалось. Дурацкий вопрос. Конечно не знаешь. Я буду ждать звонка, запиши мой номер — 2349867.

Пора. Дорога долгая, утро длинное, и сборы надо начинать с душа.

Побрился, расфуфырился, приоделся. Красавец. Надежда России готова к выполнению исторической миссии. Точнее, готов, но уж тогда не надежда, а надежд.

Не умею прощаться. Никогда не умел. Хочется сказать что-то очень важное, чтобы оставить о себе память на века. Но если не сумел до этого, то почему решил, что справишься напоследок? Чушь, наследие дурных романов и старых советских фильмов.

— Присядем на дорожку.

— Давай.

Закрыли глаза. Помолчали.

— С ключами разберешься?

— Разберусь.

Дверь, лифт, прихожая, улица.

Глава тридцать первая

Попал...

Очередь страждущих, образовавшаяся после Сашкиных вербальных ляпов, никуда не делась. Она прибывала и грозила осложнениями в перемещении транспортных средств, следующих по Чистому переулку в обоих направлениях. Вот молодец, хорошо сказал, могу устраиваться в пресс-службу ГАИ.

Увидев меня, граждане прекратили воркование и насторожились. Я остановился, многие лица показались знакомыми. Чему удивляться, московская публика тусуется в одних местах.

— Ну-с, — практически как доктор Чехов начал я, — чем могу помочь?

Первый стоявший в очереди, толстяк, откашлялся и виновато посмотрел на меня:

— Может быть, мы где-нибудь побеседуем? Я ответил и ему, и всем:

— У меня кабинета нет, я ведь частной практикой не занимаюсь. Давайте поднимемся вверх по Пречистенке. В скверике у ресторана я присяду на лавочку, а вы будете по очереди подсаживаться. Должен сразу извиниться — времени немного.

Во главе небольшой демонстрации я устремился вверх, чувствуя себя Данко. Но в вытянутой руке у меня было не собственное сердце, а зажатый мобильник, который, воспользовавшись случаем, принялся надрывно звенеть.

— Да.

— Владимир, здравствуйте, это Коля Пивненко. У нас через минуту прямое включение, расскажите о пашем визите к президенту, а то сегодня это во всех газетах. Наша звезда, и на родном радио об этом не сказать было бы неправильно. Так что давайте хоть по телефону.

— Готов.

— Вы в эфире.

— Здравствуйте, дорогие радиослушатели. Вчера состоялась моя встреча с президентом Российской Федерации, в ходе которой мы доверительно говорили на многие темы, касающиеся внутренней политики и планов развития страны. Встреча инициирована президентом и продолжалась около двух часов. Специально для «Серебряного дождя» Владимир Соловьев.

Я решил, что не надо цитировать президента, особенно в той части, где речь шла о спасении России. Не всем может понравиться упование на чудо как вектор государственной политики.

Пришли. Скверик, расчищенные дорожки, пара скамеечек, изумленные лица охранников ближайшего ресторана. Нечасто им приходится наблюдать толпу, в параллель с которой движется эскорт машин с флажками на номерах. Поинтересоваться, что происходит, ни у кого из них желания не оказалось.

Толстяк протянул газету. Поблагодарив, я уселся на нее и приготовился слушать.

— Излагайте.

— Мне надо похудеть.

— Зачем?

— Ну это очень личное. Я полюбил одну женщину, она ждет от меня ребенка. Я с таким весом не жилец, а мне вдруг страшно захотелось увидеть, как ребенок будет расти! Надеюсь, вы меня понимаете?

— Понимаю. А почему именно я? Есть диеты, лекарства, клиники...

— Я перепробовал все. Могу сам написать книгу. Ничего не помогает.

Я задумался и затих. Мне было жалко толстяка, но в то же время я четко осознал, что помочь всем вокруг не смогу. Единой мыслью не обойдешься. Не хватает какого-то непреложного условия. Давайте посчитаем...

Думать необходимо в высшей степени конкретно. Попытаться увидеть или почувствовать человека, которому хочешь помочь, проникнуться им — это требует времени. Ну, скажем, минуту на человека. С учетом входа-выхода, скажем, две. Умножаем пять миллиардов на две минуты, получаем десять миллиардов минут. Ну, не будем выходить за рамки собственной юрисдикции и займемся только Россией. Сто пятьдесят миллионов — да на две минуты... Триста миллионов минут, или пять миллионов часов, или двести восемь тысяч триста тридцать три и тридцать три сотых дня, или почти пятьсот семьдесят один год. И ведь при этом россияне будут размножаться. Конечно, естественная убыль населения...

Хорошо... Допустим, помощь каждому займет две минуты. А сколько времени продлится судебное разбирательство прегрешений? Может, время остановится?.. Или что-нибудь еще, столь же трогательно ненаучное... Но даже если предположить, что я смогу нереально ускориться, если начну мыслить со сверхсветовыми скоростями — забудем ограничения Эйнштейна, — то гражданам предстоит выстраиваться в очередь еще лет пятьсот... Поневоле задумаешься о справедливости соображений кремлевских деятелей относительно длительности процедуры Страшного суда.

Повезло найти работенку на пару тысячелетий! Оно и неплохо. Сколько же прекрасных ночей с Эльгой!..

— Владимир, если надо заплатить, вы скажите! Мое молчание было воспринято толстяком по-своему. Я не обиделся, а огорчился.

Посмотрел толстяку прямо в глаза и спросил:

— Вы в Бога верите?

— Да, наверное, хотя в церковь хожу нечасто. Вернее, редко.

— Я вас не для галочки спрашиваю. Загляните в себя, вы в Бога верите? Если да, то я вам смогу помочь, а если нет, вы не по адресу.

Толстяк задумался, тяжело вздохнул и ответил:

— Не знаю... Врать не могу... Но я очень люблю ее и ребенка, которого она скоро родит, и очень хочу поверить...

— Похудеете. Все будет хорошо. Идите к ним. Толстяк побрел в сторону водителя, было видно,

что он сконфужен. Продолжая идти, он принялся поддергивать спускавшиеся брюки. Потом почувствовал, как обвисла одежда. Под дубленкой образовалось слишком много пространства.

К машине он подошел совсем другим человеком, щеки уплотнились, второй подбородок исчез, появились скулы и даже намек на шею.

Он повернулся в мою сторону и крикнул:

— Спасибо!

Продолжать в таком темпе невозможно: скорость сотворения чудес ни за что не превзойдет скорости роста толпы страждущих. А я превращусь в действующий мемориал себе — «Владимир, творящий чудеса».

Пройдохи начнут торговать местами в очереди, а проживающие рядом москвичи завалят мэрию требованиями освободить скверик от сектантов. А мне еще и в Лондоне не мешало бы оказаться. Куда позвонить?

Я набрал телефон, указанный Биллом в имейле, и попросил приятного юношу на том конце провода (впрочем, провода-то нет, у обоих сотовые) прислать за мной машину и подготовить самолет. Он пообещал, что меня подберут минут через двадцать.

— Где именно на Пречистенке вы находитесь?

— В скверике, не доезжая Чистого переулка. Там увидите толпу страждущих, все будут смотреть в одном направлении. Посмотрите туда же и увидите меня.

Ну а теперь, товарищ апостол, извольте творить чудеса во имя Его. Тот факт, что после ночи, проведенной с Эльгой, я не потерял дарованных способностей, грел душу. Может, все и не так плохо.

Я посмотрел на перстень, и он отозвался мерцающим светом, проступила сияющая надпись «Приидет царствие Мое». Подумал о Данииле, и сердце наполнилось миром. Почувствовал, что мне Его не хватает. Я по Нему соскучился, как скучают по очень близкому и любимому родственнику. Я не ощущал себя нашкодившим ребенком. Наоборот, хотелось поделиться с Даниилом радостью от встречи с Эльгой.

Он поймет. Я вспомнил ощущение абсолютной любви, которое заполнило меня при первой встрече в Детройте, и успокоился.

Я обратился к Нему, к Альфе и Омеге, и Он был и есть здесь и сейчас со мной и для меня.

Толпа притихла и ожидала своей участи. Удивительно, как среди себе подобных добропорядочные граждане превращаются в частицы целого,

отличного I по свойствам от каждого из них. Дыхание толпы ближе к звериному. Невозможно предсказать изменение ее настроения. Не милые добрые обыватели кричали «РАСПНИ ЕГО!», и не они же пели ЕМУ ОСАННУ при въезде в Иерусалим... Всё толпа, причем та же толпа. Я почувствовал, как пульсирует ее настроение, не ведая, где ее прорвет в крик. Подняв руки, повернулся к ней лицом и сказал киношным низким голосом с гулом басов, заставляющим танцевать канализационные люки. Голосом, которого ждут от фильмов про чертовщину и который привлекает внимание и парализует волю. (Дети, не пробуйте повторить самостоятельно дома. А впрочем, попробуйте, все равно не получится, а сорванные связки— прекрасное оправдание внеочередных каникул.)

Я обратился к страждущим:

— Расступитесь! Образуйте коридор! Повернитесь лицом ко мне, чтобы я мог видеть каждого! Поднимите руки вверх! Раскройте ладони и направьте их на меня! Подумайте о вашей просьбе! Но учтите, что зло, замышляемое вами, обратится на вас! Думайте о том, чего желаете!

Несколько граждан отошли в сторонку.

Для красоты сцены не хватало природных катаклизмов. Оползни, землетрясения, извержения вулканов пришлись бы в самый раз, но скромность не позволяла использовать столь яркие краски. Ладно, ограничимся порывами ветра и круговертью свинцовых туч.

Над Пречистенкой вопреки зиме раскинулся грозовой фронт и устроил игру в салочки между небесными дельфинами, чьи черные спины изгибались причудливыми мазками Эль Греко, загораясь всполохами зарниц при смене водящего.

Граждане, оторопев, вытянулись в две шеренги, подняли руки вверх и неотрывно смотрели на меня.

Я закрыл глаза и обратился к просящим в нижнем регистре органа Домского собора:

— Имеющий уши да услышит! Идет царствие Его! Только в вере обрящете спасение! Думайте о Нем и Его просите помочь вам! Просите истово, с чистым сердцем, как дети! Откройтесь Ему!

Мои ладони стали покалывать иголочки, и я услышал просьбы людей. Услышал — это не точно. Я увидел их мольбы в разных цветах и с разной четкостью. Они напоминали стрелы разноцветного стекла, каждая в своем цвете и чистоте. Искренние светились прозрачностью и вызывали в душе сострадание. Я чувствовал, с каким трудом дается многим душевное усилие, но в результате стрелы из их просьб очищались от мутных вкраплений и начинали звенеть чистотой, так что не заметить их и оставить без внимания не представлялось возможным.

Не скажу, что смог разобрать каждую просьбу, да от меня этого и не требовалось... Вдруг ощутил, как поток хрустальных разноцветных стрел отразился от моих раскрытых ладоней и устремился вверх, разорван круговерть свинцовых дельфинов. Показался лоскуток ярко-голубого неба. Он разрастался с неимоверной скоростью. Через мгновение ничто не напоминало о локальном природном катаклизме.

Я опустил руки. Притихшая толпа смотрела на меня с испугом.

— Ступайте с Богом.

Завороженные, не спеша, они стали расходиться, лишенные сил, но ощущающие причастность к чуду, к чему-то, что абсолютно не вписывается в традиционные и понятные схемы.

— Простите, Владимир, пора бы ехать, а то опоздаем в Лондон.

Я обернулся и увидел парня, явно водителя, в куртке с летящими окнами на груди.

— Легко нашли?

— Да уж, было сложно заблудиться. Еще и маяк на подъезде к цели...

Здорово у вас получилось, прямо Копперфилд!

— Нет, дружочек, Копперфилд отдыхает. Поехали, Лондон подождет, а вот Тед с Биллом обидятся.

Глава тридцать вторая

Положение обязывает, апостол — так и слова пророческие.

Тед действительно обиделся. Мы опоздали всего минут на двадцать, и то из-за пробок в Лондоне и невыносимо долгой процедуры оформления гостей в офисе Си-эн-эн, где нам назначили встречу.

— Почти вовремя.

Хозяин офиса не встал из-за стола и не вышел навстречу. Он как сидел, так и продолжал сидеть в мягком кресле с высокой спинкой, демонстративно задрав на стол ноги в дорогих ковбойских сапогах. Как в телепостановке таллинской студии советских времен о жизни в капиталистическом аду. Не хватало стетсона и пары кольтов.

Моветон. Тед знал, что мы задерживаемся, — позвонили из аэропорта и предупредили.

А все, что происходило в офисе Си-эн-эн... Тоже спектакль — сверка фотографий с оригиналом и долгое изучение удостоверений личности, бесконечное путешествие по закоулкам и лесенкам, наконец допуск в святая святых — кабинет отца-основателя, и то через боковую дверь, минуя секретарей.

— Тед, брось свои штучки! — завелся Билл. — Мы летели с разных концов света, чтобы встретить та кой прием? Извини, лучше сразу уйдем и не будем тратить твое драгоценное время. Пошли, Владимир! Хорошо, что ты назначил встречу в Лондоне: зайдем к ребятам на Би-би-си и в «Скай Ньюс»... Это же «Скай» в прошлом году надрал тебе

задницу, обогнав как новостной канал твой дряхлеющий либерально милитаристский отстойник?

Не пой мне песен, что ты уже ничего не решаешь и канал живет своей жизнью... Во-первых, это не жизнь, а во-вторых, ты все еще кое-что можешь. Например, устроить дегенеративный прием, считая, что поставишь нас в положение виноватых и сможешь диктовать условия.

Очнись, ковбой, — это тебе не Дикси и на календаре уже давно другое столетие! И ноги со стола убери! В России да и у нас это считается невежливым.

— Билл, что с тобой, успокойся! Может, я и погорячился! Но ты не прав! Посмотри на цифры! Все в порядке! И что ты сразу угрожаешь, разве так можно вести дела? Мы ведь оба патриоты-американцы...

Теперь Тед сидел по-человечески и выглядел весьма настороженным.

— Тед!

— Ну хорошо, скажем так, мы на пути к оздоровлению. Ты ведь знаешь, наше кредо — эксклюзивный материал, первые с места события. Будет еще один конфликт, и мы опять поднимемся. А нынешние политики не умеют поднимать рейтинги мирными способами.

— Нет, дорогой друг, не подниметесь. Конфликт если и будет, то в арабском мире, а с «Аль-Джазирой» вам не тягаться. Они не коллекционируют политкорректных либеральных уродов со всего мира в роли ведущих и не считают фаном делать ставки на то, когда Ларри Кинг опять забудет, кто у него в гостях.

— Ну вот, опять руки выкручиваешь... И чего ты к старику привязался? Зачем ему помнить, все напишут на телесуфлере...

— Успокоил!

— Стоп! В общих чертах твое отношение к нам понятно. Так зачем вы здесь?

Настроение Теда вновь поменялось. Прищуренный глаз зажегся злобным огоньком, и на дубленом лице шкипера знаменитые седые усики вытянулись в линию.

— Сначала извинись за прием, потом скажи секретарю, чтобы сварили кофе, и угости нас с приятелем настоящей гаваной. За это я в третий раз за последние дни повторю, что мы дадим тебе эксклюзив на такой материал, что до конца света его никто и никогда не переплюнет. К тому же материал с потенциальным развитием в сериал, от которого не сможет оторваться весь мир. Но если ты не готов и теперь сказать «да», то мы, пожалуй, пойдем по заранее объявленным адресам, где нам не будут демонстрировать подметки игуановых сапог и давить на патриотические чувства.

Что-то Билл разошелся, как-то он совсем Теда зачморил. Не передавить бы. Хотя, видно, там своя история отношений и борьба с личными тараканами. И что ему Ларри Кинг? Наверное, в интервью прижал? И правильно сделал. Разве можно такого сноба, да еще и самого богатого в мире, — и не укусить?

— Хм, сноба, дорогой брат, но не жеребца, — мыс ленно ответил мне Билл и хитро подмигнул.

Забыл, что мы оба умеем читать мысли. А насчет жеребца, Билл... Не завидуй чужому счастью. У тебя и со своим все в порядке.

Как там сейчас Эльга?..

Тед нажал кнопку на столе, и в кабинет, напоминающий размерами футбольное поле, вошла секретарша, неотличимая от Джейн Фонды в молодые годы.

— Хелен, два кофе. — Тед посмотрел на меня.

— Владимир, — сказал я. — Пока вы миловались, у меня не было возможности представиться. Я буду капуччино на декафе. Диета.

Билл расхохотался, наблюдая ошалелое выражение на лице Теда.

— А мне эспрессо.

Тед встал и, не спуская с нас глаз, дошел до хью-мидора размером с книжный шкаф. Достал коробку сигар и вернулся на место.

— Дожил! Молодые нахалы в моем кабинете раскручивают на сигары, подаренные мне Фиделем в 1960 году. О времена, о нравы!

Мы с Биллом совершили священнодействие с сигарами, отрубив гильотиной торпедный кончик, размяли табачные листья, ощущая их упругость, и, разогрев на огне длинной спички безупречную табачную плоть, воскурили древним индийским богам фимиам, облагороженный усердием испанских монахов, подаривших миру традицию сигарокурения.

— Хороши!

— Ну-с к делу, молодые вымогатели.

— Господин Тернер, вы в Бога верите? — начал я. — Перед тем как вы дадите политически корректный либеральный ответ, я хотел бы заметить, что он не играет никакой роли. Спрашиваю исключительно с целью оценки времени, которое нам надо потратить на объяснение наших позиций.

— В воскресную школу ходил и библейскую чушь читал. Если хотите раскрутить какого-нибудь очередного проповедника, вы точно ошиблись дверью и вам нужны мои конкуренты.

Понятно. То есть в общих чертах вы знакомы с проблематикой. К делу. Вы не верите, а мы с господином Гейтсом на другой стороне баррикад. Предположим, мы в прямом эфире проводим некое действо, одинаково важное как для таких, как вы, так и для таких, как мы. Причем мы сперва разогреваем, ставим задачу, проводим подготовительные мероприятия, ну а после в прямом эфире подводим итог, раз и навсегда дающий точный ответ на поставленный вопрос.

— Интересно, хотя и не вполне понятно. Зрителю нужны манки, тело

Христово, Туринская плащаница... Все то, о чем мы с Биллом говорили.

— Вот это я вам обещаю.

— Вы, русские, начитаетесь Толстого с Достоевским и ни слова в простоте сказать не можете! Излагай! Что там за кролик в цилиндре?..

Глава тридцать третья

Я начал историю с Детройта и изложил до последнего момента, стыдливо не упоминая личных деталей, но подробно останавливаясь на чудесах. По мере рассказа я ощущал, как менялось настроение Теда— от скептически-раздраженного до крайне заинтересованного.

В голове Теда вертелись обрывки мыслей, от откровенно подростковых — как-то: «Знают ли они о нас с Хелен?» — до таких же подростковых: «А я его сейчас проверю...»

Мне не хотелось прерываться на детские фокусы, по это имело смысл для пущей убедительности.

— Дорогой господин Тернер, отвечу по порядку. Я знаю, что у вас служебный роман. Мне не составит труда угадать, какое число вы задумали. Отныне вам виагра не понадобится, У вас в кошельке двести сорок шесть фунтов и четыре кредитные карты. Ну и, конечно, приз за глупость получает идиотический вопрос о моей интимной связи с Биллом, который я отношу на счет ваших подсознательных комплексов...

Билл ухмыльнулся и добавил:

— Все же одна мысль правильная — рейтинг будет сумасшедшим и стоимость рекламной минуты побьет мыслимые рекорды. И ты снова попадешь в историю.

Тед засмущался. Но ненадолго.

— Предположим, такие мелочи умели проделывать и до вас. Но отрицать не буду, деньгами пахнет. Так что давайте начистоту. Сколько вы хотите за историю? Учтите, мне нужен эксклюзив: проверка ДНК этого парня и образцов с плащаницы — только у меня в прямом эфире с авторитетным заключением нобелевских лауреатов в этой области, драка попов — у меня, появление вашего парня — у меня в шоу Ларри Кинга, и освещение событий — тоже мой эксклюзив. Много денег даже не просите. Как у вас сказано — Богу Богово, а Теду Тедово.

И он радостно засмеялся собственной шутке, на мой взгляд примитивной. Билл проговорил:

— Денег попрошу ровно десятину. Ты сам сказал — Богу Богово.

— Стоп, Билл. Вот этого я понять не могу. Мы же говорили и в Атланте... Ладно если бы это сказал русский, они все немного не в себе, но ты-то серьезный предприниматель. Какую десятину, чего десятину — прибыли, рекламных поступлений? Что за детский лепет? Может, русский тебя шантажирует? Или ты попал в секту? Или Сиэтл стал слишком близок к Калифорнии, там у каждого второго охламона своя религия...

Очнись! Хочешь, вызову охрану и психиатра? Может, ты вовсе не Гейтс, а его имперсонификатор?! А, понял! Это какой-то дурацкий розыгрыш, нас покажут в «Самых смешных людях Америки»!

— Прекрати истерику! Ты прекрасно знаешь, что на нас нет камер. Твоя охрана изучала даже подошвы ботинок. В одном ты прав, я не тот, каким ты меня знал. Чего ты с нами торгуешься?

Понимаю, поверить в услышанное тяжело. Но раскинь ковбоистыми мозгами, как я могу зарабатывать деньги на Благой Вести о Его приходе? Апостол Павел, торгующий щепками от креста распятия, Мария, предлагающая по разумной цене плащаницу... Согласись, даже для такого циника, как ты, это было бы слишком...

— Так вот в чем дело! Вы — апостолы! Ну конечно, ты всегда был немного не в себе... Сначала книги с претензией на пророчества — легкая форма мании величия... Теперь диагноз тот же, зато стадия сложнее.

Дружище, большие деньги всегда ищут оправдание в мессианской идее. Иначе очень сложно жить — с осознанием, что много миллионов маленьких человечков оказались отделены от собственных денег в результате не очень праведных действий. Можем сколь угодно долго объяснять, что взамен они получили гениальный продукт, открывающий окно (прости за каламбур) в новую эру, или что это плата за свободу и спасение национальной экономики, как это придумали русские мальчики...

Мы-то знаем — это чушь. Цена совсем другая. И ту же свободу, как и твое прогрессивное будущее, можно было получить за совсем другие деньги. Но благодаря продажности и глупости ключевых игроков вечные схемы работают. Дай им немного — и ты единственный поставщик программного продукта.

А почему, собственно, все компьютеры должны поставляться только с твоей операционной системой? Это примерно как заставить все автомобильные компании ставить двигатели только от одного производителя. Нет, это неточное сравнение... Лучше по-другому. Пусть все заправляются исключительно бензином «Шелл» и пользуются исключительно его маслами...

Здорово, заметь, не сформулировать правила и позволить в их рамках свободно конкурировать производителям, а взять — и задавить их всех на корню. Билл, ты придумал схему, по которой пошли русские парни. Только они усовершенствовали ее, придумали еще смешнее — подмазать чиновника или взять его в долю, если он не понимает намеков, то застрелить... И заграбастать российские недра. Дальше — и новый рынок, и полное отсутствие конкуренции.

Да, Билл... Вот если бы ты купил «Челси», то русские точно поверили бы, что Бог — ты. А так им кажется, что это они заставляют весь мир считаться с Россией, что это они спасли человечество от угрозы

коммунизма, построив капитализм на обломках СССР.

Смешно, тоже Спасители! А все почему? Ну не может жить человек спокойно, украв столько денег, чужие слезки заставляют ворочаться. Я по своему опыту знаю. Вот и проходим через разные стадии душевных болезней, то кидаемся в благотворительность, то в религию... Ты пошел дальше всех, тебя так завернуло, что впору созывать консилиум!

— Тед, браво! Ты прав. Я благодарен за бесплатный сеанс психоанализа. Теперь, возвращаясь к делу, — означает ли страстная проповедь отказ от нашего предложения?

Обличительный монолог не вывел Билла из себя. Он не переставал по-доброму улыбаться и даже сопереживать в особо напряженные моменты. От него исходила искренняя доброжелательность. Это произвело на Теда отрезвляющее действие. За время беседы он многократно менял положение в кресле — то вальяжно раскидывался и задирал ноги на стол, то усаживался на краешек и грозно водружал кулаки на столешницу, то бессильно отваливался назад... Так талантливый актер обживает пространство сцены.

Последняя реплика Билла заставила Теда остановить эксперименты на прочность офисной мебели и застыть в задумчивости. Он прикрыл глаза, сложил руки в замок, поставил их на край стола и уперся в них лбом. Тонкие губы плотно сомкнулись и побелели лезвиями бритвенного станка. Я подумал: уж не сердечный ли приступ?

Тед открыл глаза и попытался изобразить улыбку.

— Парни, а ведь несколько дней назад меня об этом предупреждали...

— О нашем визите?

— Чуть сложнее — о том, что я окажусь перед выбором и что от меня будет зависеть судьба человечества. Я куда-то спешил — не важно... Впрочем, вы о Хелен знаете... Так вот, я решил не брать свою машину: в Лондоне с парковками вечная проблема, да и не хотелось привлекать внимания. Для встречи мы выбрали ресторанчик у черта на куличках. —

Поймав многозначительный взгляд Билла, Тед усмехнулся. — Не строй из себя телевизионного проповедника. Раз говорю у черта на куличках, значит, там ресторан и находится.

Взял такси. Водитель оказался крепким стариком... Я и сам не молоденький... Сначала показалось, что он далеко от меня. Ну, знаешь, как если бы я только поступил в университет, а он уже был там звездой футбольной команды. Он и выглядел, как бывший профессиональный спортсмен, крепкий, одним словом, в форме.

Потом он заговорил! Я почувствовал, что он старше меня на пару тысяч лет. И голос у него такой... Не говорит, а иерихонские трубы гудят — не то чтобы громко, но пробирает... Поворачивается ко мне и говорит, прямо как ты. Мол, верю ли я в Бога и все такое...

Я вначале даже хотел выйти. Не понравилась мне тема. Я еду к Хелен, а этот сейчас начнет читать лекцию о вреде прелюбодеяния. Тут он рассмеялся и сказал, что эта часть моей жизни его не интересует. Ну а дальше — как начал со всеми цитатами про антихриста, да про второе пришествие, и так пальцем все вверх показывает и на меня смотрит.

Я в какой-то момент подумал, что мы точно в кого-нибудь врежемся! На дорогу он не смотрел, руль бросил... А машина как будто сама бежала к ресторанчику.

Скажу честно — старик мне понравился. Он говорил не то чтобы о вас, больше обо мне... Я ведь праведностью похвастаться не могу, и то, что он меня... Ты, Билл, услышал почти пересказ его слов, а про русских — я добавил для твоего друга. Может, он из новомодных... Хотя вроде не похож. А старика я выслушал до конца. Он меня испугал... Но до ресторана довез. Да, вот что еще, денег содрал немеряно, четыре счетчика. И мне это не понравилось.

Я подумал, что же такое — в душу лезет, нажитым попрекает, а сам... Да в тот вечер и с Хелен не задалось... И я подумал — что будет, то будет... Если мир так устроен, что в нем все продажны... Что таксист-пророк, что моя девочка... Я слишком стар верить в чистоту ее чувств...

Признаюсь, тут я подумал об Эльге. На душе расцвели фиалки в цвет ее русалочьих глаз. Я верил, что ее чувство ко мне не было омрачено меркантильными соображениями.

Как она там? Представил Москву и увидел ее в том же кафе, где мы встретились. Эльга сидела с подругами и пила эспрессо. Печальная. Не слушала щебетанья собеседницы, думала обо мне, увидимся ли.... На все воля Божья.

— И чистоту ваших чувств я особо не верю, — продолжал тем временем Тед, — поэтому меня так взбесил, Билл, твой библейский ответ относительно платы за права показа.

Но скажу вот что. Я старый грешник. Пробовал и каяться, и жертвовать. И знаешь, в этом нет никакого удовольствия. Чувствуешь себя стариком, который забыл яйца дома и уже не может трахнуть, поэтому нежно гладит. Лучше останусь парнем с причиндалом по колено и под конец трахну этот мир так, что он еще разок вспомнит мое имя!

Мы покажем твоего засранца, и будь что будет! А Христос он или антихрист, разберутся без меня. Очки я заработаю в любом случае. Заплачу десять процентов от рекламных поступлений во всех передачах, относящихся к этому событию. Программную политику определим с моими умниками.

На раскрутку десять дней, как раз попадем на Пасху. Чем не воскрешение? Интервью с Ларри Кингом и прочие бантики — без вопросов. Подписание контракта в офисе, а потом отметим в ресторане — я угощаю — через четыре часа. Поедем в «Нобу». Модно, и девки красивые.

— Договорились, провожать не надо.

Глава тридцать четвертая

Лондон, Рим, Атланта, Москва, Детройт. Чехарда, да и только. Че-хар-да-чер-тов-ски-тя-же-ла-судь-ба-сов-ко-во-го-про-ро-ка.

Когда я был маленьким, мечтал о путешествиях. Думал, объезжу весь мир. В английской спецшколе мы изучали топик — «Лондон»: London is the Capital of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland is situated on the river Themese. Смешно, столько лет прошло, а помню назубок.

Странно получается — конец света, сиречь Страшный суд, для одной отдельно взятой западной цивилизации. Все, что с нами происходит, оторвано от Африки и Азии. Они узнают о случившемся из газет.

Хотя нет, газетами не обойдешься. Вначале надо будет преподать краткий курс истории христианства с сопутствующими ересями.

Может, напрасно я о них пекусь? Вселенский потоп присутствует в мифологии практически всех народов, но истинная картина открывается лишь знакомым с историей Ноя. Так что проснутся однажды миллиарды китайцев не в своих узеньких постелях, а в очереди на суд, и будет их судьбы рассматривать какой-нибудь китайский апостол. Прости меня, Господи, вот уж не к столу будет сказано — китайский апостол. Ругань какая-то!

Вот, например, Билл. Явно выраженный англосаксонский типаж. Мы пойдем гулять по территории, находящейся под его юрисдикцией. Получается, я у него в гостях...

Мои наивные философствования происходили в лифте, спустившем нас на первый этаж, который англичане упрямо называют ground floor.

В фойе неспокойно: лица охранников встревожены, они по рациям связывались с отдаленными коллегами и явно готовились к экстраординарным мерам.

Их волнение никак нельзя было назвать необоснованным.

Сразу за стеклянными дверями начинался людской океан. В первый

момент я почувствовал себя рыбкой в аквариуме. Наверное, именно такими рыбы видят нас — немой сгусток за стеклом, внимательно рассматривающий каждое их движение.

Я обернулся к Биллу, — может быть, это сборище антиглобалистов, протестующих против засилья «Майкрософта»? Плакатов с перечеркнутыми окошками видно не было, зато на майках у многих читалась надпись— «Сгинь, антихрист», а также «Клуб друзей Еноха».

Да, старый добрый таксист решил не отсиживаться в машинке, а перейти к активным действиям. Вечный конфликт поколений. Старое и новое. Иудаизм и христианство. Новый Завет и Ветхий. Отцы и дети.

Где же сам старый черт, которому мало внушений и чаевых, а захотелось еще активных действий. Вот уж впрямь — седина в бороду! Он что, хиппи, который не смог повзрослеть?

Ветхозаветный красавец возвышался над толпой, судя по всему, забравшись на крышу своего кеба. Машина была припаркована напротив входа в здание Си-эн-эн и использовалась как импровизированная трибуна, с которой и вещал взбесившийся дедушка, перстами указывая то на толпу, то на здание, то на небеса. У таких, как Енох, не пальцы, а персты. Они их не поднимают вверх, а именно вздымают.

Хорош, невольно подумалось мне, прямо на обложку журнала. Представляю, какая получилась бы по-телевизионному вкусная картинка. И действительно, в толпе то здесь, то там мелькали вспышки фотоаппаратов. Пара телевизионных групп развернулись в фойе и снаружи, можно было не сомневаться, что и на этажах работают мои коллеги, берут вид сверху.

Договор еще не подписан, а рейтинги Си-эн-эн уже растут. Наверняка немало зрителей недоумевают: «В самом сердце Лондона... А главное — что происходит?» Я поднял голову на телевизионные экраны, установленные в фойе. Конечно, действо происходило в прямом эфире, о чем свидетельствовала бегущая строка, аж подпрыгивающая от собственной значимости.

Прибыли полицейские наряды, но ни во что не вмешивались — протестующие были не вооружены и выглядели вменяемыми и неагрессивными. Телевизионный комментатор, находящийся метрах в пятидесяти от места события, у временного полицейского заграждения, отделяющего тыл толпы от мирной лондонской жизни, рассказывал коротенькую предысторию вопроса: «Минут десять назад, как по мановению волшебной палочки, появились с разных направлений внешне ничем не примечательные граждане, достали заранее, по всей видимости, приготовленные майки и натянули поверх уличной одежды. После чего атлетически сложенный, хотя, бесспорно, уже и в годах, таксист с благообразным выражением лица и семитскими чертами легко забрался на крышу своей машины и стал — здесь корреспондент опустил глаза к бумажке, которую все это время держал в руке, — призывать антихристово отродье к ответу и скандировать, что сатана не пройдет, — хотя при этом не уточнил, кого именно имеет в виду и куда именно собирается проходить некто, именуемый протестующими сатаной».

Корреспондент неловко улыбнулся и позволил себе ряд предположений. Объявилась новая секта, называющаяся «Друзья Еноха», о чем свидетельствуют надписи на майках. Должно быть, это имя таксиста, скорее всего считающего себя ветхозаветным пророком, вознесенным на небеса при жизни и тем самым обретшим вечное благоденствие. А может быть, это огорченные телезрители, возмущенные засилием насилия (звучит как музыка, попробуйте нараспев, да еще со стаканчиком пина колады в руке, да еще под легкие карибские мотивы, да еще пританцовывая, да бедрами в такт поводя... Готовы? Ну так все вместе: ЗА-СИ-ЛИЕ НА-СИ-ЛИЯ НА ТВ ЧА-ЧА-ЧА). Ну и последнее предположение — это общество интернет-любителей практических розыгрышей, которые становятся популярной формой проведения досуга.

Дорогой коллега, если бы вы знали, как далеки ваши предположения от действительности. Именно нас Енох вызывает на бой кровавый, странный и позорный. Ибо с кем бороться нам, агнцам Божьим, — с заблудшим стадом свиней, охваченных бесовским духом? Да жаль мне их, невинных и не ведающих...

А что, если сейчас наша судьба — погибнуть, приняв неравный бой с тупой толпой, и гибелью своей послужить приближению царствия Его...

Билл, внимательно наблюдавший за происходящим, улыбнулся мне и сказал:

— А знаешь, почему нас только двое?

— Хороший вопрос. Может, мы еще не со всеми познакомились ?

— Думаю, со всеми. Просто мы не апостолы.

— Трогательная и очень несвоевременная мысль, так как нам предстоит прямо сейчас в высшей степени первохристианское деяние. Скорее всего нас порвут на святые мощи, так что сможем осчастливить пару церквей реликвиями.

— Да не порвут! Мы не апостолы. Мы архангелы. И сила наша столь велика, что совладать с толпой не составит ни малейшего труда. Но надо помнить, что все происходит в прямом эфире. Ничего правильней в пиаровском смысле и придумать нельзя! Что-то мне подсказывает, что Даниил поблизости... Это будет Его шоу.

Я почувствовал, как мой перстень завибрировал. Потом я увидел, что он налился светом. Мои плечи расправились, лицо преобразилось в лик, осанка стала царственной. Мы с братом-близнецом направились к застекленной толпе.

Охранники было попытались преградить путь. Мы мановением рук оставили их на прежних позициях и беспрепятственно подошли к дверям.

И двери распахнулись. Но никто не ввалился во внезапно образовавшееся пространство. Мощное силовое поле держало толпу на расстоянии.

Мы шли сквозь человеческий океан. Мы отодвигали людей со своего пути, как поток теплого воздуха испаряет капельки влаги с

полированной поверхности.

Должно быть, со стороны происходившее выглядело красиво. Но у меня не было ни малейшей радости от участия в постановке. Второразрядный ковбойский фильм. Два хороших парня выходят из салуна. На улице банда, подзуживаемая плохим стариком, готова расправиться с ними. Но парни, такие гордые, идут навстречу плохим парням. И те в страхе, на полусогнутых, отступают, предчувствуя неминуемую гибель.

Мешали нестыковочки. Во-первых, банда совсем не злодейская. Люди, конечно, не ангелы, но и злодеями их не назовешь. Мало того, у них симпатичные лица, не несущие отпечатка принадлежности к киношной толпе. С такими лицами, скорее, стоят в очереди на концерт в консерваторию, чем в ожидании публичной казни. Или сказывается английское воспитание, и так выглядят самые злые из возможных лиц... Они же не мерзли в очереди за докторской колбасой в пальто от «Большевички» и в ботиночках «прощай молодость» на ревматической подошве, вот и не отработали мимику до нужных пределов.

Во-вторых, старик довольно милый. Правда, к тому, что он несет с импровизированного броневичка, лучше не прислушиваться.

В-третьих, пусть мы плечи и развернули... Но до Клинта Иствуда нам далековато. Билл больше похож на ботаника, каким и является, чем на классического хорошего парня. Он апостол, возомнивший себя архангелом.

Сеанс ободрительного самовнушения не получался... Уговоры разбивались о реальность.

При нашем появлении толпа выдохнула и отпрянула, ожидая приказа ветхозаветного руководителя, чтобы не растратить себя на невинных.

Енох, увидев нас, замер. Я приветственно помахал рукой и улыбнулся. В критические моменты мне всегда становится весело. Должно быть, от отчаяния.

Енох не ответил, что показалось мне невежливым.

Мы находились метрах в пятнадцати друг от друга, разделенные людскими телами. Я чувствовал, как Енох настраивает себя на самую важную речь в жизни. Наверное, для усиления зрительского эффекта его глаза должны были сейчас вспыхнуть праведным огнем. Наверное, должны были проявиться и прочие вензеля праведничества, включая пену на губах. Но вот только я не дал пустить в ход эти штучки.

— Енох, привет! Как дела? Давно вас не было видно. Это кто с вами, родственники?

— Слуги сатаны... — с завываниями начал старик.

— Понятно... Значит, как возить и брать несусветные чаевые, так вы нам всегда рады. А когда вам захотелось поиграть в пророка, так мы антихристово воинство... Неубедительно. Определитесь, пожалуйста. Перед вашими друзьями неловко...

Я понимал, что делаю. Присутствующие ждали голливудской постановки на библейские темы. Актеры должны были произносить соответствующие тексты, цитировать Священное Писание, подвывая в конце фразы, устремляя взор и длани к небесам...

Мое поведение застало врасплох не только Еноха. Я прочитал в голове Билла: «Сейчас устрою местный катаклизм, тогда поймете, у кого сила».

Мне такой ход мыслей не нравился. Нельзя допускать кровопролития в канун пришествия Даниила. Нельзя объявлять Благую Весть на фоне трагедии.

А вот мысли Еноха прочитать не удавалось, — видно, старик знал, как защищаться.

С самого нашего появления настроение толпы менялось— от демонстрационно-предвкушающего до смятенно-сомневающегося. Все надеялись, что слуги сатаны не выйдут и что, попротестовав вволю, можно будет разойтись по делам с приятным чувством выполненного

долга. Происшедшее не соответствовало ожиданиям. Мы вышли к толпе. И она оказалась не готовой к немедленным действиям. Конечно, меня и Билла красавцами назвать сложно. Но ни рогов, ни копыт, ни красных глаз, ни хвостов у нас не обнаружилось. Да и серой не запахло.

Обычные мужчины. Один из двух очень похож на Билла Гейтса. Что и подметил человек лет тридцати, стоящий в первом ряду. Он достал ручку и протянул Биллу вместе со своей визитной карточкой.

— Вы Билл Гейтс? Можно автограф?

Билл кивнул и подписал визитную карточку.

Это натолкнуло меня на следующий ход.

— Енох, согласитесь, нехорошо получается! Только ленивый не использовал Билла Гейтса для собственной раскрутки... И вы туда же. Он, конечно, не святой... Но с сатаной вы перебираете... Вы не похожи на программиста-неудачника. Вам-то чем окна не угодили?

По толпе прокатился ропот. Представляю, как всполошились сейчас люди у телевизоров. Не удивлюсь, если сейчас за развитием событий наблюдают в прямом эфире в Белом доме, да и в Кремле, пожалуй, тоже отсматривают. Точно уж идут консультации с английской стороной — не дай Бог что случится с самым богатым гражданином США и придется вводить американские войска для защиты интересов свободы и демократии...

Шучу... Но наверняка команды отданы и отряды полицейских уже подтягиваются. Чуть-чуть — и начнется такой спектакль, что рейтинги Теда зашкалят...

Енох осмотрелся по сторонам и заметил движение, идущее от полицейского ограждения. Он резко обернулся к нам. Его голос зазвучал на пределе возможного. Он оказался настолько громок и насыщен, что было мучительно слушать.

— Идет страшный час! Грядет антихрист! Страшно царствие его, реки

крови и поля безверия, пустые чресла и разграбленные гробницы, живые будут за видовать мертвым и звать смерть! Веселитесь, исчадия ада, глумитесь над пророком Бога! А вы, толпой стоящие здесь и раболепно позволяющие высмеивать человека Божьего, столь же скудоумны, как и предки ваши! Опомнитесь, свершите правое дело! И коль нет среди вас Давида, то сам я свершу правый суд и камнями побью ангелов зла!

Енох достал невесть откуда булыжник, замахнулся им, но выпустить не успел.

Раздался голос, усиленный громкоговорителями.

— Говорит инспектор полиции Блейк! Немедленно опустите руки и положите камень! Вы находитесь под прицелом снайперов! Положите камень, сойдите с машины и лягте на землю!

Енох усмехнулся и с силой бросил булыжник в нашем направлении. Прозвучал выстрел. Могучая фигура, распластавшись в воздухе, стала падать вниз. Лицо устремлено вверх, рот продолжал извергать проклятия. Но из груди уже ударил фонтан черной крови, выбитый пулей.

В ужасе люди бросились врассыпную. В моем воображении вставали картины Ходынского поля. Страшное начало царствования, дурное знамение. Как я мог допустить такое?

Камень продолжал лететь, Енох падать, кровь из его груди устремлялась вверх, люди только набирали воздух для крика, их мышцы лишь получали импульс от встревоженных центров управления в их головах для начала панического бега, неминуемо приводящего к смертоносной давке, когда миру явили чудо.

Невыносимо яркое охристое сияние, зародившееся где-то недалеко от места, куда должен был упасть Енох, подобно взрывной волне, прокатилось по толпе, заставляя ее застыть, и вернулось к точке

зарождения, образуя светящийся кокон, внутри которого находился невысокий человек лет тридцати с небольшим. Мы с Биллом ни секунды не сомневались — Даниил.

Кокон уплотнился и растворился в теле Даниила, передав ему свое свечение. Наш Учитель медленно поднял голову и вслед за этим воспарил над землей. Протянул руки в сторону застывшей в воздухе фигуры Еноха, и та поплыла к Нему. За метра два до встречи тело Еноха изменило положение в пространстве, так что сближение происходило лицом к лицу. Даниил протянул левую руку к ране, а правую раскрытой ладонью положил Еноху на лоб.

Свет, исходящий от Учителя, проник в тело Его обличителя и превратил их двоих в единую светящуюся композицию, к которой приковались глаза десятков тысяч лондонцев, несколько минут назад бывших толпой, а теперь ставших свидетелями чуда. В едином порыве люди пали на колени и устремили руки к Даниилу.

Пронеслось:

— Христос явился! Христос!

Чувства людей, смотревших в это время телевизор, я даже не берусь представить. За последние несколько минут телефонные сотовые и наземные сети стран, принимающих Си-эн-эн, зависли от невиданного объема звонков, содержащих единственное послание: «Немедленно включи Си-эн-эн!»

Телезрители попали в привилегированное положение. Благодаря технике они увидели, как от прикосновения руки Даниила пулевое отверстие в теле Еноха затянулось, появилось дыхание, губы приобрели нормальный цвет, глаза открылись, но в них еще не было жизни. Енох походил на коматозного больного, присоединенного трубками к аппаратам жизнеобеспечения. Только в этом случае существование обеспечивал Даниил.

Учитель медленно опустился с телом Еноха на землю.

— Енох, Енох, слышишь ли ты Меня?

Енох попытался что-то сказать, но голос не слушался. Он попытался еще раз. Лицо искривила маска отчаяния. Из глаз потекли слезы. Однако на лице Еноха не было смирения.

— Енох, почто гонишь и хулишь ты Меня? Почто бередишь сердца людей ложью, называя белое черным, а черное белым? Не по плодам ли познается истина? Что же во вкусе Моих даров горчит тебе?

Старик продолжал рыдать. Но глаза горели холодной неземной решимостью. На это было страшно смотреть. Должно быть, так сияют адские костры.

— Ликуй, исчадие ада! Пришло царствие твое, — со страшным усилием произнес Енох и затих.

Даниил ничего не ответил, а только посмотрел на несчастного взглядом, исполненным прощения. При виде этой мизансцены реплика старика вызвала искреннее возмущение у свидетелей происходящего — мол, как же люди бывают неблагодарны!

— Идите с миром домой и несите Благую Весть! Добро побеждает зло! Ваши слезы нашли ответ в сердце пославшего Меня! Близок конец страданий, Царствие Небесное уже у ворот! — провозгласил Даниил через мгновение.

Люди начали вставать с колен и расходиться, еще находясь под воздействием увиденного и услышанного. Они двигались, как зомби. Или нет... Скорее они напоминали гигантские сосуды, медленно перемещающиеся в пространстве, чтобы не расплескать бесценное содержимое.

Из здания Си-эн-эн к Даниилу устремилась толпа во главе с Тедом, по сторонам двигались охранники. Они окружили Учителя и проводили внутрь здания, по дороге захватив и нас.

Полицейские проложили медикам дорогу к Еноху. Старика, несмотря на

его протесты, уложили на носилки и унесли в сторону припаркованной кареты «скорой помощи».

Глава тридцать пятая

Толпа рассеялась быстро. Но приняли решение не снимать полицейское ограждение. И правильно сделали.

Через несколько часов, хотя в Лондоне и была глубокая ночь, сюда, на место явления мессии, устремились люди, поодиночке и группами.

Под утро всю площадь усыпали цветами, повсюду горели свечи. Заканчивались одни коллективные молебны и тут же начинались другие. Везде были видны стайки страждущих, искренне верующих, что прикосновение к асфальту, на котором стоял Даниил, дарует здоровье. Первые случаи чудесного исцеления уже зарегистрировали, и информация о них просочилась в утренние желтые газеты.

А пока нас ждала бессонная ночь.

Штаб находился в кабинете Теда. Он чувствовал себя именинником, хорохорился, дерзко шутил с окружающими, однако был подчеркнуто вежлив с Даниилом и Его архангелами— по версии Билла. Впрочем, Билл — не очень правильное имя для такого значимого в небесной иерархии персонажа. Уж лучше Вильям, что ли.

Телефоны раскалились от непрерывных звонков со всех мыслимых и немыслимых уровней светской и духовной власти. Было очевидно — ситуация чрезвычайная. Мир, экономический, политический и духовный, нуждался в ориентирах. Впрочем, подспудно читался вопрос: не телевизионные ли трюки все это?

Сразу после завершения прямой трансляции Си-эн-эн на конкурирующих каналах появились эксперты по проблемам

христианства. Они пытались ответить, что это было и кто этот человек.

Си-эн-эн, в свою очередь, объявила, что завтра в прямом эфире Ларри Кинга дадут ответы на эти вопросы. И что ради беспрецедентного эфира Лари Кинг вылетает из Америки в Лондон. Но сообщение не остановило поток спекуляций.

Особенно пикантной оказалась передача, в которой за одним столом сидели представители Церкви, иллюзионисты, отставной голливудский постановщик спецэффектов, парочка криминалистов и прочий сброд. В какой-то момент они договорились до того, что в реальности не происходило ничего. Этакая видеоигра. А как же интервью с полицейскими, стоявшими в окружении? Ну что вы? Доверять свидетельствам бобби?

На других каналах бросились выяснять судьбу Еноха. Показали клинику, в которую его доставили для обследования. Но попытки связаться со стариком пресекли полицейские. Против Еноха выдвинули обвинения в организации массовых беспорядков и попытке причинения ущерба здоровью.

Ждали, что скажет Церковь. Особенно уповали па Ватикан.

Как обычно, поторопились с комментариями иудеи и мусульмане. Суть их замечаний сводилась к тому, что не надо спешить с выводами, но вряд ли случившееся можно считать началом Страшного суда. представители ислама также заметили, что главный чудотворец нигде не упоминал о конфессиональной принадлежности и поэтому нельзя утверждать однозначно, что он не правоверный мусульманин.

Эта реплика вызвала у Даниила улыбку. Он с интересом наблюдал за происходящим в эфире, изредка обмениваясь репликами с нами. Согласившись на интервью с Кингом, Он воздержался от любых иных комментариев для прессы и попросил дать возможность отдохнуть.

Даниил, позвав нас за Собой, проследовал в комнату отдыха, примыкавшую к кабинету Теда. На лице Хелен, как раз в этот момент раскладывавшей перед Тедом поступившие материалы, отразилась

гамма чувств, не оставлявшая сомнений в истинном предназначении помещения. Сам же хозяин кабинета только крякнул, но не прекратил разговоров по телефону.

Я не без ужаса ожидал смущения Даниила при входе в вертеп престарелого Фавна. И ошибся.

Казалось, грязь и похоть повседневного мира бегут от Даниила. Одного Его прикосновения достаточно для трансформации — и вот уже нас ждет за дверью не любовное гнездышко, с соответствующей американскому дурновкусию альковной мебелью, а Гефсиманский сад, вековые деревья, успокоительная прохлада весеннего иерусалимского вечера, прозрачное высокое небо и вид на город, ожидающий своего правителя.

Даниил сел на траву и жестом пригласил нас присоединиться. В Его взоре — ни следа усталости. Но печаль, исходившая от Него, была столь велика, что ни я, ни Билл не могли сдержать выступивших, как роса, слез.

— Учитель, почему Ты скорбишь? Ведь все хорошо, и наступает царствие Твое, и нет Иуды, и нет кричащей толпы, требующей Твоей смерти, и нет распятия...

— Не о том скорбь Моя. Придет время, разделите ее со Мной. А сейчас нам предстоит многое решить и собрать воедино фрагменты древней мозаики, ожидавшей своего часа.

Не стоит верить глубине внезапно нахлынувшего религиозного чувства, завтра проснется в них Фома неверующий и неблагодарные будут обвинять нас во всех смертных грехах, и требовать доказательств, и отказываться верить собственным глазам. Бесчисленные ряды черни будут множиться, если жизнь их в одночасье не станет лучше. Заметьте, не чище, но лучше. И рады будут суровому приговору соседу, но заранее простят себе как старые, так и новые грехи.

Тяжела корона Давида, и блудливо семя Адамово, и сказано Христом: «Не мир Я принес, но меч, и в недрогнувшей длани быть ему».

Любомудрствующие пытаются договориться с Писанием, изолгав его себе в угоду, но суд не им вершить, а Мне. И море слез Я слышу плещущимся в недалеком будущем, и вижу грусть на челе праведников, ибо скорбно немногочисленны их ряды и сердца полны сострадания к заблудшим.

Но время осознания грехов прошло, грядет эра искупления.

Даниил задумался. Хранили молчание и мы. Во мне было больше вопросов, чем когда-либо. Однако я понимал их неуместность.

Билл первым не выдержал и спросил:

— А как же мы? Что ждет нас? Что должны будем делать мы?

— Верить и служить. Могущество имени Моего велико, и путь указан. Идти по нему непросто, и многие попытаются взять сердца ваши подкупом, силой и слезой. Но не дам вам свернуть с пути, укреплю в сомнениях и дам опору в усталости.

— Так мы что же, будем палачами, приносящими жизни грешных на алтарь Твой?

— Слова пусты — вы будете судьями живущих, а Я свершу суд над умершими. Не палач тот, кто дарует шанс. И будет милость проявлена к живущим.

Позволю им пока век их жить по закону, ни буквы в нем не изменив. Но уж если кто и тогда не внемлет гласу Божьему, то быть по сему, и кровь их на них, и судьба их будет страшна.

Но до этого будет завтра, и надлежит явиться миру, и ответить всем неверующим на вопросы. Мир прагматиков требует чудес и науки, так дадим им хлебов ожидаемых.

Билл, ты покажешь полное совпадение генетического материала, полученного с Туринской плащаницы, с образцами, взятыми у Меня. Сделать это надо красиво, с твоими друзьями из Ватикана и цветом

научного сообщества и независимыми экспертами из исламских и прочих стран.

— Я размещу анонс в Интернете и буду вести параллельную прямую трансляцию. Имеет смысл забросить информацию об эксперименте всем основным СМИ. Чтобы не только Си-эн-эн, но и другие могли поучаствовать. Так что новостной студии будет маловато. Пожалуй, надо взять павильон.

— Владимир, — продолжил Учитель. — Кинг скорее всего не справится, так что многое придется объяснять тебе. Ты явишь миру истинное лицо грядущего мира. И увидят они чудеса, не только телевизионные, но и в повседневном окружении их. И ужаснутся отторгающие, и возрадуются праведники.

Пригласи основных политических лидеров принять участие в нашем действе. Пусть уверятся собственными глазами, что приходит Царствие Отца

Моего, и склонят головы, и не отягощают судьбу свою и народов, им подвластных.

Ступайте и знайте, что Благая Весть, как молния, озарит небосвод и каждый живущий и умерший будет призван Спасителем.

«Но не каждому это понравится», — подумалось мне. Даниил не ответил на мою мысль, но в глазах Его не было привычной кротости. Скорее, таким был взор Савонаролы.

Ничего хорошего от продолжения беседы я не ждал и вопрос об Эльге решил не задавать. Какая-никакая пауза все-таки дана — пообещал же живущим Даниил возможность пожить по евангельским канонам. Начнем в масштабах одной отдельно взятой семьи.

Переглянувшись с Биллом, мы сочли, что пора действовать. До эфира оставалось не так уж много времени, чтобы все организовать на... Хотелось думать о веках, но, кажется, по самым оптимистичным прогнозам, речь пошла на десятилетия. Уж отписанное-то надо прожить

так...

Стоп, это совсем из другого времени. Христианский Павка Корчагин — перебор.

Глава тридцать шестая

Даниил остался в саду один. Не знаю, о чем и с кем Он беседовал... По идее, самое время побеседовать с Создателем. Но у Него Свой начальник, а у меня... Чуть не сморозил чушь— у меня, конечно, начальник тот же, но вот президенты у нас разные.

Покинув Землю обетованную, мы с Биллом разбрелись по разным углам. Каждый был готов углубиться в содержимое своих сотовых телефонов. Однако Тед сбил рабочий настрой.

— И что мы будем делать? Каковы Высочайшие директивы? Меня не вызывали?

— Еще вызовут, — со значением произнес Билл. — Все там будем. На твоем месте я бы не спешил. Не думаю, что тебе понравится... Хотя, учитывая твой опыт и годы жизни с Фондой, зарекаться не буду, скорее всего мазохистские тенденции в тебе имеются...

Билл получал видимое удовольствие от унижения Теда. Ну что же, час всепрощения пока не пробил, а старые раны не заживают долго.

Тед набрал воздуха в легкие и приосанился в кресле, чтобы пущенное ругательство точнее попало в цель.

Но я успел встрять раньше.

— Даниил поручил вполне конкретную задачу каждому. Думаю, что тебе было бы сподручно связаться как с представителями средств массовой информации, так и с близкими тебе политическими лидерами.

Особенно уместно было бы использовать твой авторитет среди ближневосточных держав.

— Ты меня путаешь с вашим президентом. Это у него там устоявшиеся связи. Что смогу, сделаю.

— Спасибо за подсказку. Да, и передача пойдет не из новостной студии. Понадобится немало пространства. Вызывай своих гениев, предстоит поработать так, что все вздрогнут. Можешь платить любые сверхурочные — рейтинг подпрыгнет — не прогадаешь. Как-никак у тебя ожидается мировой цвет политики, науки, теологии и предстоит самый занимательный ДНК-эксперимент в истории человечества, который будут смотреть людей больше, чем наблюдали высадку американцев на Луну. И, Тед, пожалуйста, без всяких там VIP-пропусков для твоих курочек и просто ну очень близких друзей. Не место и не время.

Тед покраснел и даже крякнул от злости. Я понял, что попал в точку, — пару звонков уже сделано и пропуска посланы. Ничего, мальчик взрослый, переживет. А мне надо все-таки позвонить господину Путину. Как-никак идея Теда на сто процентов правильная. Да и памятуя Писание, Богу Богово, а кесарю кесарево. С властью лучше дружить. Тем более когда тебе это совсем недвусмысленно дают понять.

Я отправился в дальний угол кабинета, к уютному журнальному столику и диванчику. Очень кстати оказались и ваза с фруктами, и пара бутылочек минеральной воды.

Сел на диванчик, выложил перед собой мобильный телефон и, отвернув бутылочную пробку, налил пузырящейся жидкости. Пить не хотелось, но еще меньше хотелось переходить к активным действиям. Если угодно, то вот прямо здесь, в стакане, и есть мой Рубикон, водораздел. Дождусь, пока успокоятся выпрыгивающие пузырьки, и выпью. И тогда исчезнет внутреннее оправдание бездействия. Я присоединюсь к уже оживленно трещащим по телефонам товарищам. И начнется сумасшедшая стряпня на неведомой миру кухне, которая обернется

самым таинственным из всех блюд, поданных одновременно на все столы мира. Тайная вечеря, Last supper, в просторечном переводе с английского — последний ужин.

Странное ощущение... Как в школе, когда взгляд преподавателя скользит по фамилиям учеников в классном журнале, выбирая жертву... И время замедляется... Кажется, что успел бы и урок выучить, и до канадской границы добежать... И томит мука ожидания... Но она неизмеримо лучше ее окончания...

Как хочется позвонить Эльге и сказать что-нибудь ободряющее. Да и маме сто лет не звонил. С апостольской работой совсем семью забросил, Господи! А как дети? Старшей же в институт поступать... Хотя теперь не совсем ясно — зачем.

Ну позвоню я им... И что скажу? Что у меня все нормально, а у них, кажется, нет, но я похлопочу, по блату что-нибудь выторгую. Чушь.

Да и не могу не признаться себе, что торг-то не особо и возможен. Образ Спасителя оказывался очень далек от созданного классической русско-советской литературой. Пока я не обнаружил в поведении Даниила даже намеков на смирение и всепрощение. Жесткий, предельно прямой, скорее готовый карать, чем миловать. От булгаковского Иешуа — ничего... Безупречное знание первоисточника и нацеленность на конечный результат.

Если вспомнить, то ласковое слово я от Него слышал только в первый вечер, а потом всё по работе... Никаких тебе уменьшительно-ласкательных суффиксов, никакого заигрывания. Диктат, пусть и святой... А с другой стороны, неудача первого пришествия не могла не научить. Да и как с нами по-другому? Пряник был. Видно, пришло время кнута.

Что я рассусоливаю?

Выбор сделан. Притом не мной. Так что и думать не о чем.

Пора, мой друг, пора. Делайте первый звонок.

Здесь важно не ошибиться. Можно позвонить напрямую президенту. А можно заработать очки у друзей и набрать либо Славу, либо его заклятого друга. Но тогда я навсегда — сколь ни было бы теперь мимолетно значение этого слова — приобретаю врагов из числа тех, кому не позвонил первому. Посему позвоним президенту.

Глава тридцать седьмая

+70956660666.

Практически с первого гудка я услышал несколько напряженный голос президента.

— Здравствуйте, Владимир Рудольфович.

— Добрый вечер, Владимир Владимирович. Как вы узнали, что это я?

— Это было несложно, учитывая, что номер предназначен только для связи с вами.

— Тогда понятна цифровая ирония.

— Мне доложили о происшедшем в Лондоне. Как я понимаю, действие близится к завершающей стадии?

— Так точно, Владимир Владимирович. Однако, как вы и предполагали, живущим дается шанс. Так что все произойдет не одномоментно, и к вам есть просьбы. Не буду лукавить, не напрямую от Даниила.

— Слушаю.

Завтра пройдет всемирная презентация. Ее цель — ответить и чудом, и научным фактом на очевидные вопросы. Хотелось бы получить необходимых свидетелей происходящего со стороны научной элиты России и Патриархии. Было бы очень желательным присутствие

высшего руководства арабских стран и наших традиционных партнеров с Дальнего Востока. И я был бы счастлив, если бы и вы нашли возможность прилететь в Лондон.

— Где и когда?

— Здание Си-эн-эн, двадцать один ноль-ноль, завтра. Время точное, а вот место может быть уточнено дополнительно организаторами трансляции, то есть Тедом Тернером.

— Если мои оценки верны, то у вас будет расширенное заседание ООН, ЮНЕСКО, Лиги арабских стран, да еще пара религиозных собраний. Владимир Рудольфович, собирайте-ка всех на стадионе «Уэмбли», в самый раз.

— Хорошая идея, обсудим. Об аудиенции с Даниилом обещаю похлопотать.

— Спасибо, хотя если придерживаться вашей веры, то она и так у меня будет, хотелось бы — до момента окончательного вынесения приговора. Удачи! Увидимся.

Нажав красную кнопку на телефоне, я испытал облегчение. К Даниилу я уже привык, а к президенту, да тем более с такими просьбами, приходится обращаться не каждый раз. Я почувствовал, как огромный камень перевалился с моих плеч на президентские. Теперь ему предстоит собирать совещания, утверждать списки, говорить по телефону и увещевать.

Здорово, один звонок — и ваша головная боль — его головная боль. Какой там «эдвил» с «цитрамоном», медицине с фармакологией еще учиться и учиться.

Ужасно довольный собой, я откинулся на спинку дивана, прихватив из вазы аппетитную черную сливу, собрался...

Тут дверь в кабинет распахнулась и вслед за раздражающим шумом ворвался премьер-министр Англии в сопровождении сотрудников

охраны. Не удостоив взглядом никого из присутствующих, он подошел почти вплотную к столу, за которым сидел Тед Тернер, и провизжал:

— По какому праву вы позволяете себе устраивать такое в нашей столице?! Что вы о себе возомнили?! Как вы могли обойтись без предварительной консультации со мной?!

— Тони, успокойтесь! Позвольте представить вас моим друзьям — господин Билл Гейтс. Думаю, вы раньше встречались. Господин Владимир Соловьев, известный российский журналист. В другой комнате находится герой нашего сегодняшнего репортажа. Он отдыхает, был тяжелый день... Но если вы настаиваете...

— Да-да, именно настаиваю! Причем немедленно! А то позволяете черт-те что...

Напрасно он так, только и успел подумать я и оказался прав — все-таки апостол, как-никак могу предвидеть реакцию непосредственного начальства. Впрочем, памятуя версию Билла, нас повысили, и я теперь архангел. Так, ну и где мои крылья? Сейчас как взмахну, как брови насуплю, как дам всем сестрам по серьгам!

Извините, что-то я разошелся... Усталость... Тут и без меня есть кому фокусы показывать.

Как я и ожидал, бедный Блэр и договорить не успел. Он изменился в лице и сделал движение, по всей видимости означающее попытку ухватить только что выскочившие слова и спрятать их как можно дальше.

Поздно. Его тело само собой поднялось в воздух и стремительно полетело к дверям, за которыми находился Даниил.

Оба охранника заученными движениями потянулись к холмикам под пиджаками, свидетельствующим о наличии огнестрельного оружия, и замерли в столбняке в глупых позах и с полными ужаса широко

раскрытыми глазами. Они не могли видеть, как мощная дубовая дверь, к которой стремительно несся их патрон, вдруг замерцала, стала переливаться всеми оттенками коричневого цвета, постепенно меняя консистенцию на жидкую и собираясь каплями в причудливый узор, напоминающий соты неведомых дубовых пчел. Под напором света изнутри дверь испарилась, открыв грозную и величественную картину.

Все пространство комнаты заполнилось холодным огнем, настолько ярким, что смотреть на него было нестерпимо больно. И все мы, явившиеся свидетелями зрелища, невольно сощурились и подняли руки, пытаясь защититься от всепроникающих лучей. Перстень на моем пальце налился огнем. Уверен, что перстень Билла повел себя так же.

В центре огня с трудом можно было разглядеть очертания Даниила, Его левая рука притягивала к Себе летящее безвольное тело, а правая покоилась на груди. Не могу сказать, что в комнате царил страх, скорее, абсолютное недоумение. Пожалуй, только Билл и я, как свидетели и не такого проявления могущества нашего патрона, могли воспринимать происходящее адекватно.

В головах же Тернера и Блэра происходила революция. Вряд ли идея о существовании Бога могла быть еще более конкретно внедрена в их материалистическое сознание.

В мозгах обоих вертелись обрывки молитв, услышанных в детстве. Они никак не могли сложиться хотя бы в одно законченное предложение. На этом фоне явственно проступили культурологические различия чопорного англосаксонского и демократического американского воспитания. В голове Блэра рефреном билось: «О черт!»— что, скажем прямо, очень неуместно. А Тернер был и вовсе во власти ненормативной лексики, тем не менее довольно близкой по смыслу к выражению английского премьера, но подразумевающей интимный контакт с происходящим.

Тело застыло в непосредственной близости от вытянутой руки Спасителя, и все пространство заполнил Его глас. Столь низкий, что металлические предметы письменного прибора на столе Теда завибрировали.

— Кто ты, что посмел явиться и требовать удовлетворения своего ничтожного тщеславия с именем врага человеческого на устах? Паяц, возомнивший себя властителем судеб, самовлюбленный глупец, забывший о слезах избравших тебя. Кто ты, чтобы встать между паствой и поводырем? Кто ты, чтобы вопрошать твоего повеления для встречи Отца с заблудшими детьми? Очередной фарисей, книжник, любомудрствующий глупец, не видящий света истины за жалким мерцанием собственного эго. Представитель народа, так и не принявшего Бога и изолгавшего Писание в угоду блудливому монарху; чьи священнослужители погрязли в мужеложстве и сан возлагают на женщин и изгоев, служа не Отцу Моему, а своей похоти и извращенности; чьи политики веками наживаются на крови угнетенных и порабощенных народов! Вы, наследники тьмы Рима, как смеете вставать на пути света?

Изыди с глаз Моих и знай, Страшный суд идет, и будет он беспощаден к дьявольскому семени! И помни, справедливость настигнет каждого! И не в ваших судах она, а в одном слове Отца Моего!

Свет исчез, уступив место мощнейшему порыву ветра, подхватившего несчастного Блэра с охраной и вынесшего их вон из зоны нашего видения.

Местный катаклизм завершился так же внезапно, как и начался. Ни Тед, ни я, ни Билл не успели сдвинуться с места. Дверь, разлетевшаяся под давлением Божественного света, оказалась там, где положено.

Даниил остался у Себя, Тед в смущении попытался приподняться в кресле и что-то сказать нам. Билл сделал успокаивающий жест рукой, но пресен, Тернера было нельзя.

Захлебываясь от восторга, он заверещал, подпрыгивая в кресле. Ребячество, не соответствующее ни его возрасту, ни положению.

— А парень крут! Как вмазал! Парни, я ваш! Вот человек! Рейтинг будет, я вам точно говорю! Да если у меня и были еще какие-то

сомнения, то теперь готов по Его указанию пыль с дороги сдувать! Вот это мощь! Господи, счастье какое!

Тед бухнулся на колени и стал истово креститься, отбивая невпопад земные поклоны.

— Значит, не зря жил, не зря телевидение создавал, все-таки есть Бог, есть, и Он у меня в программе. Слава Тебе, Боже! Нет высшей награды за жизнь!

— Вот она, истовая вера телевизионщика: чудеса состоялись, обращение безбожников в веру завершено — за работу, товарищи.

Истовость Тернера вызвала у меня плохо скрываемую иронию. Неужели этот осел действительно считает, что происшедшее служило задаче обращения его в нашу веру? Воистину нет предела человеческому эгоцентризму, неотличимому от глупости.

— Вставай, Тед, еще намолишься. Дел невпроворот. «Хитроу» через пару часов подвергнется десанту со стороны бортов номер один из всех сколь-нибудь значимых стран. В Лондоне будут пробки из эскортов политических лидеров. Если хочешь завтра поужинать, советую заказать столик в ресторане прямо сейчас. Приход Спасителя превратится в местный хозяйственный бум. Так что давай на телефон — и постарайся этого избежать, обеспечь логистику.

Билл наблюдал за происходящим со свойственной ему улыбкой Джоконды и поддержал меня на заключительном этапе.

— Да, кстати, о студии ты договорился? По самым приблизительным расчетам, будет десять — пятнадцать тысяч.

В глазах Теда появился проблеск мысли. Он посмотрел на нас, прищурился и не без удовольствия произнес:

— Дети мои, вы в надежных руках. Когда вы еще под стол ходили, я уже делал телевидение — и не зря, ведь, если Он вас привел ко мне, это не случайно. Я избранный. Почему? Ответ на поверхности — я лучший.

Вы еще только рот открыли, а я уже все видел на большом экране.

Успокойтесь, Хелен давно подняла на уши всех моих гениев, студия готовится, техника завозится, компьютерная графика создается, анонсы уже час как в эфире, переговоры с конкурирующими структурами на права показа идут вовсю. Так что, апостолы, поуважительней со старшим поколением! Может, вам кажется, что это вы придумали сюда прийти... Но чтобы появилось нечто, кое-кто очень неплохо когда-то уже потрудился и продолжает свой труд. В отличие от тебя, крутого русского парня. Тебе бы только трещать по мобильному телефону. Господи... Ой, я по привычке... — И Тед испуганно посмотрел на закрытую дверь, но ее узор остался неизменным.

Переведя дух, Тед продолжил, глядя на меня и по-учительски отбивая такт ножиком для разрезания бумаг, зажатым в кулак.

— Вас, русских, можно за версту опознать в любой толпе — дорого одетые глухари с прижатой к уху последней моделью сотового телефона, орущие так, будто в детстве кормили громкоговорителями. О, я забыл немаловажную деталь — другой рукой они прижимают к себе симпатичную крашеную блондинку в одежде на размер меньше нужного, у которой породу заменяет худоба и выражение капризной дури на деревенской мордашке.

Так вот, неясно за какие заслуги попавший сюда Мистер Никто, не тебе мне давать советы! Даже удивительно, как ты сюда затесался? Заслуги мои и Билла известны. А ты кто?

На этих словах Тед, уже не сдерживаясь, размахнулся ножом для разрезания бумаг, и он чуть не полетел в моем направлении.

Я не обиделся. В дискуссию вступать не хотелось, учитывая, что во многом Тед был прав, хотя еще вопрос, что он называет породой и как ее отличить от вырождения, свойственного бесподбородочным англичанам. И чем ему не нравятся наши девушки?

Неужто обтянутые ссохшейся кожей черепа американок лучше? Или их короткие тяжелые нижние конечности, случайным образом

соединенные с иссушенным верхом, изредка исправленным силиконовым вливанием, — этакие грудастые кенгуру, — лучше? Не надо мне ему отвечать. А так хочется нанести асимметричный удар и для пущей убедительности превратить Теда под конец обличительного монолога в крокодила! Вот Хелен намучается его выгуливать!

Негоже, товарищ Апостол Архангельский (знатная кличка появилась — Никола Питерский, Апостол Архангельский).

А почему негоже? Вот Даниилу как что не понравится, так и давай по воздуху туда-сюда таскать. И это еще по-доброму. Ветхозаветный любимчик так и вовсе как-то обиделся на детишек, что те его плешивым дразнили, натравил на них диких зверей, которые малолетних и порешили...

Владимир, вы же воспитаны на классической русской литературе! Не забудьте после правой щеки немедленно подставить левую, а то что скажут наши доморощенные гуманисты?

Глубокий вдох.

Медленный выдох...

Досчитаем до десяти...

Теперь сосредоточимся на сути вопроса мистера Тернера.

Звучит он довольно традиционно: «Who is Mister Soloviev?» Вопрос на все времена, обращенный ко всем и каждому участнику человеческой драмы с начального момента творения и вплоть до Страшного суда. Идиотический вопрос отечественных посиделок: «А ты кто такой?»

Билл читал все происходившее в моей голове и сам был возмущен бестактностью Тернера. При этом, правда, и ход моих мыслей Билла не порадовал...

Билл уже хотел вступиться за меня и политкорректно изложить всю историю и мое значение в ней.

Но я не позволил.

— Я избранный и призванный Им. Для тебя этого вполне достаточно. Не собираюсь ничего объяснять и доказывать. Нам не о чем спорить и нечего делить, но есть кому служить и ради кого свершать. Твои сомнения адресуй призвавшему меня. И маленькая просьба — не надо размахивать ножичком. Это считается невежливым даже в нашей, как ты полагаешь, варварской стране.

Видимо, последнее замечание вывело Теда из себя. Он сделал скорее судорожное, чем продуманное движение, и нож полетел-таки в мою сторону.

Я ждал этого, радуясь возможности дать понять зазнайке, с кем он имеет дело. Взглядом я остановил нож в воздухе и заставил вращаться вокруг своей оси с такой скоростью, что он превратился в сверкающую тарелку.

Тед смотрел во все глаза. Через пару минут нож замер и потом с киношным свистом прорезал в воздухе надпись, проступившую огненными штрихами: «Приидет царствие Мое». После этого я отправил уже ненужный инструмент по месту прописки — на рабочий стол Теда.

Тернер сразу стал меньше ростом, плечи опали, боевой пыл испарился. Он испуганно посмотрел на меня и сказал:

— Простите — характер.

— Ничего страшного. Я понимаю, у нас у всех был тяжелый день. Уверен, предстоит еще более сложный. Считаю, что с личными вопросами мы разобрались. Поздно. Если не возражаете, я бы хотел прикорнуть хоть пару часов. Кстати, президент Путин высказал остроумную мысль собрать всех на «Уэмбли». Это как один из вариантов для ваших технических гениев.

— А что, интересно... А по поводу отдохнуть — для вас забронированы номера в гостинице по соседству. Только не знаю, как об этом сообщить

Даниилу...

Тед испуганно посмотрел на дверь, уже доказавшую причастность к чудесам.

— Не волнуйся. Уверен, Его давно там нет. Даниил живет по Своему графику, и Его перемещения нам неведомы. Билл, ты идешь?

Да нет, пару часов поработаю. Жуткое искушение поиграть на бирже, но я не поддамся... А так... Надо связаться с президентом, организовать перелет Туринской плащаницы и нашего друга, нового Папы с товарищами. Они хотят присутствовать при окончании эксперимента.

— Это делает честь и им, и тебе. А я пойду. Тед, если я правильно понимаю, у выхода из твоего здания сейчас толпы страждущих в ожидании чуда. Черный ход есть?

— Есть лучше — переход в соседнее здание, где и находится гостиница. Подожди, вызову парней, тебя проводят.

Глава тридцать восьмая

Ну вот и все.

Машина запущена. Неотвратимо приближается самый важный день в истории человечества. День, открывающий врата. Для кого-то врата ада. Для кого-то врата рая. Процесс открытия створок долог.

Некогда Господь положил предел человеческой жизни в сто двадцать лет — причина не биологическая, просто пришел потоп. А Ной ведь строил ковчег все это время и был при деле, и потоп со своим семейством пережил... Сколько лет отведено мне для отбора постояльцев ковчега?

Даниил молчит. Он в последнее время с нами общается не много. Не

могу сказать, что Даниил изменился, знаю Его не так давно. Он неуловим. Появляется и исчезает по собственному усмотрению вопреки физическим законам. Впрочем, скорее они подчиняются Ему, чем Он им. Или мы еще слишком мало знаем об устройстве Вселенной.

Ясно одно— Вселенная пронизана светом и управляется словом, соединенным с ним. Замечательное ощущение власти, ни с чем не сравнимое. Пожелал, высказал, и — свершилось. Как же хорошо Даниилу!

Сила, власть... Уходят любые страхи. За последнее время у меня даже морщины разгладились. Неплохое средство для омоложения.

Однако есть и минусы. Я совсем перестал вспоминать о детях и маме. Спасение человечества поглотило меня. Всепожирающее миссионерство. Я не думал сегодня с любовью ни о ком из близких. Впервые после встречи с Эльгой она не всплыла в моих фантазиях, уступив место ожиданиям развязки.

Пора смириться.

А как себя ощущала семья Иисуса, почти полностью потеряв связь с возлюбленным сыном? И что чувствовала бедная мать, вновь обретшая Его лишь после снятия с креста?

Жизнь жестока во все времена. Тихое семейное счастье оказывается чуть ли не главной утопией, во-плотимой лишь Мастером по договору между Иешуа и Воландом.

Печально.

Так для чего же все это? Зачем приносить себя в жертву ради спасения всего человечества, которое может и не случиться? И в первую очередь причинять боль и страдание, умирая еще при жизни, самым близким? Им-то боль гарантирована.

Спать, спать. Лучшее, что я могу.

Будет день, сомнения рассеются, добро победит зло...

Хотя кто поймет, где оно, добро, и чем отличается от зла?..

Глава тридцать девятая

Спал я неожиданно долго, часов десять. Меня разбудил звонок мобильного телефона. Причем звонил аппарат не мой, но над моим ухом. Я открыл глаза и резко вскочил, чуть не ударившись головой о телефон, который держал Билл. На его лице застыла ехидная улыбка.

— Тебя! Настойчивые ребята, звонят в пятый раз, не верят, что ты спишь в такой день.

— Который час?

— До передачи всего ничего. Одеться, умыться — и в путь.

— Вот было бы смешно — проспать Страшный суд.

— Не надейся. На звонок будешь отвечать? От твоего президента звонят, не от моего.

— Алло!

— Владимир! Наконец-то! Почему не следите за сроком оплаты счета за ваш телефон, он опять отключен. — Голос у главы администрации очень обиженный.

— Дорогой вы мой человек, нет у меня столько денег, чтобы содержать «Би Лайн», а роуминг из Лондона страшный... Не могу не отметить вашей сообразительности, позвонить господину Гейтсу — остроумно.

— Да какое там... Просто ребята из местной резидентуры поработали. Слушайте, президент уже здесь, с ним делегация из отцов Церкви и

нобелевских лауреатов. Кто только ни просился, но мы отказали — квота на сидячие места в павильоне очень скромная. Как, впрочем, и у всех стран «Большой восьмерки»... Но все же больше, чем у прочих...

— И что, неужели даже Абрамович не смог помочь и не уступил свою ложу?

— А вот шуток не надо. Да, он олигарх, да, владелец английского футбольного клуба, да, к нему есть вопросы...

— И в чем же проблема? Человек влиятельный, мог бы и порадеть обворо... извините, щедрому к нему государству.

— Не мог. Ни его, ни прочих очень важных людей не будет. Кто только за них ни просил, от раввинов до Патриарха... Президент был непреклонен.

— Понимаю, равноудаленность в действии. А я чем могу помочь? У меня даже нет пропуска, — правда, что-то подсказывает мне, что он и не нужен.

— Президент хотел убедиться, что все, о чем он с вами говорил, не вызывает у вас протеста, и еще раз подтвердить свою искреннюю симпатию, а также сообщить, что вашу просьбу относительно арабских стран удалось выполнить. Но кое-что он может вам сообщить только по закрытой связи.

— Я тоже его люблю. А теперь, дружище, говорите, что на самом деле происходит. Ну кто нас будет подслушивать?

— Хе-хе, — смешок был настолько искренним, что я даже удивился, — по этому телефону не могу. Я не параноик, но уверен, что наши коллеги из Лэнгли даром свой хлеб не едят, да и не только они, с ними-то у нас как раз все более-менее. Не могли бы вы перезвонить по известному вам номеру с защищенного аппарата?

— У меня его нет. Но я найду способ связаться. Билл, стоявший напротив меня, не сдержал

улыбки.

— Ничего страшного, и мой президент ко мне приставал минут сорок назад. Нес всякую чушь... Давай собирайся.

Душ. Хорошо! Вода сбила коросту с мыслей, и я отчетливо вспомнил все.

Как там бедный упрямый старик? Неугомонное племя, чего добивается, одинокий упрямец?!

Теперь — одеваться. Наверное, надо прилично. Как подобает одеваться пророку? Вопрос так вопрос. В Библии, надо заметить, об этом сказано не много. Точно помню, что во фрачных парах там никто не расхаживал. И я не буду. Оденуська я скромно и со вкусом. Темный костюмчик, рубашечка... А вот галстучек может и обождать...

Открыв створки платяного шкафа, я без малейшего удивления обнаружил галстук, одиноко висящий в ожидании меня.

Если бы понадобился костюм эскимоса, процедура была бы такой же — достаточно пожелать и представить. И он уже здесь. О размерчике переживать не стоит. Как влитой.

Я посмотрелся в зеркало — сама скромность и хороший вкус, изящные ботинки, красивые волосы, соль с перцем, безупречно сидящий костюм, рубашечка с запонками, прямо Голливуд... Нет, Голливуд отдыхает.

Пригладил волосы рукой, и в зеркале отразился перстень, от него исходило свечение.

Перстень напоминает о приближении страшного часа, а я веселюсь как мальчишка.

Стало стыдно. Отдернув руку, я отошел от зеркала.

Хватит, наигрался, пора и с президентом поговорить. Он-то волнуется.

Закрыл глаза, попытался представить президента, настраиваясь на него

и одновременно произнося на арамейском строки Писания, пробегающие через меня и исчезающие в перстне.

Спустя несколько минут удалось поймать президентскую волну.

Я увидел зал в посольстве и людей, томящихся в ожидании приема. Оставив их, я устремился в дальние комнаты и увидел Путина, сидящего за столом. Он был один и просматривал какие-то документы, делая пометки в тексте. Рядом на спинке стула висел пиджак.

Я сконцентрировался и материализовался прямо перед изумленным взором главы государства.

— Простите за странный визит, но у меня нет защищенного мобильного телефона. Да и что может быть лучше беседы с глазу на глаз? Я весь внимание, господин президент.

Не буду скрывать, эффектное появление доставило мне радость, хотя и отдавало дешевой научной фантастикой. Уж извините, по-другому пока не научился.

Должен отметить выдержку нашего избранника. В голове Путина роились вопросы, относящиеся к технологии моего появления и эффективности службы его охраны.

Президент сдержался и не подал виду, что смущен.

— Владимир, эффектно и эффективно. А где запах серы? По-моему, у Гете без этого появления Мефистофеля не обходятся... Не обижайтесь! Я бы тоже так хотел... Будет время, научите... Заодно сэкономим деньги налогоплательщиков на спецтранспорт и решим проблему с пробками.

Пользоваться-то я умею, только что выяснил... А вот передать умение смогу вряд ли... Разве похлопотать у Даниила?.. Но не думаю, что в списке приоритетов это окажется в первой десятке.

— Вы правы. Мальчишество. — И президент улыбнулся очень грустно,

щемяще. — Есть проблема, мой дорогой апостол. И проблема существенная. По нашим более чем проверенным данным, готовиться теракт, основная цель которого — не дать Даниилу раскрыться. И кроме всего прочего, как вишенка на торте, — уничтожить элиту планеты на стадионе «Уэмбли». Идея построить павильон прямо на футбольном поле и использовать трибуны для рассадки людей, а информационные мониторы — для трансляции — остроумна...

Президент сделал паузу. Я оценил его скромность.. Путин не стал акцентировать внимание на том, что это его идея.

— ...но такая концентрация, разумеется, вызвала интерес деструктивных сил. Информация стала утекать из офиса Тернера практически сразу. Конечно, службы безопасности сделают необходимое... Однако... Уже отменены все рейсы, прилетающие или вылетающие из пятисоткилометровой зоны с центром в Лондоне, закрыты все воздушные коридоры. 11 сентября многому научило... Но я крайне беспокоюсь... Особенно за вас. Опасения подтвердили и наши друзья из арабского мира. Радикальные фундаменталистские исламские группировки наблюдают за Даниилом и уже не раз пытались на Него выйти, опасаясь, что Его публичное возвышение может привести к усилению иудейско-христианской элиты и подвергнет сомнению религиозный авторитет непримиримых мусульманских сект.

По мнению наших друзей, — продолжил президент, — трансляция происшедшего у дверей Си-эн-эн вызвала паническую реакцию у фанатиков. И от них следует ждать неадекватных проявлений.

А тут еще у нас в Сибири завелся очередной блаженный. Он забросал Кремль предсказаниями о пришествии царства антихриста. Причем ваши перемещения в пространстве и подвиги описаны весьма точно. Настолько, что пришлось последить за вашими контактами, чтобы убедиться — с этой стороны утечки не было. Так вот этот сибиряк... Между прочим, Енох, представляете? Он творит чудеса. Местные его обожают. И все бы ничего... У нас таких в каждой губернии по десятку. Только он вдруг исчез из нашего поля зрения и всплыл в Лондоне. И не где-нибудь, а в больнице у сумасшедшего старика, который пытался побить вас с господином Гейтсом камнями. Наш Енох проник в палату

и долго беседовал с местным Енохом. Наши сотрудники пытались понять, но говорили на древнем языке. Ясно, что семитской группы, но разобрать тяжело. Хотели дать прослушать специалистам, пленка оказалась пустой. Вот такие локальные чудеса или обыкновенное российское разгильдяйство, служебное разбирательство покажет. — Президент говорил четко. Сказывалась школа и опыт оперативной работы.

— Интересно и очень познавательно. Я был уверен, что у Еноха должен появиться напарник, вернее, подельник. Все дело в том, что именно эта веселая парочка библейских персонажей вкупе с Илией-пророком избежали телесной смерти. За служение Бог забрал их прямо на небеса. Именно им уготована честь бороться с антихристом. Где они скрываются до времени «Ч», неизвестно. И они ли это на самом деле, тоже неясно. Согласитесь, определить по внешнему виду, что им по нескольку тысяч лет, сложно. Сравнительный анализ не проведешь. Поэтому не исключаю, что это парочка свихнувшихся религиозных деятелей, академиков или кого-то еще...

Но не могу не отметить, что некой силой они обладают. Енох появлялся всегда в нужный момент в нужное время, был в курсе событий и обладал очевидными немалыми финансовыми и организационными возможностями во всех странах, куда бы я ни отправлялся с Даниилом. И обаяния у него не отнимешь. Правда, характер сложный... Иными словами, я не имею ни малейшего представления, откуда они оба взялись. Но то, что они знают о Данииле немало и что они не из Его обожателей, — точно. Даже несмотря на шумную сцену, не думаю, что от них может исходить прямая угроза представителям светской и церковной власти. По крайней мере, не на физическом уровне. Максимум, на что они способны, — обличения и проклятия.

Деды — фанатики, но не террористы. Впрочем, попытки оказать физическое воздействие на Даниила и Его окружение показали, что на этот раз добро явилось ну с очень большими кулаками. Думаю, что господа Сурков и Волошин живо описали вам происшедшее на Красной площади...

— Не только описали. Я внимательно просмотрел все происшедшее в кафе, — к счастью, техника позволяет. Красная площадь — режимный объект, так что съемка ведется. Эффектно и совершенно непонятно. На пленке даже в замедленном режиме ничего не удается рассмотреть. Мгновенное разоружение. Наши эксперты никакого вывода, кроме нецензурного, сделать не смогли. Я посоветовал им перечитать Гамлета.

— Есть многое на свете...

— Не думаю, что был понят. — Президент посмотрел на меня лукаво и улыбнулся. — Что же это мы с вами о делах и о делах... Чайку?

— Да нет.. И у вас, смотрю, до передачи дел немало. Вон как посольство гудит, а тут откуда ни возьмись гость — и весь распорядок дня в тартарары. Кстати, увольнять никого не надо. Мое появление не в их компетенции.

— Значит, надо привлекать специалистов, знакомых и с этой стороной бытия!

— Мудро. Увидимся вечером. Спасибо за предупреждения. Даниилу я расскажу...

— До вечера.

Я закрыл глаза, представил номер в гостинице. И через взмах ресниц оказался вдали от Кенсингтонхай, где расположен посольский особняк. Кажется, начинаю понимать, как путешествует по миру Даниил.

Эх, о чем я раньше думал... Мог ведь каждую свободную минуту проводить с Эльгой... Хотя где они, свободные минуты... Можно, конечно, прямо сейчас. Но лучше не злоупотреблять, сегодня не самый простой день моей жизни. И не только моей. Нельзя расслабляться.

Глава сороковая

Интересно, кто-нибудь собирается давать ценные указания? А то ведь второй попытки может и не быть. Пока на редкость тихо.

Я открыл дверь номера и вышел в коридор. Помещение не очень походило на гостиницу. Скорее напоминало квартиру. Из того, что могло бы быть гостиной, доносились голоса. Судя по интонации, разговор спокойный.

Сделав шагов двадцать, я открыл дверь и увидел Билла, Теда и пару ребят в майках Си-эн-эн, с которыми не был знаком. Они сидели вокруг сдвинутых вместе столов и пили кто чай, кто кофе. На столе — традиционные печенюшки.

Говорил крепкий парень, мой ровесник. Он разложил перед собой чертеж, судя по всему, павильона, в котором будет проходить съемка, и объяснял существующие технические решения. На меня внимания не обращали, только Билл посмотрел в мою сторону и сделал жест, по-видимому означающий— «Присоединяйся!».

Я сел на свободный стул и, посмотрев по сторонам, заметил официанта.

— Чашечку чая — без молока и без сахара.

Пожилой официант, напоминающий кого-то из актеров немого кино, кивнул и удалился в подсобное помещение. Через мгновение вернулся. На подносе — чашечка, блюдце и чайник. Приятно, что ниоткуда не свешивались ниточки, люблю чай в старом формате. Я внимательно посмотрел на старика, последнее время мне в каждом Божьем одуванчике мерещился ветхозаветный патриарх, а после встречи с президентом я уже был готов к очередной порции пророчеств. Но старичок не был в молодости обличителем. Радостно улыбнувшись мне, он налил чай в чашку и удалился.

— Итак, проводить обычное интервью Ларри Кинга из обычной студии довольно скучно. Учитывая обилие VIP'ob в аудитории, грех их не показать. Значит, надо менять формат с интервью на ток-шоу.

Я не смог этого вытерпеть — и встрял. Во многом потому, что за годы работы на телевидении осознал, что враги понимают в этом деле не больше нашего. Мало этого, если бы их посадить на наши бюджеты, то они и вовсе бы загнулись. Так что по части идей им с нами не сравниться. Я, конечно, немного привираю. Ну, скажем так: мы тоже даже очень ничего, особенно когда нет денег, чтобы купить придуманный ими формат, а совесть или страх наказания не позволяет его просто своровать.

— Этого нельзя делать, уйдет доверительность. Мы не пытаемся показать мировое правительство, сегодня главная задача — явить миру Даниила и доказательства Его миссии.

Тед посмотрел на меня внимательно, но без всякой иронии. Урок пошел на пользу.

— Что предлагаешь?

— Вариантов несколько. Например, несколько интервью подряд. Первое может быть посвящено свежим событиям, и проводить его надо с Биллом и Тедом. Возможность пообщаться в прямом эфире с Папой Римским — мечта любого журналиста, и именно с ним уместно поговорить о плащанице и возможности клонирования. Сам сравнительный анализ — совсем другой формат. Здесь типичное ток-шоу с гостями, экспертами, местом для проведения анализов, потому что никто не поверит телемосту, хотя в любом случае, при любом формате все увидят происходящее только на экранах телевизора.

Конечно, такую программу замечательно могла бы провести Опра Уинфри, пусть она и не работает на Си-эн-эн... Впрочем, в Британии и своих ведущих на Би-би-си достаточно, подберете.

Самый важный вопрос — когда должен появиться перед публикой Даниил и когда объявляется результат сравнительного анализа ДНК Даниила и материала, взятого с плащаницы. Вы как себе представляли?

— Мы до этого пока не дошли, хотя идеи были недалеки от вашей. Но есть одна проблема, мы ведь работаем не в обычной студии, то есть нет

ни подготовленных декораций, ни постановочного для такого шоу света.

— А мне идея работы на «Уэмбли» кажется дикой. Почему именно стадион? — Это, конечно, сказал один из технических гениев.

К счастью, мне не пришлось отстаивать предложение моего президента, идея приглянулась и крепышу технарю.

— А где еще рассадить такое количество людей? И как же отлаженная работа службы безопасности, видеонаблюдения, коммуникации...

Молодец, подумал я, в России тебя ждет медаль, но ты не знаешь новых вводных, как говорят в спецслужбах у меня на Родине. Вот только не надо излишней подозрительности, в мое время полукровок Туда уже не брали. А с другой стороны, как я теперь, по свету помотаешься, и чем не агент 007, только в моем случае выше бери — 001, если, конечно, Даниил без номера.

Игра с номерами до добра не доводит. Конечно, я сразу стал думать, что Даниил так и вовсе номер два. От крамольной мысли я втянул голову в плечи, но удара молнией не последовало. Уже легче. Впрочем, подождите, ведь если так считать, то и мой номер совсем не первый, а в лучшем случае четырнадцатый — это, конечно, с Иудой. То есть я, по футбольным понятиям, страшно как велик, плеймейкер (тот, который все на поле придумывает). Под этим номером в великой, но несчастливой сборной Голландии играл Йохан Кройф. Теперь-то моя роль вырисовывается до конца. И стадион «Уэмбли» тоже оказывается очень даже в тему, так что до конца с ним прощаться не будем.

— От стадиона как места проведения интервью надо отказаться, лучшей приманки для террористов невозможно представить. А учитывая, что в России уже часов пятнадцать как знают о месте проведения мероприятия, то и все, кому не надо знать, тоже в курсе.

— Так что же, все отменять?

— Ни в коем случае. Все оставить как есть, но павильон в центре

стадиона будет пустым. То есть технического персонала там будет в избытке, но никого из президентов и иерархов Церкви. Трансляцию поведем на большие мониторы стадиона, и вряд ли кто-либо поймет, откуда идет сигнал.

А мы будем работать из обычной студии, где в качестве аудитории сядут человек сорок самых влиятельных людей планеты, маршрут движения которых изменим в самый последний момент. Их машины и охрана поедут на «Уэмбли», а они — к нам. Тед, это возможно? У тебя ведь есть доверенные люди с транспортом? Да и работать легче с собственной базы, а не на выезде.

— Не проблема!

— Что-то мне подсказывает, что нам сегодня предстоит прямое включение из Иерусалима, так что держи там всю бригаду наготове, а лучше парочку. Перебрось все силы или найми кого-нибудь, не пожалеешь, уверен, местом действия будет и Храм гроба Господня, и Храмовая гора.

Тед многозначительно посмотрел на одного из помощников, и тот выскочил из гостиной.

— А еще вот что я вам хочу сказать: не думаю, что все пойдет по указанному сценарию. По крайней мере происходившее до этого с нами и Даниилом не укладывалось в рамки привычного.

Я посмотрел на Билла. Дни, проведенные в бешеном режиме служения, сблизили нас. Как быстро мы стали единым механизмом, где каждая часть знает точно, что и когда надо делать.

Билл уже давно не читал мои мысли, как и я его. Мы были все время включены друг в друга и мыслили как целое. Попытка найти Даниила нам не приходила в голову. Было очевидно, что Он сам знает, где и когда надо явиться. Ну что же, еще несколько часов — и наша миссия завершится. Хотя скорее только первая ее часть.

— Сколько времени до мотора?

— До начала трансляции три часа — времени в обрез, чтобы перехватить первых лиц.

— Начинайте, а мы выдвигаемся в студию. Кинг на месте?

Глава сорок первая

Итак, Лондон и стадион «Уэмбли».

В Лондоне — огромное число религиозных и общественных организаций, которые забросали офис Си-эн-эн бесчисленными факсами с требованиями предоставить места... Можно не уточнять, что в случае отказа они грозили обратиться в суд с жалобой на телевизионный канал за дискриминацию по религиозным соображениям. А для таких либералов, как сотрудники Теда, подобное невыносимо.

Давно именно Лондон — столица мира. И ну очень влиятельные люди, проживающие здесь постоянно, исчисляются десятками тысяч. У каждого из этих персонажей светских и криминальных хроник собственный кровавый список подлостей, превративших их в героев желтой прессы. От таких можно ждать всего. За время пребывания в Лондоне они успели обзавестись друзьями, к коим себя относят многие, радостно получающие щедрые чаевые и способные вовремя шепнуть кое-кому о гигантском мероприятии на «Уэмбли». И конечно, кто-нибудь из сотрудников стадиона не откажет в любезности похлопотать о ложе или хотя бы о месте.

Необходимо учитывать и исторические параллели. Лондон — Вавилон современности. Где же еще собирать толпы объединенных одним языком гордецов, пусть не для строительства башни, но для грандиозного зрелища? Разумеется, в главном капище, точке кипения спортивных страстей, далеких от Божественного промысла.

После первой волны обещаний судебных исков в юридической службе

Си-эн-эн пришли к замечательному по простоте решению: перенести всю ответственность на руководство стадиона, выкупив у них на сегодняшний вечер часть лож и сектор VIP для своих гостей и оставив другие билеты на волю местного менеджмента.

Идея упала на плодотворную почву. Моментально были разграничены зоны влияния служб безопасности. И завертелся механизм оповещения клиентов и печатания пригласительных. Билеты на галерку выбросили в кассы стадиона. За ними выстроилась гигантская очередь простых верующих, часть которых успела добраться из отдаленных уголков Европы.

Толпы в шарфах цветов любимых команд, с дудками, трещотками и барабанами, подогретые немалым количеством пива, произвели бы не столь шокирующее впечатление, как смиренные пилигримы, стоящие в очереди к кассам и распевающие церковные гимны. Чудны дела Твои, Господи!

Сила веры этих людей оказалась такова, что цена на билеты заставила их только тяжко вздохнуть, а не употребить точное, хотя и нецензурное выражение. Думаю, поход на финал чемпионата мира по футболу был бы доступнее. Но... Не каждый же раз обещают билетик на конец света!

Уверен, если бы об извержении Везувия объявили заранее, все население Помпеи бросилось бы не подальше от вулкана, а попыталось бы прорваться поближе к кратеру, чтобы ничего не пропустить из огненного представления. А заодно войти в историю.

Каждый человек стремится стать актером. Но многие оказываются лишь на подмостках патологоанатомического театра.

Сотрудники службы безопасности «Уэмбли» трудились на славу, будучи предельно вежливыми, но в то же время тщательно обыскивая прибывающих. На внутренние стоянки не пускали даже машины знаменитостей. Их хозяева вливались в очереди вместе с простыми смертными.

Для гостей Теда сделали исключение. Машины с флажками мировых

держав заезжали со служебного входа, используемого обычно для транспорта футбольных клубов. Лимузины подъезжали почти вплотную к подъезду. Их пассажиры, пройдя по живому коридору, организованному сотрудниками безопасности, проходили незамеченными через подтрибунное помещение сразу в гигантский шатер, стоящий на футбольном поле, и занимали места в удобных креслах. Но перед ними была не эфирная зона, а гигантский экран, на который шел сигнал из студии Си-эн-эн.

Среди почетных гостей не было сорока самых влиятельных людей мира. Их маршрут изменили в последний момент. Об этом не знали ни представители службы охраны, ни администрация стадиона, ни те, кого высматривали цепкие глаза стражей порядка.

Президент Путин был прав— у Даниила имелись не только поклонники. Как только информация о грядущем действе достигла их ушей, решение приняли мгновенно. Но не надо впадать в паранойю или искать агентов среди сотрудников Си-эн-эн — телевизоры есть у всех, происшедшее у здания телекомпании говорило само за себя. Контакт с представителями арабского мира всего лишь уточнил место и время общего сбора. Такой шанс не упускают.

Уже с полуночи разносились телефонные звонки. В одну из мечетей Ист-сайда стекались люди, объединенные задачей уничтожить то, что они ненавидели. Было бы неверно думать, что их привлекала фигура Даниила.

Нет, скорее их съедала ненависть ко всему, что воплощали в себе западная мораль и демократия. Их идеология не признавала персональной ответственности. Чем страшнее окажется кровавая жертва, тем лучезарнее станет взор их духовных наставников, прикрывающихся именем Магомета, но так же далеких от мудрости ислама, как зло от добра.

Конечно, проникнуть на стадион непросто. Но все-таки надежный путь был. Он так часто использовался в голливудских фильмах, что служба безопасности не воспринимала его как реальную возможность. Канализация, идущая через весь район и проходящая под стадионом.

Чистюли-хозяева из охраны оставили канализационную систему на попечение привлеченных сил. А среди них друзей и поклонников неистовых мулл оказалось более чем достаточно.

План стоков и ключи от разделительных решеток продублировали и раздали исполнителям приговора. За взрывчаткой, которую шахиды должны были пронести на себе, дело не стало.

Исчадия западного зла взлетят на воздух! Мир узнает, что такое Страшный суд! Не несколько тысяч жертв 11 сентября! А десятки тысяч самых мерзких служителей иудо-христианства получат по заслугам!

Апостолы зла молились в мечети, ожидая назначенного часа.

Б скором времени за ними приехали два микроавтобуса. Начался страшный путь к райским кущам, где за обильным столом до конца веков шахидам будут прислуживать девственницы.

А на стадионе шла своя жизнь. Трибуны заполнялись. Там и сям вспыхивали звуки религиозных песнопений. Уже появились торговцы, в этот раз разносящие не чипсы и прохладительные напитки, а плакатики «Славься, Спаситель!», Библию, Новый Завет, крестики и прочий скарб, нетипичный для главного стадиона Великобритании.

Счастливая публика ожидала начала представления, рассматривая павильон, стоящий на зеленом ковре, и наблюдая на экране за приездом гостей.

Глава сорок вторая

Ларри Кинг волновался. Его не смущали президенты, папы, муфтии и прочий важный народ. За последние тридцать лет он видел их всех. В его студии побывали и предшественники, и конкуренты, и сами участники сегодняшней программы. Но никогда мэтра не вытаскивали

так бесцеремонно.

Они не согласились ни на приезд в Лос-Анджелес, ни на телемост! Ради чего? Пока все объяснения Теда звучали странно. И только осознание, что такого вкусного контракта в его возрасте на телевидении не найти, заставило Кинга смирить бешенство и оказаться в Лондоне.

С кем интервью? Зачем сыр-бор? Совершенно непонятно... Да и не может быть кому-то интересен абсолютно безвестный, не раскрученный в средствах массовой информации персонаж, не из высшего общества, не герой светских хроник, не президент, не лауреат — в чистом виде никто.

От праведного гнева у звезды закололо в боку...

А чушь про Мессию и трансляция чуда... Он ее, конечно, пропустил, пришлось смотреть на борту самолета... Разве мало сумасшедших еврейских иллюзионистов, возомнивших себя Спасителем? И если Тед решил раскрутить одного из них, неужели для этой роли был бы плох Дэвид Копперфилд?

Кинг не любил гримироваться. Раздражало прикосновение чужих рук. И к чему? Кинг давно осознал, что его мужская привлекательность сосредоточена в чековой книжке. Однако профессия требовала грима, и звезда терпела.

В гримерную зашел шеф-редактор Кинга. Он был ровесником Ларри и прошел со своим ведущим достаточно, чтобы понимать происходящее в душе старика.

— Ларри, мы вытащили всю информацию, которую смогли накопать. Это немного и не сильно отличается от файла, что они нам предоставили в самолете...

— И о чем ты предлагаешь мне с ними говорить? О погоде?

— Не заводись! До этого нахала у тебя будут вполне приличные собеседники, так что сможешь разогреться. Я объяснил всем, что ты

звезда и не будешь играть в поддавки, что вопросы максимально честные и острые и, если парень скиснет, ему придется винить только себя.

— С кого начинать?

— Как захочешь. Там есть пара интересных персонажей, Папа Римский, Билл Гейтс...

— Ты же знаешь, как я не люблю этого выскочку!

— Какого из них? Шучу. Есть русский парень, который и откопал этого... — редактор посмотрел в блокнот, не нашел пометку и зашелестел страницами. — ...Даниила. Это же так просто. Он еврей, я тоже. Фантазии ноль, вся ушла на Танах, поэтому, конечно, Даниил... И что мне делать с русским сопляком, который так же неизвестен миру, как и его находка?

— Верно. Но там есть забавная история с клонированием из генетического материала, украденного офицерами КГБ с Туринской плащаницы.

— Боже, ты хоть понимаешь, что несешь? Околесица в духе современных экшн-фильмов, а не главного политического интервью планеты! Уж лучше сразу побеседовать с Ангелами Чарли, они хоть симпатичные.

— Согласен, но зато хоть какое-то действие. Плащаницу папские парни уже привезли сюда, крупнейшие генетики здесь, сравнительный анализ можно провести и показать в живом эфире.

— Цирк! На старости лет я превратился в шута! Дожил... Как чувствовал, что пора уходить на покой!

— Ларри, ты не допускаешь даже тени сомнения — вдруг Даниил и впрямь Христос?

— О да! И прятался все это время на тропическом острове с Элвисом

Пресли! Тебе пора взрослеть.

— Хорошо, хорошо! Ты прав, а я нет. Так с кого хочешь начать?

Из всего предложенного набора хотелось бы разобраться с Папой, если он настолько глуп, что поверил в белиберду. И пусть меня начнут пинать за то, что я, евреи, лезу в церковные христианские дела. Я ведь не случайно всегда избегаю этих тем. Согласись, попы, муллы, раввины не очень убедительно выглядят на экране. Потом остается тяжелое послевкусие...

— Думаю, ты прав — без Папы не обойтись. А так как эфир далек от обычного, то и терять нечего, можно позволить себе то, что в рамках привычного выглядело бы странно.

— Смешно, только что понял — в один вечер я могу дать аудиенцию Папе, что раньше не удавалось никому, и поиграть в Иоанна Крестителя. Неплохо для маленького еврейского мальчика!

Кинг засмеялся, посмотрел на себя в зеркало, остался недоволен, но замечания гримеру не сделал. Законы природы не отменишь... Встал, стряхнул с плеч что-то видимое только ему, проверил подтяжки и подмигнул отражению.

— Ну что же, рок-н-ролл... — громко произнес он и отправился в студию.

Глава сорок третья

Опережая на несколько шагов звезду, бесшумно двигались два охранника. Но сегодня их услуги были лишними. На территории вещательного комплекса ни одного случайного человека, даже уборщики, и то лишь те, кто отработал в Си-эн-эн не менее трех лет и чья репутация считалась безупречной.

Такое количество охраняемых объектов впервые собралось в телевизионной студии, поэтому и меры безопасности были чрезвычайными. С того момента, как определились с местом проведения передачи и все полномочия в вопросах безопасности передали британской спецслужбе, на Си-эн-эн установилась железная дисциплина Римского легиона. Территорию разделили на секторы, каждый из которых контролировался патрулями с собаками и средствами электронного наблюдения. Все бойцы были хорошо знакомы друг с другом, так что проникновение злоумышленника в их ряды исключалось. Возникали вопросы согласования со службами безопасности руководителей стран, но опыт заседаний «Большой восьмерки» уже заложил основы взаимодействия.

Как удалось Теду собрать в одном помещении за столь короткий срок цвет мировой политики, — материал для докторской диссертации. Технически все просто, но согласование со службами охраны вопиющего изменения маршрута и вообще протокола — это, если угодно, чудо. Поневоле задумаешься, может, Тед — номер три? Вряд ли. Перстня у него нет.

Парень справился. И будет ему за это от Билла послабление на суде, ведь попадает он как раз под его юрисдикцию.

Нельзя отказать Теду и в чувстве юмора. Вместе с водителями и ребятами из службы безопасности он отправил за президентами и премьерами самых узнаваемых людей, каких только смог выловить. Путину достался Пол Маккартни. По дороге им было о чем поговорить. Тем более что они познакомились, распевая в Кремле песни «Битлз».

Подход нашли к каждому, обиженных не осталось.

Верные поклонники в нетерпении ожидали появления телевизионного кумира и в предвкушении удовольствия обменивались репликами. Царила атмосфера, предваряющая капустник, все воспринималось чуть-чуть не всерьез, с иронией. Как-никак взрослые люди — и все-таки решили прилететь. Но сами понимаете, выборы у всех не за горами. Четыре года в политике— не тот срок, чтобы забывать о спонсорах... Тем более столь могущественных, как господин Гейтс. И с Си-эн-эн

лучше не ссориться.

Решили развеяться, хотя понимаем, что показанное накануне можно прекрасно объяснить с рационалистической точки зрения. Однако какая приятная неожиданность — встретить столько замечательных людей в одном месте. А заодно обсудить оперативные вопросы. Совместить приятное с полезным.

И завертелся механизм большой политики. Тут и там начали проскакивать искорки интриг, грозясь разгореться то в пламя локального конфликта, то в смену неугодного режима.

Глупцы, они искренне считают, что от них что-то зависит! А ведь еще пара часов, и от их напыщенности не останется следа. Будут томиться в очереди и умолять принять во внимание их заслуги.

Надо заметить, далеко не все принимали участие в общем шуршании. Настроение Путина явственно отличалось от царившего в студии. Все попытки вовлечь его в беседу натыкались на вежливый, но твердый отказ.

Информированность дорого стоит. Вот что значит вовремя позаботиться об агентах влияния. Горжусь. Знай наших!

Звезды в шатре тоже не скучали, чему способствовали пышно накрытые столы с впечатляющим выбором горячительных напитков.

Точно, Last supper, подумалось мне. Мою иронию разделил Билл. Он, как и я, наблюдал за предэфирной суетой из аппаратной, большой комнаты, являющейся капитанской рубкой. Оттуда режиссеры командовали операторами и всей телевизионной командой, отвечающей за выход программы в эфир.

Когда мы увидели на мониторах, что Ларри появился в зоне действия камер, то покинули аппаратную и присоединились к крем-де-ля-крем мировой политики, но встали в проходе, чтобы не бросаться в глаза и не вызывать преждевременных вопросов.

Глава сорок четвертая

Кинг вошел в студию и удивился, насколько не похоже это помещение на то, в котором он работает в США. "Декорации были теми же — стол и два кресла на фоне задника. Но установили их по одной стороне гигантского зала, практически на сцене, а сам зрительный зал наполнили наиболее узнаваемыми людьми планеты. Ларри, ухмыльнувшись, подошел к своему месту и поприветствовал ассистента звукорежиссера. Тот надел на Ларри микрофон и протянул миниатюрный передатчик. Привычным движением Ларри вставил его в правое ухо и услышал голос шеф-редактора, который из аппаратной был готов в любой момент подсказать новый поворот темы или напомнить имя собеседника. Кроме прочего он вел отсчет времени. На телевидении — дисциплина прежде всего, надо вовремя уходить на рекламу и заканчивать передачу, чтобы не сломать сетку вещания. Впрочем, сегодня это не важно.

— Ларри, слышишь меня нормально?

— Все в порядке, сколько до эфира?

— Десять минут. Папа уже здесь, закончили грим, сейчас приведут. Пока можешь пообщаться с публикой.

— Где Даниил?

— Тед сказал, появится вовремя.

— И что это значит?

— Ты спрашиваешь не того парня.

Ларри обогнул стол и подошел к аудитории, которая, заметив ведущего, начала рассаживаться на отведенные места. Должно быть, впервые в истории телевидения собрали массовку, у каждого из членов которой

стул был подписан его именем.

Многих из стоявших перед первым рядом кресел Кинг знал лично. Президентов России и США он поприветствовал отдельно, прочим помахал рукой, хотя при других обстоятельствах наверняка уделил бы им куда более пристальное внимание.

Мы с Биллом по-прежнему стояли чуть в стороне и наблюдали за происходящим не без сарказма. Не думаю, что Ларри беспокоило наше отношение к нему. И вряд ли он изменился бы в лице, если бы узнал, что мы читаем его мысли. Он их не скрывал.

Как бы там ни было, его отношение к сегодняшнему действу не играет роли. Сегодня он выполняет функцию, смысл которой даже не осознает. И не надо. Есть кому распорядиться и в случае чего подставить руки.

Не буду лукавить. Конечно, как профессионал, я завидую мастодонту американского радио и телевидения. Он вошел в историю и заслужил право на этот день. Хотя ведущему сказать доброе слово о человеке в своей профессии настолько сложно, что труднее, пожалуй, лишь верблюду пройти через игольное ушко. Спасибо за напоминание. Знаю, что цитирую неточно. Но абсолютно верно по сути.

Вот прям выдавил из себя и всего аж передернуло... Я-то ведь и получше могу, да только не многие это знают. Вот что значит привычка, даже апостольством телевизионного сволочизма не выбить... А вы чего хотите, разве нормальный человек на ЦТ и ВР работать пойдет? Правильно, нет. В любой компании — запишите голоса на магнитофон и каждый скажет, что как раз его голос звучит противненько. И станут они грустными, задумчивыми и молчаливыми. А мы, профессионалы, каждый день слушаем собственный голос и наслушаться не можем. Выводы делайте сами. В свое оправдание скажу, что и апостольская работа подходит далеко не всем. Напряженный график, знаете ли. Да и ответственность ого-го. Например, через некоторое время конец света, а я с вами кокетничаю. Другой бы делом занялся... Я так борюсь с волнением.

Времени меньше и меньше... Приготовления позади. Вот и научная

часть в полной готовности и ждет звездного часа.

Неподалеку от нас в выгородке, так, чтобы можно было снять камерами, находилась передвижная лаборатория. Там крутились Мафусаилы в белых халатах.

Заметив их, Кинг подошел и спросил:

— Парни, а как быстро вы сможете дать ответ?

Парни, трое из которых нобелевские лауреаты, переглянулись. Один ответил:

— Минут сорок, не больше. Основная процедура связана с получением образцов со следами ДНК с Туринской плащаницы. Но нам удалось их забран, несколько часов назад. Так что взять материал у человека и сравнить...

— А как мы увидим результат?

— По предложению господина Гейтса, — на этих словах Ларри передернуло, — весь обсчет выведут на монитор, разделенный на две половины. По завершении сравнительного анализа произойдет наложение картинок. Как на уроках в школе. Если совпадет, все это увидят. Впрочем, и в случае, если не совпадет.

— Понятно, а материал у человека брать долго?

— Нет, кровь из пальца. Достаточно слюны и волоса, но тогда процедура была бы чуть длиннее, а у вас на телевидении важно все сделать быстро...

Глава сорок пятая

— Ларри, Папа на месте, микрофон на него надели. Возвращайся на

место, до эфира три минуты, — раз дался голос шеф-редактора в ухе.

Ларри помахал Мафусаилам рукой, что, по всей видимости, означало благодарность, и поспешил на исходную позицию.

Сев в кресло, он дружелюбно взглянул на Папу, который, несмотря на непривычность ситуации, источал доброжелательность.

— Здравствуйте, Ваше Святейшество. Спасибо, что согласились побеседовать со мной в эфире. Через пару минут начинаем.

— Не волнуйтесь, сын мой, все будет хорошо.

Кинг посмотрел на Папу как на блаженного, тяжело вздохнул и, услышав отсчет режиссера и команду «мотор», сосредоточился на камере, дежурно улыбнулся и начал программу.

Скажу со всей пролетарской откровенностью, наплевав на апостольскую политкорректность, этот дед мне не нравится. Как ведущий он умер лет двадцать назад. Теперь вся его звездность не стоила гроша ломаного. Придется помогать. Сам он, очевидно, не готов. Скоро скиснет.

Его беседа с Папой постепенно начинала сводить меня с ума. К Папе претензий нет, он как раз держался молодцом... Но Кинг минут пять зачем-то обсуждал деятельность предыдущего Папы и его роль в повышении авторитета католической церкви. Было видно, что обоим невыразимо скучно. При этом Кинг почти засыпал, оставалось только захрапеть в эфире.

Мне надоело. Я погрузился в то, что Кинг наивно считал своим сознанием (а на мой взгляд, это был склизкий фарш), и заорал в голове старика. Казалось, услышали даже воробьи на проводах высоковольтной передачи в глухой саратовской деревушке.

— Правда ли, что герой репортажа Си-эн-эн — Мессия? — От удивления, что задал такой вопрос, Кинг изменил позу. Всем показалось, что он проснулся.

— Я не знаю. Как служитель Церкви, я верю в пришествие Христа и в Страшный суд, но сказать, что этот человек и есть Спаситель, не могу.

— А кто может?

— Только дела Его. Конечно, сейчас время уже не то, что две тысячи лет назад, но Его слова по-прежнему ведут нас. Познаете их по делам их.

— Говорят, что этот человек по происхождению или как-то там еще и есть Христос...

Ларри, наука и Церковь много веков ведут диалог, иногда продуктивный, часто слишком эмоциональный... Посудите сами, Христос — Сын Божий в самом буквальном смысле. Это значит, что в Его генах находятся Божественные следы. Хотя мы и осознаем, что зачатие было безгрешным, но тем не менее оплодотворение Святым Духом присутствовало, что привело к вполне осязаемым биологическим последствиям. Безгрешное зачатие отличает Его от всех других людей на земле, так как Адам создан иным способом, если мне будет позволительно высказаться столь бытовым языком. Генные исследования доказали, что человечество произошло от единой праматери — и имя ее знакомо каждому школьнику, — это Ева.

У нас есть возможность сравнить гены человека, которого вы видели на экранах телевизора, с генами Спасителя с Туринской плащаницы. Мы не могли отказать в этой просьбе, так как закрытость в этих вопросах лишь усиливает слухи. Не проходит и десяти лет, чтобы не появлялись несчастные, возомнившие себя Спасителем...

— А этот человек, Даниил, — заревел я в мозгах бедного Кинга, и он наконец произнес его имя, — встречался с вами?

— Да, встречался. И со мной, и с моим возлюбленным предшественником, о кончине которого сейчас скорбит христианский мир. Не буду скрывать, что Даниил произвел на нас очень сильное впечатление, настолько, что разрешение на использование плащаницы для эксперимента было одним из последних актов, подписанных Папой

Иоанном Павлом.

— И вы считаете, что Даниил и есть Христос?

— Ларри, вы требуете от меня слишком много. Всей душой я готов передать Даниилу ключи, врученные Христом Петру, но и во мне живет человек, душу которого терзают сомнения. Светлейшие у мы нашей Церкви и наших христианских братьев уже много веков ведут теософские диспуты о том, что должно предварять второе пришествие... Могу лишь. сказать, что разум человеческий слаб и нам не дано знать, когда это случится.

— Так как же мы узнаем, Христос ли Даниил?

— Это не тот вопрос, который решается голосованием. Божественное пробивает себе путь в высшей степени явственно.

Ларри понял, что из Папы ему больше ничего не выудить, и, повернувшись к своей камере, начал читать с телесуфлера подводку к рекламе, которую судорожно в аппаратной набивал его шеф-редактор. А в это время прогрессивное человечество, прикованное к экранам телевизоров, было убеждено, что кумир творит прямо на их глазах и совершенно самостоятельно.

— Ну что же, вопросов больше, чем ответов. Как повлияет приход Спасителя на мировую экономику, захотят ли принять его наши мусульманские братья и что скажет Государство Израиль? Но начнем с самого простого — со сравнительного анализа ДНК. Сразу после рекламы в нашей студии— возмутитель спокойствия Даниил! А я благодарю Его Святейшество Папу Римского за время, которое он нам смог уделить.

Ларри улыбнулся в камеру и повернулся к собеседнику.

Реклама.

Ларри поблагодарил Папу, которого уже лишали микрофонной петлички, чтобы вывести из-за стола. В этот момент Папа наклонился к

ведущему, пристально посмотрел в глаза и сказал:

— Это Он.

Через мгновение к Кингу подошел гример поправить грим. Спустился из аппаратной шеф-редактор.

— Рейтинг сумасшедший, весь мир смотрит тебя!

— А где Даниил? Что он себе позволяет?

— Я — наверх, через пару минут продолжаем. Возьми русского...

Он не успел договорить, как я уже сидел напротив Кинга. Могу и не добавлять, что идею в голову шеф-редактору подкинул я.

Глава сорок шестая

В эфире мне было легко. Я понимал, что моя задача — рассказать историю рождения Данила и о Его первых годах жизни, о том, как Он оказался в Америке, где я с Ним и познакомился. Кинг особенно не мешал и буквально со второй фразы диалог превратился в монолог.

Я чувствовал, что пора представить Даниила. А главное — уже необходимо начать генетический эксперимент.

— Вы спрашиваете, где Даниил. Я отвечу. В лаборатории. Вы можете сами это наблюдать в прямом эфире.

Заработали камеры, стоящие в лаборатории, и все увидели скромного человека, сдающего кровь. Картина была слишком обыденной для происходящего со Спасителем...

Кинг пришел в себя и, не скрывая удивления, спросил:

— Это и есть Мессия?

Как будто услышав вопрос, Даниил медленно поднялся с места и двинулся к столу, за которым сидели мы с Кингом.

Даниил подошел с моей стороны, взял запасной стул, сел, надел петличку микрофона. Посмотрел на Ларри, как смотрят родители на любимых, но беспутных детей, и тихо спросил:

— Не похож?

— Простите, я ждал чего-то иного...

— Конечно, лимузина и роты почетного караула, фейерверков, блистающих лат, огненной десницы и кары на головы неверных. Не правда ли, все повторяется... В этот раз нет осла у ворот Иерусалима, но все тоже очень скромно. Однако не здесь и не так повторится история. Ларри, вы меня простите, если я буду говорить не с вами, а с теми, кто сейчас нас смотрит. И говорить буду напрямую, а не через тех, кто узурпировал имя Отца Моего.

Смотрите и слушайте, ибо день настал и пробил час, и время Мое пришло и царствие Мое наступило.

Что сделали вы с законом, который принес Я вам? И сказано — не буквы пришел Я изменить, но исполнить. А что слышите вы? Забыв Ветхий Завет, не услышали и Новый, живете, как идолопоклонники.

Воистину, ничто не ново под Луной. Как отцы ваши не смогли дождаться, пока Моисей вернется со скрижалями, дарованными Богом, и, поддавшись искушению, сотворили себе златого тельца и кричали: «Хотим в рабство, там похлебка трижды в день», так и вы забыли слова Мои, и ушли из города Моего, и не исполняете заветов Отца Моего, и размягчили сердца свои пороком, и не ведаете, что творите, называя белое черным и черное белым. Где Иерусалим и где вы?

Какие ключи ты хочешь вручить Мне, называющий себя Папой? Что сделал ты и бывшие до тебя с паствой Моей? Чью Церковь вы украсили

всем золотом мира, Павла или Христа? Не праведника там следы, а мытаря. И вера ваша от мытаря, нет в ней слов Моих, одна гордыня и алчность Павла. Где храм Отца Моего? Закован в чертоги Ватикана, обезображен росписями честолюбцев... Не сотвори себе кумира? Кумир ваш, бог — золотой телец, а не Отец Мой. Посмотри на свои одеяния и иерархов Церкви твоей! Чем ты похож на учеников Христа, босых и в рубище? Ты и священники твои — волки в овечьей шкуре. Не у вас ключи от царств, у вас ключи от мошны мира.

Но не купить себе места в раю, Страшный суд грядет!

Голос Даниила нарастал и в какой-то момент превратился в свечение, исходящее из Него. Спаситель говорил на арамейском, но каждый из присутствующих слышал Его на родном языке. Где бы ни были в этот момент дети Земли, они замерли и устремили взоры в сторону телевизионных приемников, которые заработали сами и сами поймали Си-эн-эн. Даже если до этого их хозяева и не представляли о существовании такого канала.

Там, где телевизоров не было и быть не могло, наблюдались удивительные атмосферные явления, когда изображение, неестественно четкое и яркое, появлялось на небе независимо от времени суток. И голос звучал в душах людей независимо от цвета их кожи и вероисповедания.

Он звучал набатом, заставляя вибрировать все клеточки организма, унося болезни и вызывая безудержные слезы экстатического очищения.

Многие тысячи людей, сидящих на стадионе «Уэмбли» и уверенных в том, что действие разворачивается в павильоне, установленном на футбольном поле, рыдали, наблюдая на гигантских экранах за всем происходящим.

— Жестоковыие! Все худшее взяли вы у отцов своих. Семя неверующего Фомы, вам требуются доказательства, пальцы вложить в разверстые раны Спасителя! Ну что же, вы их получите! Но что даст вам это? С чем предстанете перед Создателем? Посмотрите в ваши души, там чернота. Вы любите только себя, вы забыли главную

заповедь — «возлюби ближнего своего». Забыты заветы Отца Моего. Вы окружили себя книгами, забыв Завет. Строите замки на песке, надеясь грядущую бурю отвести заклинаниями ваших философов. Нет среди вас патриархов и праведников, лишь волхвы и фарисеи, изолгавшие то, чего не знали и раньше.

Что изменилось за две тысячи лет, чем вы лучше толпы, орущей: «Распни его!», и Понтия Пилата, умывающего руки? Что сделали вы, чтобы приблизить царствие Отца Моего?

Вы разглядели соломинку в глазу ближнего своего, а в собственном уже не бревно, а лес вырос. Вот и сейчас, в эту самую минуту, когда Я говорю с вами, чистое зло крадется по Моему следу, пестуя одну цель — сеять ненависть и смерть. Смотрите!

Даниил поднял руку, и открылась картина стадиона. Происходившее напоминало заставку компьютерной игры. Люди, сидевшие на трибунах, выглядели серым фоном, а силуэты, приближающиеся к стадиону извне, светились очень ярко. Они были в минуте ходьбы, но двигались ниже уровня земли, по канализационным шахтам. Было видно, что фигур около дюжины и что на них пояса шахидов.

Даниил продолжил:

— Эти несчастные не слышат нас. Сознание их замутнено. Их обманули. Как же далеко надо уйти от законов Моисеевых, принесенных Магометом наследникам Авраама-праведника, племенам Аравийским, чтобы считать, будто Богу может быть угодна кровавая людская жертва! Воистину говорю вам, нет места убийцам у престола Отца Моего! Не ведают они, что творят, но грех их страшен. Но не будет сегодня кровавой жатвы! И жертвуют сорняками ради посева, и паршивой овцой для спасения стада, и свиньями, чтобы избавиться от демонов. Пойдите прочь, исчадия ада, в пламя его и возвращайтесь!

Даниил поднял руку. Из Его пальцев брызнули искры. Светящиеся точки остановились и исчезли. На их месте лежали уже бесполезные килограммы взрывчатки.

Но не только крадущихся преступников постигла кара Господня. Одновременно вспыхнуло несколько человеческих факелов в Ист-сайде, и на границе с Афганистаном таинственно исчезла могущественная группа людей, еще недавно уверенная в своей абсолютной безопасности. И не райские кущи ожидали вновь прибывших, а жуткие вилы беснующихся духов. С мерным свистом подхватили ангелы смерти свои новые жертвы и потащили под леденящий душу немой вой в самый страшный уголок Божественного мироздания, откуда нет спасения.

Неожиданно на экранах появилось изображение лабораторного компьютера, который как раз завершал сравнительный анализ ДНК. Две сложные пространственные фигуры двинулись одна навстречу другой... И идеально совпали. На экране высветился результат — «полностью тождественны».

Над планетой пронесся стон.

В студии правители мира в абсолютной растерянности вскочили с мест. Некоторые упали на колени.

Священнослужители независимо от конфессий и религий истово молились, рухнув ниц при первых словах Спасителя, обращенных к ним.

— Не здесь трон Мой будет стоять и не в этих храмах стану служить, не на острове, где давно поклоняются гордыне, похоти и златому тельцу... А там, где кровь Моя пролилась. В Иерусалим, на Храмовую гору!

Свет, исходивший от Даниила, усилился и залил все пространство, став нестерпимо ярким. Подхватив нас с Биллом, он вырвался за пределы здания и озарил небо над Лондоном полуденным светом, понесся дальше и дальше, нарушая естественный ход часовых поясов, устанавливая в мире полдень.

Мы находились в середине потока света, ощущая, как по мере нашего восхождения по лестнице Иакова время теряет власть.

И вот мы несемся, как Илия-пророк на огненной колеснице по небесному своду, изгоняя тьму и устанавливая царствие света, пропуская мир сквозь себя, насыщаясь и наполняясь им, объединяя в себе миры и пространства. Я перестал ощущать физические границы тела.

Сила обернулась могуществом, и открылись мне лики мертвых и деяния их, и стали они для меня в один ряд с живыми. И ушло завтра и вчера, уступив место единому сегодня.

Вот кони замедлили бег. Под нами распростерся город славы и боли Его — Иерусалим.

И явился из огненного потока Спаситель.

На Храмовой горе, над Стеной плача, стоял Даниил.

Весь Иерусалим вышел на улицу и с замиранием сердца следил за происходящим.

— Возлюбленные дети Мои! Настал час, пришло избавление! Здесь будет стоять трон Мой, и здесь вновь стоять Храму Отцу Моему! Здесь буду вершить Страшный суд, и здесь сбудутся пророчества! Сюда придете и встанете вслед за мертвыми, дабы узнать жребий свой, и судить вас буду по деяниям вашим. И в ожидании суда живите по Закону, дабы не отягощать доли вашей. Ибо нет завтра, а есть уже сегодня, день первый из последних. И никто не воспротивится Мне. Ибо Моими устами говорит пославший Меня, и сила Его велика, и именем Его править буду в окружении учеников Своих в граде всех городов, в городе Соломона и Христа — в Иерусалиме.

Полуденное небо озарили звезды, засверкавшие бриллиантами. И гигантская радуга окружила Землю...

...И только где-то в больничной палате, в Лондоне, два старика, обнявшись, зарыдали:

— Енох, пришел антихрист! И война с ним будет кровавой! И многие сгинут в его правление! Но свершится предсказанное и недолгим будет царствие злодея!..

Конец первой книги